

Дмитрий Петров «Бирюк»

Братья
Грузиновы

Степные
рыцари

Степные
рыцари
повесть

Предисловие

На многие сотни верст распластались привольные, выжженные палящим солнцем, обмытые грозовыми дождями, обвеянные зимними выюгами степные равнинны Дикого поля.

Когда-то здесь, в далекие, незапамятные времена, царило оживление. По степным просторам кочевали скифы, посились на полудиких скакунах лихие наездники.

В Тавриде и на берегах Азовского моря азийские греки выстроили великолепные белокаменные города, в том числе и у устья реки Тана (Дона) торговый портовый город Танаис¹.

Предприимчивые греки завязали выгодную торговлю кочевыми племенами: за сукна, виноградные вина, оружие и другие товары получали от кочевников-рабов звериные кожи, соленую рыбу и разное сырье...

Грузно шагали века. Появились ирано-языческие племена сарматов. Они вытеснили с Дикого поля скифов. Затем сюда пришли отважные аланы и прогнали сарматов. Одни племена сменяли другие. Но, несмотря на это, край цвел. Ни один из народов, сменявших друг друга на Диком поле, не посягал на существование вольного греческого города Танаиса, ибо каждому племени, по воле судеб оказавшемуся хозяином этого благословенного края, он был выгоден.

Просвещенные греки мало того что снабжали полу-диких кочевников товарами и оружием, но и учили их мудрости и полезным ремеслам...

Как сокрушающий страшный ураган, вдруг сорвавшийся откуда-то из недр Азии, появились свирепые, не имеющие ни жалости, ни пощады гунны под предводи-

На месте нынешнего города Азова.

тельством грозного царя Аттилы, прозванного Бичом Божьим. С огнем и мечом прошел он со своими ордами по Европе, опустошил плодородные земли, разрушил и пожег города и села от Балкан до суровых берегов Балтийского моря, от Волги до Рейна.

Не пощадили гуны и цветущий Танаис. Жителей побили, а город разорили и сожгли.

Надолго после этого заглохло Дикое поле. Бродили по нему лишь изредка жалкие остатки некогда могущественных племен, населявших эти степи и уничтоженных гуннами.

Потом, подобно гуннам, так же внезапно появились на Диком поле авары. Появились, посвирепствовали и исчезли как дым. Вслед за аварами в VII веке с шумом и гамом на Дикое поле ворвались воинственные завоеватели — хазары. Они покорили древнегреческий город Фанагорию, основанный в VI веке до нашей эры на берегу Таманского залива. Босфор, почти всю Тавриду и все земли от устья Волги до Азовского и Черного морей назвали Хазарией.

Они понастроили на Диком поле множество крепостей, в том числе и знаменитую Саркел¹.

Хазар вытеснили печенеги — дерзкие, коварные и вместе с тем трусливые кочевники. Они были отличные наездники. Вся жизнь печенегов проходила в разбоях и грабежах. Они свирепо нападали на славянские племена, разоряли их деревни, грабили, убивали, брали дань...

Киевский князь Святослав со своими мужественными, бесстрашными воинами жестоко расправился с насильниками. Печенеги были изгнаны им с Дикого поля.

Но вместо печенегов появились новые варвары, родственные печенегам, — половцы. С половцами вел борьбу русский князь Игорь.

Более полутора веков владели половцы обширными просторами Дикого поля, беспрестанно нападая на окраинные города и поселения русских славян. В конце концов половцы совершили вытеснение русских с Дикого поля. В XI веке они отняли у греков Танаис и в честь своего предводителя, князя Азуна, назвали его Азуном, а позже стали называть Азовом.

На месте крепости Саркел впоследствии обосновалась казачья станица Цимлянская. Сейчас там Цимлянское море.

Дикое поле видело, как его ковыльные степи топтали бесчисленные ватаги монгольских наездников Чингисхана, а затем Батыя и Тамерлана.

В 1380 году на северной окраине Дикого поля произошла знаменитая Куликовская битва. Русские войска под предводительством великого князя московского Дмитрия Донского сразились с монголо-татарами, возглавляемыми Мамаем. Русские одержали победу, чем и было положено начало освобождения русского народа от ненавистного монгольского ига.

После столь бурных, кровопролитных событий, проходивших столетиями на Диком поле, к 1500 году здесь наступило затишье. Степи обезлюдили, опустели.

Проезжая от края до края Дикое поле, путешественник почти не встречал на своем пути человека и его жилья. Дикие звери, обитавшие в степи, бесстрашно приближались к путнику и взирали на него, как на чудо. Непуганые птицы стаями носились над высокими травами, не боясь человека...

Лишь белеющие издали развалины когда-то знаменных городов да каменные бабы на курганах, поставленные в честь захороненных знатных воинов, свидетельствовали о том, что здесь, в этих бескрайних степях, когда-то бурлила кипучая жизнь.

Во второй половине XV столетия турецкий султан Магомет II, задумав завоевать Крым, снарядил могущественный флот и под начальством визиря Ахмет-паша послал его туда.

Визирь Ахмет-паша успешно выполнил приказ султана. Он не только завоевал Крым и наложил дань на крымского хана, но к тому же забрал Азов, изгнав из него генуэзцев.

Турки превратили Азов в грозную крепость, паводя страх на многие подвластные им кочевые народы. Главное место среди таких народов принадлежало крымским татарам. Крымчаки беспрестанно совершали хищнические набеги на окраинные русские и украинские поселения, разоряли их, грабили, а население уводили в плен и продавали в рабство на восточных рынках.

Лишнее доступа к Азовскому и Черному морям, не имея там флота, русское государство терпело большие лишения от постоянных набегов вражеских орд на свои владения.

С появлением в 1549 году на Диком поле первых

донских казаков вся тяжесть борьбы с крымчаками и другими враждебными России народами, подчиненными Турции, легла на них.

* * *

В 1570 году на берегу реки Дон, верстах в сорока — пятидесяти от крепости Азов, донские казаки обосновали городок Черкасск, который впоследствии стал столицей донского казачества.

На первых порах своего существования городок этот претерпел много горя и бед. Не раз на него нападали турецкие и крымские орды, грабили, сжигали городок дотла, а жителей от мала до стара убивали,топили в реке, молодых же казачек уводили в полон.

И каждый раз после таких опустошительных погромов из руин и пепелищ возрождался славный городок Черкасск; заселялся он вновь храбрыми казаками. Звенели в нем звонкие песни казачьи, ключом бурлила жизнь, пока снова свирепые крымчаки или турки не нападали на него.

Казаки не могли примириться с жестокостью дерзкого врага. Они не оставались в долгу. Собравшись в буйные ватаги, казаки на стругах и лодках тайно подплывали к берегам Крыма или далекой Туреччины и врасплох нападали на своих врагов.

Око за око, зуб за зуб. Средневековая эпоха была суровая, нравы жестокие.

К описываемому в повести времени казачьих городков на Донщине существовало уже несколько десятков, и все они ежечасно подвергались грозной опасности налета крымчаков или других врагов. Поэтому казаки всегда были настороже, готовые каждое мгновение вступить в бой с вражескими налетчиками, своей кровью и жизнью защищая не только достояние семьи и городка, но и границы Русского государства.

Царская грамота

Вешняя вода 1637 года залила все низины, поймы и займища на много верст вокруг столицы донского казачества — славного городка Черкасска. Городок этот, словно сказочный островок, возвышался на водной глади,

манил далекого путника. Но к нему сейчас ни пройти и ни проехать.

Да и в самом городке, будто в Венеции, плещутся по улицам волны. Горожане сообщаются друг с другом на лодках да на каюках. Скучновато и тоскливо бывает такое время в казачьем городке.

Прохладными вечерами, когда городок горит в пурпуре закатных зорь, молодые парни, налегая на весла, разгуливают по Дону на баркасах, поют звонкие песни, а девушки, сидя в горенках за рукоделием, прислушиваются к голосам парней, вздыхают. Уж такова их доля — сидеть взаперти.

На высоких крылечках-беседушках сидят ветхие, по склонные старые казаки и ведут нескончаемые разговоры былом, безвозвратном прошлом, канувшем в мглу вечности...

Уныло звякает колокол у часовни, сзываю православных на молитву.

То от одного, то от другого крыльца отчаливают лодки богомольцами, направляются к Савельеву кургану, котором, как маяк, высится старая, обветшалая рубленая часовенка с похилившимся крестом наверху.

Грудастый и плечистый, как древнерусский былинный богатырь, поп Варлаам справляет вечернюю службу Длинный, высущенный, точно просоленная тарань, дьячок Ксенофонт помогает ему, тоненьkim овечьим голоском подпевает:

Аллилуйя-а... Слава те господи...

Более ста лет существует донское казачество на Диком поле, а столице его — Черкаску-городку более полу века.

От устья речки Аксая, что протекает на правом берегу Дона, до самых Хоперских дремучих лесов разбросаны казачьи городки, обнесенные плетнями да крутыми лами с надолбами.

Жили казаки суровой, спартанской жизнью, в вечной борьбе за свое существование. Почти все они холостяки, юбыли. Редко кто из них обзаводился семьей. Таков уж неизсанный закон на Диком поле: казаку вольному семья помеха. От женки да детишек ведь не пойдешь в поход лый...

Сиянные железной товарищеской дисциплиной, казаки донские представляли собой грозную силу. В большинстве своем они были крепостные крестьяне из рус-

ских поместий, бежавшие на Дикое поле от крепостной кабалы. На вольном Дону жили они своими демократическими порядками.

Царское правительство стремилось казацкую силу на южной окраине Русского государства сделать своим надежным стражем. И цели своей оно достигло — казаки донские зорко охраняли границу российского государства. Немало турецких, крымских, ногайских голов осталось в степях Донщины. Казачья сабля всюду настигала непрошеного гостя.

А для того чтобы казаки были отличными воинами, не обремененными заботами о своем пропитании, царь Михаил Федорович учредил им жалование: семнадцать тысяч рублей деньгами, семь тысяч четвертей муки, пятьсот ведер вина, двести тридцать пудов пороху и по сто пятьдесят пудов серы и свинца. Кроме того, еще сорок поставов сукна.

Давая такое жалование, царь под страхом смертной казни запретил казакам заниматься земледелием, дабы они не привязали б себя к земле.

Для десяти тысяч казаков, насчитывавшихся в то время на Дону, жалование царское было так ничтожно мало, что прожить на него было немыслимо. Да и то малое, что жаловалось царем, большей частью растекалось по широким карманам войскового старшины да атаманов. Рядовым же казакам, как говорится в сказке, мимо усов протекало, да в рот ничего не попадало...

Чтобы не погибнуть с голоду, казаки добывали себе пропитание охотой да рыбной ловлей. Терпели большие лишения. Как праздника пасхального, ждали, когда войсковой атаман кинет клич:

— Браты, на сине море!

И если кому из казаков доводилось плыть в набеги на Тавриду, Кафу, Синоп или другой какой крымский или турецкий город и если он оставался цел и невредим, то и дымились же тогда бражные, хмельные меды на дощатых столах.

Звонкие, скребущие за душу песни поднимались в поднебесье на тихом Дону.

* * *

Упираясь шестом, вдоль улицы плыл на каюке белокурый паренек лет пятнадцати в нарядном кафтане синего

го сукна, расшитого по подолу, вороту и рукавам серебряным позументом. У мальчугана лицо белое, румяное, глаза черные, острые. В левом ухе поблескивает золотая серьга. Видно, он из семьи состоятельной.

За кушаком у парня торчит костяная рукоятка пистоля.

— Куда, Гурейка? — слышит он сиплый голос с высокого крыльца обветшалого куреня.

Паренек оглянулся. На крыльце стоял кряжистый старый казак с широкой, как веник, седой бородой, в белой холстинной рубахе.

— Здорово дневал, дядь Ивашка! — приветствовал его паренек, скидывая баражковую шапку.

— Слава богу! — ответил старик.— Откуда бог несет?

— Из становой избы домой.

— Подплывай-ка ко мне, Гурьян. Погутарим...

— Да некогда, дядь Ивашка. Отец заругает... Надобно ему царску грамоту отвезти.

Глаза старого казака заискрились любопытством:

Чего-о? Царску? Какую такую царску? А ну, приаливай, леший тебя забодай, причаливай!..

Мальчуган остановился в раздумье, не зная, что делать. Надо бы скорее доставить грамоту отцу, который ждет ее с нетерпением, и старика не хочется обидеть. Ведь дядь Ивашка был его хороший друг. Ну как тут быть?

— Э, да ладио! — махнул рукой Гурейка.— Небось не заругают.

— Правильно,— согласился старик.

Раза два толкнув шестом о дно, парень причалил крыльцу, привязал каюк к перилу и уселся рядом со стариком на ступеньках.

— Что же это ты не хотел подплывать-то ко мне, обидчиво проворчал старик.— А то ж друзьяк... Эх Гурейка, Гурейка! Плохой ты, видать, друг...

— Что ты, дядь Ивашка? Да я тебе друг до гробовой доски...

— Да ну? — насмешливо взглянул на него из-под лохматых, кустистых седых бровей старик.— Ну, гляди ж...

И действительно, этот подросток Гурейка и старый бывший дядь Ивашка Чекунов были большие друзья.

Давно уже дядь Ивашка дружил с отцом Гурейки Михаилом Татариновым, с которым не однажды хаживал в походы на татарву, ногаев, крымчаков, не раз в кровопролитных битвах с врагами смешал свою кровь с его, спасая друга от смерти...

Дружба их не нарушилась и тогда, когда Татаринов вдруг изменил стародавнему казацкому обычай безбрачия и женился на плениенной им турчанке.

Конечно, не понравилась старому холостяку Чекунову женитьба его друга Татаринова на мусульманке.

Ежели уж захотел взять жену,— ворчал он,— то хоть взял бы русскую, свою. А то ж, вишь ты, оженился на басурманке... Тьфу, прости господи!..

Но другу своему он ничего о том не сказал.

Михаил Татаринов был смышленый казак. А башковитые казаки Войску Донскому до зарезу нужны... И вот так получилось, что Михаила Татаринова выбрали казаки своим войсковым атаманом...

«Ну, теперь дружбе нашей конец,— подумал с огорчением старый казак Чекунов.— Стал Михаил большим человеком, станет ли он теперь со мной знаться?»

Но нет, не таковский человек Татаринов. Стартую свою дружбу с Чекуновым, скрепленную кровью, он крепко помнил и не изменял своего отношения к нему.

Уж нечего и говорить о том, как рад был этому боярин Чекунов Иван. Всю свою любовь перенес он на семью друга. Стал он своим, близким человеком в семье войскового атамана.

Появились дети у атамана. В свободное от ратных дел время дядя Ивашка, как нянька, возился с маленькими. Особенно подружился он с младшеньким сыном Михаила, Гурейкой. Хороший мальчишка был этот Гурейка. Смышленый, бойкий, но послушный. С малых лет чернец учил его грамоте. И теперь Гурейка был грамотен. Грамотных тогда среди казаков почти совсем не было, а поэтому на мальчишку, бойко умевшего читать и писать, смотрели как на чудо.

Днями, бывало, бродил с ним старый казак по лугам да займищам, учил ловить перепелов, раков в ериках¹, мастерил ему удочки и свистки из камышинок. А как подрос мальчик, стал учить его казачьей сноровке: из

¹ Ерик — канал.

лука стрелять, Дон переплывать, саблей владеть, полу-
ликих шальных коней укрощать...

Всей своей душой Гурейка привязался к старому ка-
заку А тому любовь малыша всего дороже.

Так что же это за грамота царска, а? — допраши-
вал стариk паренька.— О чем же она? По какому такому
слу?

— Да вот уж, дядь Ивашка, погодь немнogo,— видя
чрезмерное любопытство старика, сказал, смеясь, Гу-
рейка.— Батя, должно, соберет скоро войсковой круг,
зачитает там грамоту. Вот тогда и узнаешь...

Гм-м,— неопределенно замычал старый казак,
покачивая головой.— Это что верно, то верно. Но...
Хотя бы одним глазком взглянуть на эту таинственную
грамоту А она за сургучами, а?

— Ну, конешное дело, как и положено, все как
нибудь,— деловито ответил мальчуган.— За сургучами,
красными...

— А что, ежели б на нее взглянуть, а?

Взглянуть-то, пожалуй, и можно,— заметил Гу-
рейка.— Но только ты никому о том не скажешь, дядь
Ивашка?

— Никому. Ни единому человеку.

Поклянись.

Вот те истинный господь,— закрестился старый
зак.— Чтоб у меня лопнули глаза, чтоб у меня руки
отвалились... Чтоб я провалился сквозь землю, ежели
скажу кому...

Страшная клятва подействовала на Гурейку. Огля-
девшись вокруг и убедившись, что поблизости никого
нет, он осторожно вынул из-за пазухи пакет из грубой
синеватой бумаги и показал старику.

Во!

— Ох ты! — в удивлении вытаращил глаза стариk.—
Вот это да! Печати зело красные. А какие гербы! Глянь,
Гурейка, да ведь пакет-то вскрыт!..

Да-а,— протянул мальчишка.— Вскрыт. Должно,
войсковой дьяк читал.

Зачти-ка.

Батя заругает.

Да он не узнает.

Соблазн велик. Паренек, съе раз оглянувшись из
осторожности по сторонам, опасливо вынул из кон-
а бумагу.

— Давай лучше войдем в хату, дядь Ивашка,— прошептал он.

Старик кивнул:

— Ладно.

Они заговорщики шмыгнули в дверь и, зайдя в хату, прильнули к слюдяному оконцу, слабо пропускавшему свет.

Письмо от царя Михаила Федоровича Войску Донскому было написано еще 26 февраля.

Царь писал казакам, чтобы они помирились с азовскими турками и свободно пропустили бы в Москву находившегося в Азове турецкого посла грека Тому Кантакузена...

— «...И как вам сия на-ша гра-мо-та,— по складам, медленно читал Гурейка,— придет, и вы б, атаманы и казаки, видя к себе нашу государскую милость и жалованье, нам, великому государю, послужили и с азовцами помирились, а турского посла Тому Кантакузена из Азова приняли, и почесть ему учинили, и проводить послали по прежнему обычаю, чтоб ему до Москвы здоровово и бесстрашио...»

— Ну, уж это не то. Не то, милостивый царь-батюшка,— укоризненно закачал головой дядя Ивашка.— Разе ж мочно терпеть такую измыву от азовцев, каку мы терпим от них?! Будь они трижды прокляты, антихристы! Что они наделали-то осенью у нас?.. Да разе ж сие можно простить?

И действительно, жители Черкасска жили под впечатлением жуткого набега турок-азовцев, который они совершили на предместья Черкасска осенью.

Воспользовавшись тем, что многие казаки, по обычаям своему, в первые осенние заморозки, по порошке вышли из городка на гульбу, турки под прикрытием темной ночи, на рассвете перебравшись по тонкому, звенящему льду к окраине казачьего городка, напали на казачьи курени, разграбили их, зверски поизрубали ятаганами стариков, решивших защищать свое добро, захватили с собой в полон десятка два женщин и ребятишек, подожгли хаты и умчались безнаказанными.

— Да и запозднился царь-батюшка с письмом-то этим...— сказал снова дядя Ивашка,— будто к Монастырскому гультяи ужо вал валом прут...

— Истинно так, дядь Ивашка,— мотнул головой Гурейка.— Гультяи ужо пошли... Батя еще ж зимой около

турецкого набега писал по всем речкам прелестные¹
письма...

— О господи!.. Матерь божья! — возведя очи к потолку, промолвил Чекунов.— Хоть бы услышали вы наши молитвы, дали б нам возможность погулять с сабелькой-дончихой этой весной.

Погуляем, дядь Ивашка,— убежденно заметил Гурейка.— Беспременно будем штурмовать Азов-крепость. Доведется и нам с тобой поиграть с сабельками грыми.

— Ей-богу? — загорелись глаза старого казака молодечеством.

— Ей-богу,— подтвердил мальчуган.

Старик радостно засмеялся и покрутил свои длинные усы.

— Дал бы господь. Тебе, Гурейка, все едино под дорогу, завези-ка ты меня в кабак... Хочу с радости глотнуть хмельного, чтоб душа моя взыгралась...

— Ладно,— сказал паренек.— Садись в каюк, подзум.

В монастырском

Шли дни. Жаркое солнце сушило дороги. Весенний дух наполнялся дурманящими запахами расцветающих придонских лугов, по которым дивными огоньками плыхивали тюльпаны.

Со всего Дикого поля к Монастырскому городку стекались пешие и конные казаки. Немало их прибывало из верховья Дона и на стругах.

Монастырский городок обосновался на границе с Турцией, в семи верстах от Черкасска вниз по Дону. Городок этот ничем особенным не отличался от других казачьих городков. В те суровые времена на Диком поле побиротных больших домов не строили, ибо каждый час можно было ждать нападения кочевников, турок, крымаков. Все равно все сожгут, а поэтому казаки рыли себе неприхотливые землянки, в них и жили.

Вдоль улицы Монастырского, как сурочьи холмы, торчали казачьи землянки, окружая в центре городка большую бревенчатую, рубленую становую избу и часовню.

¹ Прелестные — в смысле прельщать, взвывать.

В становой избе станичный атаман свершал административные обязанности, а в часовне беглый поп справлял церковную службу.

Городок обнесен крепкими надолбами из бревен и камня. В час опасности население городка вмиг высыпало на вал и отбивало нападение врагов.

Мимо городка величаво нес свои воды тихий Дон, а вправо от него пласталась равнина. Вот на этой-то равнине исстари и повелось,— как только она просыхала от полой воды, собирались казаки со всего Дикого поля вершить свои казачьи дела на войсковом кругу.

А после дел здесь же, на лугу, проводились игрища, соревнования между казаками, кто лучше стреляет из ружья и лука, кто ловчее рубит лозу, джигитует на добром коне. Отличившимся выдавались награды, подарки.

Еще в феврале, когда по Дикому полю бушевали лютые метели, атаман Татаринов разослал с озией письма по городам и станицам, прося атаманов оповестить казаков о том, что весной этого года под Монастырским предстоит «зело важный разговор на высоком кругу».

Письма эти вызвали большое оживление на Диком поле.

О них много толковали казаки, вечерами собираясь в становых избах.

Все они понимали, о чем это будет «зело важный разговор». Дело шло о штурме турецкой крепости Азова. Уже давно об этом поговаривают казаки.

С давних времен завязалась вражда между ними и азовцами. Между казаками и турками споры часто переходили в кровавые стычки и даже сражения. Слухи об этом доходили до царя московского Михаила Федоровича и султана турецкого.

По этому поводу между царем и султаном велась оживленная дипломатическая переписка. И московский царь и турецкий султан хотели во что бы то ни стало как-то уладить это дело. Ссора между Россией и Турцией в то время была не выгодна ни той, ни другой стороне.

Царь Михаил Федорович не раз в своих письмах на Дон увещевал казаков, просил их жить в мире с азовцами, но ничто не помогало. В своих ответах царю казаки отписывали ему, что подчиняются его воле и поста-

раются жить с турками мирно, но мира с азовцами не было.

Когда турецкий посол Тома Кантакузен собрался ехать в Россию, султанский сановник капитан Госсман-паша сказал ему:

Мы во что бы то ни стало должны избежать ссоры с русским царем. Ты должен это твердо уяснить... У тебя ум хитрый, изворотливый...

Я это, милостивый паша, отлично понимаю. Все, в моих силах, сделаю. Я постараюсь укрепить пружбу султана с московским царем, но вот эти казаки... Они стремятся посеять ссору между нами и Рос-

Ах, эти казаки! — словно от зубной боли, смор

я Госсман-паша.— Слушай, грек, может быть, ты поговоришься с русским царем о том, чтоб нам совмест-
Россией истребить всех казаков на Дону?

Это невозможно сделать.

— Почему? — удивился паша.

— Дикое поле велико. Казаки разбегутся... А потом еще пуще будут мстить нам, на радость нашим не-
другам.

Госсман-паша задумался.

— Это верно,— сказал он.— Ох, эти мне казаки!.. Надо что-то придумать. Я поговорю с его величеством султаном. Может, он разрешит переселить казаков Цона в Анатолию. Пусть бы они жили там своими обычаями и порядками и добывали бы себе необходимое для жизни у наших врагов.

— Нет, ваше высокопревосходительство,— покачал головою грек.— Казаки никогда не покинут свою родную землю... Знаю я.

* * *

У Монастырского городка, на лугу, собралось в эту весну более трех тысяч казаков. Шум, гул, гогот, веселый говор. Настоящая ярмарка. Предприимчивые торгаши на корую руку расставили лотки, палатки, пооткрывали арчевни, кабаки. Смрадный чад от жареного мяса бьет нос. У коновязей ржут добрые кони, отмахиваясь хвостом от липнущих к потным брюхам огромных зеленых

Толпы казаков бродят от кабака к харчевне, от харчевни к кабаку, пробуют хмельные меды, фряжские вина.

Народ здесь собрался самый разношерстный. Среди русобородых с добродушными, открытыми славянскими лицами гульяев, русских крестьян, здесь можно увидеть и скуластого калмыка, и горбоносого черкеса, и приземистого татарина, и смуглолицего грека, и юркого еврея, и многих других представителей разных народностей.

Товарищество казацкое было самое демократическое. Никому отказа не было, кто пожелал вступить в него, к какой бы ты национальности ни принадлежал. Стоило лишь пожелавшему стать казаком, прийти на войсковой казачий круг, перекреститься по-православному и сказать:

— Верую во единого бога — отца, вседержителя-творца, сына его и духа святого.

— Аминь! — дружно кричал круг.— Любо!.. Принять в казаки!

И принимали. Никто даже и вопроса не задавал: кто он, этот вновь принятый казак, откуда родом?

Вот так и создавалось донское казачество из разных пришлых, свободолюбивых людей.

И тут же на войском кругу давалась вновь принятому казаку фамилия. Если он из калмыков, то называли его Калмыковым, грек — Грековым, черкес — Черкесовым, грузин — Грузиновым, еврей — Жидковым или Евреиновым, и так далее.

Но все-таки большинство донских казаков были люди русские, бежавшие из помещичьих поместий от крепостной кабалы крестьяне и холопы...

— Эге-гэ! — размахивая шапочкой, кричит рыжий, взлохмаченный детина в длинной холстинной рубахе чуть ли не до колен и в поршнях с веревочками, перевивавшими его икры.— Односумы!.. Гуля-и-ияй!

— Чего орешь-то, гультай? — насмешливо говорит ему чернявый горбоносый казак в малиновом бархатном зипуне.— Небось уже все гроши пропил?..

— А ты считал, сколько я их пропил? — уставился на него затуманенными голубыми глазами рыжий детина.— У меня непропитых еще боле,— загремел он в кармане медяками.— Хошь, угощу?

— Не супротив,— засмеялся горбоносый.

— Ну и пошли в кабак.

Они загорланили какую-то песню, обнялись и направились к кабаку.

В снующей взад-вперед по лугу толпе часто проезжали на злых аргамаках с татарскими или ногайскими, серебряном убore и расшитыми чепраками седлами всадники. Это домовитые низовые казаки. Все они одеты щегольски, добротно. На них цветные зипуны иноземной выделки, опоясанные золотистыми или серебряными кушаками. Красные бархатные шлыки крупейчатых папах бьют им по плечам. Из-за кушаков торчат дорогие рукоятки пистолей, на боку болтаются кривые сабли дорогой выделки.

С надменным видом поглядывают они на гульяев, в которых в сермяжные зипуны да холстинные рубахи.

— Дорогу!.. Дорогу! — покрикивают они.

Гульяи хмурыми взглядами провожают их.

— Сукины сыны,— ворчат они.— Разжирели на легких хлебах.

В одной из харчевен за деревянным столом под палицами лучами солнца сидит дядя Ивашка.

— Эй, ярыга, чертов ты сын! — кричит он молодому арию, обносившему посетителей ковшами с хмельным.— Коро я тебя дождусь, дьявола?

— Чего тебе, старый?

Я те дам, старый! Разе ж я старый? Вглядись лучше... Штоф бражного меда.

Зараз.

По ярыгу, курносого, белобрысого детину в красной рубахе, больше привлекала разгулявшаяся компания домовитых казаков. Он крутился около этой компании: тут пожива более щедрая.

Заметив это, старый казак негодующе загремел:

Ах ты, продажная твоя душа!.. Ты что штоф не пссешь?

По в это время народ ринулся куда-то мимо харчевни на луг. Казаки, бросая недопитые ковши, тоже повыбежали из харчевни.

Что там? Что? — вскочил со скамьи дядя Ива-

— Запорожцы! Запорожцы!..— весело кричал какой-то казак.

— Черкасы приехали!

— Дядь Ивашка! — крикнул Гурейка радостно, пробегая мимо.— Пошли! Запорожцы!..

— Погоди, Гурейка! — махнул старик.— Зараз вместях...

Он нагнал паренька, и они побежали к тому месту, где шумная толпа окружила прибывших запорожцев. Всадников было много — тысяча, а может, две. Все они в барашковых огромных папахах с цветными шлыками, в широких шароварах. Из-под цветастых кушаков торчат пистоли, на ремнях болтаются сабли, в руках короткие пики.

В толпе запорожцев донцы узнавали знакомых по прошлым совместным походам.

— Эй, Грицко, забодай тебя сатана! — восторженно орал какой-то казак с серебряной серьгой в левом ухе.— Никак, ты?

— Я, брат,— ухмылялся рябоватый запорожец, покручивая длиннющий черный ус.— Жив, бисов сын?

— А что мне подеется? — осклабился донец, протискиваясь ближе к запорожцу.

— Он же двужильный,— захохотал рядом стоявший бородач.— Его не берет ни отвар, ни присыпка, а пуля отскакивает, как горох...

— Ну, що, Микита,— спросил запорожец у донца,— собираешься в поход супротив врагов идти, а?

— А моя шашечка-дончиха всегда наготове.

— То-то же, гляди. Вместях тогда пидимо.

— Для друга и головы не жалко,— сказал донец.— Два друга — хомут да подпруга.

Казаки захохотали:

— Ой да молодчага!

Дядя Ивашка с Гурейкой протиснулись сквозь тугую толпу к запорожцам.

— Ах, черт те дери! — вдруг выругался дядя Ивашка, хлопая себя по ляжкам.— Так это ж ты, никак, Любомир? — всматривался он в статного, смуглолицего всадника.

Широкогрудый, мословатый запорожец настороженно, как дикий конь, покосился на старого казака и вдруг осклабился, показав из-под черных усов крупные белые зубы:

— Дядько Иване!

Мгновенно он соскочил с коня, сжал в своих объятиях старика.

— Здоров бул!

Здорово, здорово, Любомир!

Они расцеловались.

— Жив, стало быть, дядько?

— Да как видишь.

— Ну, и слава богу,— сказал Любомир.— Ведь во-
а ж наша жисть казача така: ныне голова твия цела,
завтра який-небудь ворог срубав ее, як кочан капуст-
ний.

— Куда путь-дорогу держите, Любомир? — полюбо-
твовал дядя Ивашка.

— О, и далече же,— вздохнул запорожец.— Отсель
шкак не побачиши. Невмоготу нам стало жить в Речи
Посполитой... Утесняют шляхтичи.... И вот и надумали
мы итить в Персию, искать тамо привольной жизни себе.

— Да за что ж они, эти шляхтичи, утесняют-то
ас? — поинтересовался дядя Ивашка.— Ай не любы им?

— В том-то и дило, что не любы...

Запорожец коротко рассказал, как тяжко живет
украинский народ под гнетом шляхетской Польши, как
польские крупные феодалы, мелкопоместные помещики,
монастыри, иезуиты крепко закабалили украинцев, как
крестьяне стонут под этим невыносимым игом.

Тошно глядеть на горе народное,— добавил запо-
рожец.— Потому и порешили уйтить мы с Украины...

— Зря уходите,— сказал дядя Ивашка.— Надобно ж
бороться супротив этого гнета.

— Эх, дид, сами знаем, что надобно бороться,—
с горечью воскликнул запорожец.— Да як же будешь
бороться, раз сил нема?

— А надо собрать силы.

— Мабуть, когда и соберем силы, а зараз их пока ще

Да-да,— неопределенно протянул дядя Ивашка.

Помолчав, он хотел что-то сказать Любомиру, но в
этот время есаулец забил в барабан, сзываю:

— На круг, честная станица!.. На круг, казаки!..

Ну, Любомир, покель,— сказал Чекунов.— Пой-
решать войсковые дела... Мы еще с тобой повидаемся.

Эге! — кивнул запорожец.— Повидаемся.

Дядя Ивашка с Гурейкой направились к столбу, вры-
тому у небольшой рощицы, где обычно происходили
войсковые собрания казаков. Многие казаки уже сидели
в тени распускающихся деревьев, дожидаясь открытия

круга. Подходили все новые и новые толпы и рассаживались на траве вокруг столба.

Казаки переговаривались, балагурили, хохотали. Но потом вдруг, как дуновение ветра, по кругу казачьему пронеслось из конца в конец:

— Идут!.. Идут!.. Идут!..

Гам голосов затихал постепенно. Казаки повставали. Взоры их были устремлены к приближавшейся к казачьему кругу группе войскового старшины.

Впереди вышагивал сам войсковой атаман Михаил Иванович Татаринов, за ним шествовал жирный, расплювшийся, как блин, войсковой дьяк Лукашка Персианов, держа в руках как знаки своей привилегии чернильницу и гусиное перо.

А вслед за ними шли и все остальные: есаулы, есаульцы, хорунжие, городовые атаманы.

Войсковой Татаринов был ладно скроенный казак. Высокого роста, смуглолицый, чубастый, с жутковатыми черными глазами, производил он впечатление делового, энергичного человека. Было ему лет сорок пять — пятьдесят.

На нем немного широковатый бархатный малиновый кафтан, расшитый золотыми узорами и с золотыми шнурками на груди.

Пройдя к столбу, он остановился, внимательно оглядывая казаков, ставших полукружием напротив него. Почти всех их он знал в лицо. Много среди них односумов, с которыми он не раз проделывал боевые походы.

Из толпы старшин, ставших неподалеку от войскового атамана, вышел седовласый войсковой есаул Панька Пазухин. Зайдя перед Татаринова, он смахнул с себя шапку и с силой хлопнул ею об землю. Потом степенно поклонился казакам на все четыре стороны.

— Послухай, честная станица! Послухайте, атаманы-молодцы и все Войско Донское сверху донизу! Послушайте, войсковой атаман трухменку гнет! Трухменку!¹

— Любо! Любо! — закричали казаки.— Нехай гутарит.

Есаул прокричал это до трех раз, взмахом жезла привгласил войскового атамана приступить к исполнению своих обязанностей.

¹ Трухмэнка — шапка. Атаман трухменку гнет — шапку снимает. Значит, «атаман хочет говорить».

Выступив вперед, атаман снял шапку и бросил ее к своим ногам.

— Атаманы-молодцы! — поднял он высоко булаву. — Братья!.. Все Войско Донское сверху донизу! Послушайте меня, что скажу. Послушайте!

— Любо! — загорланили казаки. — Любо! Скажи, атаман: Послушаем...

— Царь грамоту прислал нам, своим холопам...

— Что пишет, кажи!.. Кажи, — раздались голоса.

— Царь-батюшка милостив к нам, — сказал Татаринов. — Шлет нам жалованье. Везет его на бударах боярин Степан Чириков. Вот, глядишь, скоро и привезет. Раздуванием тут его...

— Любо!.. — восторженно заорали казаки. — Любо!.. В добрый час!..

— А зачем жалует к нам тот боярин Чириков? — настороженно спросил высокий старик со строгим лицом и пышной патриаршей бородой. — Какого ему рожна надобно?

Боярин тот плывет к нам для встречи турского посла Фомы Кантакузина, — пояснил Татаринов. — Поплывет тот турский посол в Москву к царю-батюшке нашему

— А что слыхать про Ваньку Каторжного с его казаками? — спросил кто-то из казаков.

— Атаман Каторжный плывет на струге вместе с Чириковым, — ответил войсковой атаман. — Он мне отписку писал

— Что еще скажешь, атаман? — послышались вопросы. — Что слыхать про Азов? Пойдем брать али нет?

Татаринов вышел вперед и поднял руку:

Зараз скажу, братья, не всё сразу. О том, пойдем мы али не пойдем забирать крепость турецкую, вопрос еще впереди. А зараз скажу, царь грамоту прислал, чтоб жили в мире с азовцами. Да и Каторжный писал, что царь сильно сердит на нас за то, что мы вознамери-ваемся захватить Азов... Боярин Чириков везет от царя строгое повеление...

Казаки, не дав атаману договорить, гневно заорали:

— Нехай царь распоряжается своими боярами да холопами, а не нами — донскими вольными казаками!

— Выбьем азовцев из крепости!

— Пойдем на Азов!

Вперед выступил высокий старик со строгим лицом. Это был уважаемый во всем Войске Донском старый, восьмидесятилетний казак Максим Иванович Кувшинов.

— Погодь, браты, не ори! — понеслись по кругу голоса.— Послухай, что дед Кувшин гутарит. Послухай!

— Мой совет такой будет вам, атаманы-молодцы,— начал старик Кувшинов.— Надобно зараз же нам помиметь уговор, чтоб, не расходясь, всем скопом пойти потайно к Азову-крепости и штурмом овладеть им... Пока боярин Чириков-то прибудет к нам с царским указом, а мы, может быть, и Азов уже у турок захватим...

Восторженный рев казаков оборвал его речь:

— Любо! Любо гутарит старый! Любо!..

В круг выступил дядя Ивашка. Скинув шапку, он громко стал говорить:

— Верное слово сказал старик. Надобно забирать Азов. Вот зараз пришли запорожцы... Едут они в Персию жизни хорошей себе искать... Да разве ж они найдут там доброй жизни себе? Хан персидский же, как они придут в Персию, пошлет их воевать с турками... И положат наши братья-запорожцы свои буйны головы ни за что ни про что... Жили б они с нами тут, вместях Азов брать пошли... Разе ж у нас им тут не житье-бытье? — окликнул вокруг себя рукой дядя Ивашка.— Благодать! Любо!..

— Любо! — подхватил казачий круг.— Любо гутарит дядь Ивашка! Просить запорожцев! Просить!

Войсковой атаман поднял руку, призывая, чтобы казаки замолкли. И, когда над лугом наступила тишина, Татаринов закричал громко, чтоб всем было слышно:

— Всем известно вам, братцы, что турская крепость Азов всем нам как бельмо в глазу... Мало того что басурмане всякие обиды нам чинят, лишения приносят, так они еще и выходу нам в сине море не дают.

— Не дают, проклятые,— послышались из толпы негодующие голоса.— Забижают... Жизни не стало!

— Правду вы здесь кажете: надобно нам итить на Азов, как можно скорее надобно... И насчет запорожцев верно говорили. Надо примануть их к нам. Погутарю я с ними по этому поводу, а ежели будут артачиться, то соберу войсковой круг — всем кругом будем просить, чтоб с нами на Азов пошли...

— Любо! Любо!..— орали казаки.— Пошли на Азов! Выберем походного атамана!.. Выберем!

— И то правда,— сказал Татаринов.— Походный атаман нам нужен! — И он отошел в сторону, давая место есаулу.

Атаманцы-молодцы и все Войско Донское сверху донизу! — закричал тот, потрясая насекой.— Кого будьте кричать в походные атаманы? Кричи!

Из толпы послышались выкрики:

Мишку Татаринова походным!

— Ваньку Каторжного!

— Потапа Петрова!

Татаринова!

— Татаринова!

Есаул вглядывался в толпу, прислушивался. Минут десять орали казаки, выкрикивая своих кандидатов.

Татаринова!

Ваньку Каторжного!

Петрова!

Есаул поднял насеку. Толпа затихла.

Братья! — сказал есаул.— В походные атаманы кричали троих: Татаринова, Каторжного и Петрова Потапа. Но более других кричали за Михайлу Татаринова. Кто будет ваш приговор?

Татаринова походным! — теперь уже все единодушно закричали в кругу.

— Будь по-вашему,— сказал есаул, кланяясь, и, обернувшись к Татаринову, сказал: — По воле войскового круга быть тебе, Михайло, у нас походным атаманом. Веди нас на Азов.

Казаки бурно набросились на Татаринова, начали его высоко подбрасывать вверх.

— Ура-а! Ура-а!..

В добрый час! В добрый!.. Послужи нам, Мишка, а совесть.

При любом походе казаки выбирали себе походного атамана. Ему давалась неограниченная власть. Он становился командиром отряда. За неподчинение, за нарушающие дисциплины он был волен казнить смертью любого казака. Никто ему за это не сказал бы слова в укор.

Но если походной атаман злоупотребил своей властью, учинил какую-нибудь несправедливость, то казаки ли не только низложить походного атамана с его должности, но и казнить. «В куль да в воду», — как делают тогда на Дону.

После того как походный атаман был избран, войсковой круг избрал легкую станицу из четырех казаков для поездки в Москву с донесением царю о выступлении всевеликого Войска Донского на штурм Азов-крепости.

Турецкий посол

Войсковой атаман почти не появлялся в Черкасске, все дни он находился в Монастырском. Дел там много. Надо было окончательно договориться с черкасами о совместном штурме Азова, надо и разбить казаков на отряды и полки, поставить над ними полковников из числа старых, опытных рубак. Нужно и позаботиться об бударах, на которых поплынут казаки к Азову. А там и о продовольствии надо подумать, и о многом другом...

Подготовка к осаде Азова проходила в глубокой тайне. Но какая же там тайна, когда все делалось на виду у всех. Каждый видел суматоху в казацком лагере под Монастырским.

Обо всем, что делалось в казацком лагере, знал, конечно, и Гурейка. Знать-то знал, а вот побывать в Монастырском, поглядеть на все приготовления казачьи ему не удавалось, хотя сделать это очень хотелось. Отец запретил ему отлучаться из Черкасска. Своевольничать же он не посмел. Атаман не потерпит своевольства, изругает, а то еще — не ровен час — и прибьет, хотя это и редко случалось...

Но Гурейка с отцовским запретом примириться не мог. Он затаил в себе дерзкую мысль: как только двинутся будары с казаками вниз по течению реки, а конные полки по берегу, так он тотчас же сбежит из Черкасска, примкнет к казакам. А там, глядишь, и разыщет дядю Ивашку. Не прогонит.

А пока что он днями пребывал в становой избе. Помогая войсковому дьяку Персианову переписывать войсковую поименную роспись казаков.

— Ты, Гурейка,— пискливо поучал жирный дьяк,— пиши столбцом и с нажимом. С нажимом. Не жалей перьев. Повыдергаем хвосты у всех гусей... Вот пиши заголовок, скажем: Урюпинский городок. А потом: казак такой-то... Конный или безлошадный. Оружный или нет... Ага, вот так...

В избу вошел куластый казак. Положив ружье на лавку, он шумно высморкался.

Дьяк с удивлением глянул на него:

Ты откуда, а?

— Да сторожевой казак я,— ответил вошедший.—

При стражементе. На страже стою.

Стоишь на страже, а за каким лядом пришел? Уж боярин ли Чириков прибыл на баркасах, а?

Да нет,— помотал лохматой головой казак.— Чирикова, боярина того, еще не видать, а вот из Азовской гость прибыл.

Какой гость?

— А кто ж его знает,— пожал плечами казак.— На бударе приплыл. Десять, а может, и все двенадцать гребцов. И стража есть.

Вот ты ж какое дело-то, — разводил в изумлении руками войсковой дьяк.— А где ж тот гость?

А вот за дверьми стоит... Привел я его.

Так чего ж ты его не вводишь сюда?

— А допрежде надобно упредить. Как же так? Мы асм порядок.

Вводи! Вводи скорее!

Это можно! — охотно согласился казак. Взявшись с лавки, открыв дверь, он крикнул: — А ну-ка, мил человек, входи-ка сюда.

В становую избу важно вошел средних лет сухощавый турок, богато одетый в восточную одежду, в красной феске с черным махорчиком, бившим его по правому уху. Войдя в комнату, он огляделся и, убедившись, что в избе, кроме войскового дьяка и подростка, никого нет, приложил руку к сердцу, низко поклонился дьяку.

— Да пошлет вам аллах доброго здоровья,— четко по-русски сказал он.

— И тебе того же желаю,— кивнул в ответ дьяк, присевши с табурета.— Отколь прибыл, гость добрый? Кто будешь такой? Я войсковой дьяк донских казаков Лукиян Персианов. Рад услужить доброму человеку, коль прибыл к нам не с худыми, а добрыми делами.

— Спасибо на добром слове,— снова поклонился турок и улыбнулся.— Ну, зачем же с худыми, войсковой дьяк? Прибыл я к вам с добрыми делами, мирными. Я толмач¹ зовут меня Ассан, прибыл я к вам, донским закам, с письмом от турецкого послы Томы Кантакуна

¹ Толмач — переводчик.

— Так... Так... — попискивал войсковой дьяк.— А где же сие письмо?

— А вот и письмо,— с поклоном передал ему толмач свиток.— Оно адресовано войсковому донскому атаману Михайлу Ивановичу Татаринову,— предупредил вежливо турок, видя, что дьяк намеревается сорвать со свитка сургуч.

— А это все едино,— обиделся Персианов.— Я ж сказал тебе, что я войсковой дьяк.

Толмач иронически усмехнулся и промолчал. Но войсковой дьяк не стал читать послание турецкого посла. Положив свиток на стол, он сказал:

— Войсковой наш атаман зараз в отсутствии... Говори мне, Ассан: что надобно? Все, что в силах моих, сделаю для тебя.

— Я прибыл к вам упредить о том, что посол его величества султана Турецкого Мурада Четвертого Тома Кантакузен прибывает завтра в Черкасск-городок. Тут он повстречается с боярином Чириковым. А потом в сопровождении того боярина последует ко двору русского царя Михаила Федоровича в белокаменную Москву.

— Все понятно, Ассан, все,— закивал войсковой дьяк.— Будь спокоен. К завтрашней встрече посла турского все будет подготовлено.

— Тогда я возвращаюсь в Азов,— сказал Ассан,— доложу послу Кантакузену, что завтра он может прибыть в Черкасск, его встретят здесь достойно.

— Не сумлевайся, господин толмач,— заверил его дьяк.— Все будет сделано.

— Да сохранит тебя аллах долгие годы на радость людям,— низко поклонился Ассан.

Легкая усмешка, скривившая тонкие губы толмача, не ускользнула от проницательного взгляда войскового дьяка.

«Потонул бы ты, дьявол рогатый, в Дону»,— возмущенный насмешкой турка, хотел пожелать ему Персианов, но сдержался.

— Доброго пути! — буркнул он мрачно.

Как только турок вышел из становой избы, так сейчас же войсковой дьяк распорядился послать нарочного казака в Монастырский сообщить войсковому атаману Татаринову о завтрашнем прибытии турецкого посла.

Как это было и положено у донских казаков, войско-
атаман Михаил Татаринов выслал навстречу турец-
кому послу почетный конвой из наиболее уважаемых ка-
заков на бударах.

Казаки криками «ура» встретили посла верстах в де-
сяти от Черкасска. Сопровождаемый ими, он прибли-
лся к столице донского казачества.

Завидя еще издали этот кортеж на реке, на городовой
асовенке Черкасска ликующе, как на пасху, визгливо
презвонили колокола и колокольцы. Заухали пушки.
Толпа народа, собравшаяся на стружементе, замахала
апками, заорала:

— Ура-а!.. Ура-а!..

В толпе, с непокрытыми головами, в новых цветных
шапунах, стояли войсковые старшины во главе с атама-
ном Татариновым.

Легкая и светлая, как чайка, красивая галера посла
турецкого причалила к стружементу. Размахивая полами
золотистого халата, с нее на каменные, изъеденные вре-
менем плиты причала соскочил небольшого роста, плот-
ный мужчина лет пятидесяти, с густой черной бородой.
А вслед за ним спрыгнул с галеры и толмач Ассан.

Отыскав взглядом в толпе казачьих старшин жирного
дьяка Персианова, толмач вопросительно посмотрел на
него. Персианов понял его взгляд и кивнул на рядом
стоявшего с ним высокого, статного войскового атамана
Татаринова. Ассан что-то шепнул Кантакузену. Тот,
взглянув на атамана, подошел к нему вместе с толмачом.
Огромный негр в белом бурнусе нес за ним тяжелый
чул.

— Его величества султана великой Турции Мурада
Четвертого посол Тома Кантакузен челом бьет храброму
Донскому Войску, его атаманам-молодцам и всем добле-
стным казакам.

Кантакузен, коснувшись рукою земли, низко покло-
лся старшинам.

В ответ на поклон послы донские старшины тоже
низко поклонились ему, степенно, с достоинством.

Кантакузен что-то сказал толмачу. Тот перевел по-
русски:

Посол великого султана Турции желает атаманам
и всем донским казакам доброго здоровья и хорошей уда-

чи в их делах. А в знак своего благоволения к ним сultan приказал мне передать им дар. Давай сюда! — приказал он негру.

Тот бросил к ногам толмача узел.

— Развяжи! — сказал посол Ассану.

Толмач развязал узел и вынул оттуда великолепный кафтан темно-синего бархата, расшитый золотыми узорами. Посол взял из рук толмача, развернул его и встряхнул на солнце. Кафтан заиграл тысячами радужных искр.

— Ух ты! — взволнованно зашепталась толпа, восхищенная таким великолепием.— Вот зипун так зипун!

— Должно, сам султан носит такое.

— Кому ж это он его, а?

— Знамо, атаману войсковому.

— Счастливчик!

И действительно, счастливчиком оказался атаман Татаринов. Поверив кафтан перед взорами восхищенных людей, посол подал его ему:

— Бери, атаман. Это тебе от султана.

Атаман Татаринов и виду не подал, что он доволен султанским подарком, хотя в душе своей он был в восторге от него. Равнодушно, с каменным лицом взял он из рук посла чудесный этот кафтан и небрежно, словно вещь эта для него ничего не значит, бросил на руки есаульцу:

— Отнеси домой ко мне.

Посол молча смотрел на него, словно ожидая, что он скажет.

И Татаринов подумал, что действительно ему нужно сказать что-то значительное, важное.

— Благодарность моя большая,— поклонился атаман,— великому турскому султану Мураду за такой богатый дар. Вот не ведаю я, чём только и отплачу за него...

Когда эти слова атамана были переведены послу, тот широко усмехнулся, сказал:

— Дружбой своей, атаман, дружбой.

«Поглядим, во что выльется эта дружба,— подумал Татаринов.— Полюбил меня султан, как собака кнут...»

Потом посол из узла вынул еще два кафтана, один — вишневого цвета, второй — зеленоватого, оба тоже бархатные, расшитые серебром, но, однако, несколько похуже первого. Один кафтан — вишневый — Катакузен отдал ближе всех стоявшему к нему старшине Маркину,

второй — зеленоватый — войскому дьяку, отчего того, бедного, чуть паралич не ударили от радости.

А затем турецкий посол раздарил старшинам и казакам еще десятка три разных мелких предметов: кому купленный, кому кинжал в серебряных ножнах, и кому ковш.

Под восторженный гул толпы гостей усадили в лодки и повезли в становую избу, где уже столы были установлены разными угощениями.

Войдя в избу, посол турецкий взглянул в передний угол, где перед образом Иисуса Христа мерцала лампадка, и, истово перекрестясь, поклонился иконе. Это очень понравилось казакам.

— Неужто он православный? — изумились они.

Толмач Ассан, не отходивший от посла ни на шаг, поспешил им, что посол Кантакузен, как грек по нациальности, веры православной, но на службе состоит у султана турецкого.

— И не возбраняет его султан за это? — дивились казаки.

— Да ничего. Султан не против того.

Засели иноземные гости и их радушные хозяева за столы, пировали весь день, не закончили, продолжали в ночь. Шум, крики, песни, пляски. Посол Кантакузен вошел в восьмую, приказал принести с галеры своей отменных вин и сластей восточных. Угощал старшин войковых.

Казаки не отказывались от угощения. Много ели, еще больше пили, во хмелю орали песни, плясали. Под конец перепились, что многие из них свалились под столы ам мертвцевки заснули.

Посол же пил мало, был совершен трезв. Умными глазами наблюдал он, что делалось вокруг, посмеивался. Чан, его толмач, совсем не прикасавшийся к винам, припомнивался, что болтали казаки (а болтали они многое, что не следовало бы при чужих людях), все нашептывал то послу.

* * *

Несколько дней уже живет турецкий посол в Черкассе, ожидая прибытия боярина Степана Чирикова.

Чириков плыл на бударах с верху Дона. Давно бы ему следовало быть в Черкасске, да вот что-то задержало его в пути.

Живя на своей галере, посол страшно скучал без дела.

Как-то, приехав из Монастырского и побывав у посла, Татаринов между прочим обмолвился о том, что у него есть сынишка младший, так он-де очень смышлен. Татаринов сказал об этом не без умысла.

Посол заинтересовался парнишкой, попросил атамана привести ему Гурейку для забавы. Все, может быть, время проходило бы быстрее, незаметнее.

— Ладно, господин посол, приведу.

Придя домой, Татаринов сказал Гурейке:

— Вот что, сынок, ты уже большой парень, должен все понимать, что к чему. Поведу я тебя ныне к послу турскому навроде для услужения ему... Будешь крутиться вокруг посла, усугублять ему, а сам прислушивайся, что они будут гутарить промеж себя... Не можи и виду казать, что ты по-ихнему умеешь балакать. Понял?

— Понял, батя.

— Прикинься навроде глуповатым, а сам выведывай все.

К вечеру Татаринов отвел сына к греку, а сам тотчас же уехал в Монастырский городок.

Гурейка послу понравился. Кантакузен болтал с ним через толмача. Иногда, катаясь на лодке по Дону, брал с собой и мальчика.

Однажды они заплыли очень далеко, чуть ли не до Монастырского. Посол обратил внимание на скопление вооруженных казаков на лугу. Заметив, что Кантакузен уж слишком внимательно рассматривает казаков, Гурейка забеспокоился, что посол поймет, в чем дело. Он подумал, что отец тогда обвинит его в том, что он допустил грека так близко подплыть к Монастырскому городку. Ему хотелось каким-то образом отвлечь внимание посла от них. Но Гурейка ничего не мог придумать.

— Что они там делают? — хитро сощурив глаза, спросил посол, указывая на казаков.

Толмач перевел.

Гурейка стал рассказывать, что-де это сбогище казаков здесь — обычное явление на Дону. Известно сложился такой обычай: каждую весну собираются казаки у Монастырского, решают здесь свои войсковые дела.

А после этого устраивают игрища: джигитуют, наездни-
ют, показывают свою «лыцарскую» доблесть один перед
другим.

А что сейчас решают?

Не знаю,— сказал Гурейка.— Я еще ма... Меня не
пускают туда.

Посол переглянулся с толмачом, и они замолкли.

Гурейка видел, что посол не доверяет ему. Несколько
раз как бы невзначай он обращался к мальчишке по-ту-
рски. Гурейка невозмутимо смотрел на него и молчал,

вид, что не понимает, чего от него хочет посол,
турецкий язык он знал преотлично. Еще до сих пор

доме живет старый турок-невольник, научивший
этому языку. Да и мать у него была турчанка, от
они тоже многое знал.

Как-то утром, как и обычно, Гурейка примчался на
посольскую галеру. Посол под тентом пил ароматный кофе.

Гурэйка! — весело воскликнул Кантакузен.— Иди!
Иди!..

Он указал ему на скамейку около себя.

На маленьком столике перед послом стояли блюда со
сладостями: ракат-лукум, урюк, миндаль, изюм.

Принесите ему кофе,— распорядился посол.

Негр принес Гурейке чашку дымящегося черного, как
леготь, кофе.

Кушай! — сказал посол, приглашая мальчика есть,
что он хочет.

Гурейка не заставил долго себя упрашивать и жадно
выбросился на сладости, не забывая прихлебывать и па-
кущий кофе, который он пробовал впервые в своей жизни.

Вдруг мальчишка внимательно огляделся. А где же
толмач Ассан? Да, его нигде нет. Куда же он мог деться?
Посол ни на минуту с ним не расставался.

Гурейка стал прислушиваться. Из отрывистых, корот-
ких фраз, которыми обменялся Кантакузен со своими
прислужниками, паренек понял, что толмач на баркасе
отправился в Азов с каким-то поручением посла.

А каким поручением он туда поплыл, Гурейка так
и узнал, хотя чуть ли не полдня прокрутился на га-
ре вокруг посла.

На следующий день, когда отец приехал из Монастыр-
ского домой, Гурейка рассказал ему об исчезновении
толмача.

— Мобыть, в Азов поплыл. Посол зачем-то его послал
— Да о том-то мне ведомо, что Ассан поплыл
в Азов,— сказал Татаринов.— Лазутчики мне донесли
А вот зачем он туда поплыл?.. С каким поручением? Эх
ты! — укоризненно посмотрел отец на сына.— Не мо-
дознаться.

— Они, батя, как воды в рот набрали — молчат.
— Может, они признали, что ты по-ихнему разумеешь?
— Нет, батя, не сумлевайся. Не признали они. Посол
то, Фома, все прощупывал меня, по-турецкому со мно-
заговаривал. Да меня на мякине не поймаешь,— за-
смеялся мальчишка.— Я вылуплю на него глаза и гляжу
дескать, что ты болтаешь — не понимаю...

— Вот анчутка,—усмехнулся Татаринов.—Стало быть,
облапошил ты их...— Атаман стал серьезным. Взял сына
за плечо, строго сказал: — Вот что, Гурьян, парень ты
уже не малый. И разум у тебя есть... Не дурак ты.
Зараз время подходит грозное... Бог знает, останемся ли
живы... Так вот, хочу сказать тебе, что надобно и тебе
послужить своему родимому тихому Дону, славному
донскому казачеству.

Думая, что отец речь свою ведет о предполагаемом
походе на Азов-крепость, Гурейка с пылом воскликнул

— Батя! Да я хоть зараз готов голову свою сложит
за родной свой край, за донское казачье товарищество.
Возьми, батя, меня с собой.

— Ух ты какой! — не то с удивлением, не то с гор-
достью воскликнул отец.— Куда ж я тебя возьму?

— Ты разумеешь, что я еще махонький,— огорчен-
проговорил Гурейка.— Думаешь, не понимаю, что и
ныне-завтра вы пойдете штурмовать азовскую крепость?

— Вот так да! — улыбчиво покачивал головой ата-
ман.— А я-то все думал, что Гурейка мой малышок. А о-
смотря какой лыцарь. Может за казачье товарищество
постоять. Ухватистый парень, слава богу, не посрамиша-
видать, меня... Матюха наш тоже неплохой парень. Дюж-
благодарен господу богу нашему за то, что он удостои-
мся воспитать двух своих сынов в лыцарском духе... Но
вот что я тебе скажу, Гурьян: рано тебе еще свою голову
класть. Никому не понадобится она. А услуга твоя на-
шему войску требуется совсем малая и не трудная. Под-
стереги ты возвращение толмача Ассана из Азова и про-
знай во что бы то ни стало, по какой такой причине он
плывал в Азов. Понятно?

Понятно, батя, постараюсь...

Я, конешное дело, догадываюсь, зачем он туда бегал,— раздумчиво проговорил атаман.— Но непойманный — не вор... Так можно на человека всякую напраслину наговорить... А вот когда точно уличим его, тогда человека можно и ответ потребовать...

Гурейка в нерешительности поглядывал на отца. Ему очень хотелось о чем-то попросить его, но он не осмелился.

Ну-ну, что хочешь сказать мне? — спросил отец.

Батя, а ты возьмешь меня, как пойдете забирать испость?

Ты об этом помалкивай, коли знаешь что,— строго предупредил Татаринов.— Об этом зря болтать не должно... Рано тебе еще о походах думать! Материю локо на губах не обсохло.

Батя, а с каких лет ты впервые в поход пошел, спросил Гурейка.

Ну, тогда другое дело было,— сказал атаман.— Тогда нужда заставляла малых и старых оберегаться набегов лихих кочевников... Времена были жестокие.

Все же каких лет ты пошел в поход? — настаивал Гурейка.

Вот пристал. Ну, лет пятиадцати, что ли...

Нет, не пятиадцати, а тринадцати. Мне о том дядь Ивашка рассказывал.

Я вот твоему дядь Ивашке всыплю, должно, черессерчал атаман,— чтоб не взманивал малых рекуда не след.

Вот,— со слезами в голосе произнес мальчуган.— Адцати лет пошел, а мне-то ты знаешь сколько?

Ну, сколько?

Пятнадцать.

Ого! — захохотал Татаринов.— Полдел меня, ан-

Ну ладно, Гурьяшка, поглядим тогда... Дело еще известное, когда на приступ-то пойдем. Вот никак черкасами не дотолкуемся. Упрямые, дьяволы. Вдолги себе в голову в персидские земли итить. Дескать, не житье, а масленица... Чужая сторонушка, брат, и гвалом живет, а наша навроде указом стоит.

Дядь Ивашка, батя, всегда говорит, что за морем, и весело, да чужое, а у нас хоть и горе, да свое... Атаман рассмеялся.

- Хорошо в гостях, а у нас лучше. Я им, этим черка-

сам, все время об этом твержу. Так нет, они все на своем стоят. Ежели б вместех с запорожцами пошли на приступ, то сразу б забрали крепость... Правда, был бы урон, но не без того.

— Так и не пойдут черкасы на штурм-то, а?

— Пойдут,— уверенно проговорил войсковой атаман.— Это они кочевряжатся, цену себе нагоняют.

— Дал бы господь, батя,— набожно перекрестился Гурьян.

— Дал бы господь,— перекрестился и атаман.— Ну, я пошел, сынок. Действуй, как уговорились.

— Ладно, батя.

Песня

На следующий день толмач Ассан как ни в чем не бывало разгуливал по галере. Словно он никуда и не отлучался. Когда Гурейка появился на галере, Ассан, как и всегда, подшучивал над мальчишкой, угощал его урюком.

Гурян остроумно отшутивался, чем нимало приводил в веселое настроение посла и толмача, не отказывался и от урюка и других сладостей.

Весь день паренек промучился, прислушиваясь к разговору толмача с послом. Но они были крайне осторожны, о поездке Ассана в Азов даже не заикались.

Опечаленный, грустный возвращался домой с галеры турецкой Гурейка. Не оправдал он надежд отца.

Дни стояли жаркие. Солнце, как расплавленный шар, немилосердно палило землю. Полая вода быстро сбывала, и улицы подсыхали. Теперь можно было ходить по городку пешком.

Старый казак дядя Ивашка, греясь на солнцепеке, как и обычно, сидел на своем крылечке и, задумчиво слизывая в лужу, дымил из трубки.

— Здорово дневал, дядь Ивашка! — крикнул Гуряшка, проходя мимо.

— Га! — обрадовался старик.— Слава богу, зальян!¹ Что не заходишь? Ай возгордился тем, что дружбу с турским послом поимел?..

— Тож скажешь, старый,— усмехнулся Гурейка.— Какая там дружба? Волк козлу не товарищ. Дружба моя с басурманами поневоле.

¹ Зальян — друг, приятель.

Не брешешь? — недоверчиво посмотрел на паренька старики из-под седых кустистых бровей.

Истинный бог, дед. Тут, знаешь, до поры до времени надо дружбу поддерживать. А время придет: стукнемся спиной об спину и разойдемся всяк своей дорогой.

Ну, гляди ж, тебе виднее,— проворчал старики. А я ж, грешным делом, думал, что ты потому к турчакам льнешь, что твой род, мол, по матери туда тянет.

Да ты что говоришь, старики, а? — взбешенно вскрикнул Гурьяшка, багровея. Глаза его пылали от негодования.— Как ты посмел это сказать? Ежели б... Ежели б... ты не старики, то...

— Что «то»? — сдерживая смех, спросил дядя Ивашка.— Морду б мне набил, а?..

— Ей-богу, набил бы,— признался мальчуган.

Старики разразился веселым смехом.

— Вот молодчага!.. Ха-ха-ха! Ей-ей, молодчага! Непром, брат, я тебе свое воспитание дал. Ведь я нарочно тебя пытаю, чтоб злость в тебе вызвать. Ну, извиняй, коли так... Ха-ха-ха! Ну, как дела-то, зальян?..

Дела как сажа бела, дядь Ивашка. Ни к дьяволам.

— Что так, сынок?

Дюже плохи.

— От радости кудри выются, а в печали секутся,— зал старики.— Так, видно, и у тебя. Что запечалился парень? Что нос повесил? Ай ехал Пахом за попом да убился о пень лбом?.. Гутарь, что за причина, глядишь, чем и помогу...

Вряд ли, дядь Ивашка, поможешь,— уныло замечал Гурейка.

— Ну, все ж скажи.

— А это все промеж нас будет, а? Никому не сболтнешь?

Да что ты?.. Ай белены объелся?.. Ай-яй-яй! Как ты мог таку обиду мне сказать?

— Ну, не обижайся, дядь Ивашка,— обнял Гурейка старики.— Это я так, к слову сказал... Знаю, что ты, как кремень, никому не скажешь... Нелегкую мне батя задачу задал.— И мальчуган обо всем подробно рассказал своему старому другу.— Никак не могу выведать, зачем голмач плавал в Азов...

— Ну и ну,— насмешливо покачал седой головой старики.— Вот где твое горе-то горькое... Как ржа на болоте

белый снег поедала, так и кручинушка нашего доброго молодца Гурьяшку сокрушила...

— Тебе, дядь Ивашка, все смешки да смешочки,— обидчиво проговорил Гурейка,— а мне вот не особенно до смеха. Что я скажу отцу, как приедет из Монастырского?

— А ежели хочешь, я научу, что сказать отцу.

— Ну?

— А вот и скажи ему, что грек, мол, Фома посыпал толмача своего в Азов затем, чтоб упредить пашу азовского: «Паша, мол, паша, казаки донские собираются напасть на Азов...»

— Да это что, дед,— отмахнулся Гурейка.— Это и батя догадывается, что толмач, мол, неспроста плавал в Азов... Но ведь это ж все думки. Нужны доказательства. А то так можно всякую напраслину на человека наговорить.

— Ну, глядите с вашим отцом сами. Вам виднее.

— Что ты делаешь, дядь Ивашка? — спросил Гурьяшка, заметив на крыльце свежие ивовые палки, ножи и другие принадлежности.

— А-а... Это я дудейку делаю. Ты ж знаешь, я на дудке мастак играть. Хошь, и тебе сделаю.

— Мне не надо. Я не умею на ней играть.

* * *

Вечером из Монастырского городка прибыл атаман Татаринов.

— Ну, что, Гурьяшка, возврнулся из Азова толмач Ассан? — первым долгом спросил он у сына.

— Возврнулся, батя.

— Ну, не проводал: и за каким лядом он туда бегал, а?

— Нет, батя,— уныло покачал головой мальчуган.— Все там, на галере, как воды в рот набрали, молчат. Не иначе, батя, как Ассан бегал в Азов упредить пашу.

— Чего упреждать?

— Да вот, что мы норовим на приступ пойти крепости.

— Это ты сам так думаешь али подсказал тебе кто? — усмехнулся атаман.

— Да и сам так думаю, да и дядь Ивашка так же гутарит...

— Опять ты со своим дядей Ивашкой лезешь! — разозлился атаман.— Дядь Ивашка да дядь Ивашка... Что он за дьявол такой?! Только ты о нем и думаешь. Вот я с ним погутарю... Мало ли, что вы с ним думаете. Ты вот мне точно скажи... А то ж ведь и всякий дурак знает, что в Христов день бывает праздник.— О чем-то задумавшись, атаман прошелся по горенке.— Да, Гурьян, как хочешь,— остановился он около сына, пристально глядя на него,— хоть пытай-казни послы турского али милуй, а завтра ты должен твердо мне сказать, зачем наведывался толмач Ассан в Азов. Так-то вот.

Что мог в ответ сказать Гурейка! Он лишь тяжко вздохнул и ничего не ответил.

* * *

Зарождалось тихое, бодрящее утро. На востоке чистое, без единого облачка, небо заливалось пышной пурпуровой зарей. Багряный, как кровь, шар солнца деловито всплывал из-за распускающейся листвы верб, раскидывая по сонной, курящейся легким паром водной глади реки нежные розовые одеяния.

Гурьяшка уже давно проснулся. Его разбудил многосторонний птичий звон в сирени под окном куреня. Зевая, мальчуган подошел к окну, глянул на посольскую галеру. Она пуста. Видно, и сам посол и все его прислужники еще спят крепким сном. Лишь часовые, закутанные в спанчу¹, расхаживают по палубе.

Как расплавленное серебро, порозовевшее от восходящего солнца, течет в неведомые дали Дон. И, глядя на реку, думает Гурейка, что течет она мимо крепости Азова и там не ведают люди о том, что вот-вот доведется их трупам плескаться в волнах ее.

— Дрыхнут, дьяволы! — сердито выругался он, глянув снова на безмолвную галеру.— Что поделать, надо ждать.

Он присел к окошку и от ничего делать, чтоб время быстрее проходило, начал составлять песню:

— Как у нас на Дону,— бормотал он,— во Черкассы-городу, старики пьют-гуляют, по беседушкам си-Ну, а дальше что?.. По бе-седуш-кам си-идят...

Епанчá — легкий плац.

Того ворошились в его голове мысли. Непривычная больно уж работа... Но песню очень хотелось сочинить. Слова никак не приходили на язык. А Гурьяшка старался их обязательно выловить. Он складывал слова. Но все как-то получалось не то, что хотелось сказать в песне. Он даже вспотел от чрезмерных усилий.

Забыв обо всем, он часа два уже как сочинял песню. И у него кое-что получилось.

Как у нас на Дону, во Черкасском го-ороду-у,
Ста-арики пьют-гуляют, по беседушка-ам сидят...

— Ничего как будто,— пропел он и продолжал:

По беседу-ушкам си-идят, одну речь го-оворят.
Одну речь го-оворят: «Ка-ак бы на-ам в поход пойти,
Добрых малолетков ка-азаков за собой повести?»

— Вот — засмеялся Гурьяшка.— А теперь так:

Там у синя моря стоит Азов во крепи,
Нользя к нему ни подъехать, ни подойти...»

Да, действительно, составляя песню, Гурьяшка забыл обо всем на свете. Забыл он и о строгом наказе отца, забыл и о галере турецкой, и о после Томе Кантакузене. Все его желания сейчас были направлены на то, чтоб скорее составить песню, такую бы песню, которую, идя на штурм Азова, распевало бы все казачье войско.

Как у нас на Дону...—

снова заводил Гурейка.

— Гурьяшка,— отворила дверь в горенку мать, пожилая, но еще красивая женщина,— иди завтракать.

Гурейка глянул на небо, солнце уже стояло в поздний завтрак. Он сразу вспомнил обо всем.

— Некогда, мать,— отмахнулся он и побежал на турецкую галеру.

За ночь вода сбыла еще больше. К стружементу Гурейка дошел быстро, даже не испачкав сапог. По дороге он заглядывал в окна дяди Ивашки, но его не было видно.

«Должно, уехал в Монастырский городок»,— подумал Гурейка.

К счастью, послан на палубе не было. Он еще, наверно, нежился в постели.

Часовой, широкоплечий янычар¹ в чалме, кивнул мальчишке.

— Салам алейкум! — крикнул он.

— Салам алейкум,— ответил Гурейка.

— Иди! — помахал ему часовой.

Мальчишка взобрался на палубу. Невольники-греб-

в большинстве своем курды и ногайцы, завтракали а корме. Гурейка присел у борта, близ палубной каюты, занимаемой послом. На ум ему снова пришла его песня, и он начал про себя: «Как у нас на Дону, во Черкас- ском городу...»

Но вдруг услышал голос посла.

— Эй, кто здесь? — спросил посол по-турецки.

Гурейка чуть не ответил: «Я». Но вовремя сдер- жался, вспомнив, что посол ведь не знает, что он пони- мает турецкий язык. Значит, это не к нему относился во- прос посла.

— Приветствую тебя, ага,² в радостное солнечное утро,— льстиво прозвучал в ответ голос Ассана.— Да ни- спошлет тебе аллах хорошее настроение в этот час.

— Приветствую и тебя, Ассан,— бодро и весело от- ветил посол.— Не прибыли ли за ночь будары боярина Птикова?

— Нет, ага, не прибыли еще. Но есть слух, что к ве-черу прибудут. Аллах милостив, может быть, завтра или послезавтра отплывем в Москву.

— Дал бы бог,— сказал посол и заскрипел кро- атью.— Где Ахмед?

— Ахмед варит кофе.

— Ну хорошо. Я сам оденусь.

Наступила тишина. Видимо, посол начал одеваться.

— Ассан,— приглушая голос до шепота, но так, что Гурейка все слышал, спросил Кантакузен,— а что, ка-аки еще не пошли на Азов?

Гурейка замер, затаив дыхание. Вот оно то, чего он добивался все эти дни, околачиваясь на посольской плере.

— Нет еще, ага,— выдохнул едва слышно толмач.— Пусть идут,— засмеялся он.— Их там теперь встретят

Янычары — отборные турецкие войска наподобие гвар- дейцев.

² А гá — господин.

достойно. Когда я покидал крепость, то видел на стенах ее тысячи янычар. Они стояли плечо к плечу. Да, добрый ага, азовский паша никогда не забудет твою услугу и сообщит о ней султану. А уж султан сумеет щедро вознаградить тебя за все.

— Ну, ты, Ассан, в обиде на меня тогда не останешься, сбылись бы твои добрые слова.

— А я тобой, милостивый ага, никогда и не был обижен,— сказал толмач.— Пошли аллах тебе большой радости.

Вот так удача! Гурейка даже вздрагивал от страха: а вдруг посол и толмач обнаружат, что он подслушивает. Да теперь уже и подслушивать нечего, все было ясно. Прав был отец, прав был и дядя Ивашка. Неспроста отлучался толмач Ассан в Азов, возил он азовскому паше шпионские сведения о готовности казаков выступить на штурм Азова.

Надо уходить, пока цел. Гурейка мигом перескочил через борт галеры на каменные плиты пристани и, посвистывая, помчался домой.

«Может, отец приехал,— думал он.— Вот ему будет радость, что я дознался, зачем плавал Ассан в Азов».

— Гурьяшка! — позвал его кто-то.

Гурейка оглянулся. У калитки ветхого куреня стоял юноша лет семнадцати, сероглазый, лохматый и конопатый, с нависшими на глаза рыжими кудрями. Парень скалил зубы.

— Куда, зальян, поспешаешь?

— Здорово, Макарка,— сказал Гурейка.— Домой спешу, батя обещал приехать.

— Погодь, что скажу

— Некогда, Макарка,— отмахнулся Гурейка.— Ей-богу, некогда!

— Да погоди! Тут, парень, есть дело дюже знагное.

— Ну, гутарь, что за дело,— заинтересовался Гурейка.

— Да, вишь, какое дело-то,— начал рассказывать Макарка.— Вчерась я ходил на каюке за утями на ту сторону,— махнул он на левый берег Дона...— Утей, гусей там на болотах тьма-тьмущая, хочь голыми руками бери. А яиц сколько!.. Я утей и гусей куль приволок да укошко яиц... Может, сплаваем зараз, а?.. У тебя лук-то добрый... Настреляли б...

— Не знаю, Макарка, как дело покажет,— раздумчиво проговорил Гурейка.— Оно, конешное дело, погулять бы неплохо... Может, и лебедей али бакланов подстрелили б.

— Истинный господь, так! — воодушевленно подтвердил Макарка, видя, что Гурейка поддается на его предложение.— Да бакланы и лебеди что,— соблазнял Макарка своего приятеля.— Я за камышовым озером видел двух аргамаков. Ну, парень, и кони ж!.. В жизни своей не видал красивше... Паслись на виду. Должно быть, турские они, приблудили из Азова. Я думал, Гурьянка, вот бы нам с тобой заарканить их, а?.. Вот и кони были б. А тож какие мы с тобой казаки без коней? А тут вот поход предстоит...

— А что ж ты не заарканил?

— Не захватил аркана,— вздохнул парень,— и тебе хотелось сказать об этом. Вдвоем способнее бы изловить их. И тебе и мне по коню. Ведь как там ни говори, я другъяк ты мне. Одним словом, односум.

Гурейка расчувствовался:

Ну, спасет тя Христос за доброе слово.

То, что сейчас сообщил Макарка, очень заинтересовало Гурьяна. Ну действительно, какой же он казак без коня? Иметь своего собственного коня — мечта каждого казака. Да, изловить аргамаков, видимо отбившихся от киевского табуна,— дело большое.

Вот так прошлый год брат Матюха добыл себе красавца жеребца арабской породы. Правда, его чуть ногайцы поймали тогда. Едва ускакал парень. Но это в расчет не берется. Мало ли чего на свете не бывает.

На мгновение Гурейка задумался.

Ладно, Макарка,— сказал он.— Попытка не пытка, что бог даст. Пойду с тобой за аргамаками. Только раз домой сбегаю... Отец меня ждет, должно. Поговорю с ним, так зараз же и приду. Жди меня...

Он было заторопился бежать домой, но, вспомнив песни своей, задержался.

Макарка,— смущенно сказал он.

Ну?

А я, брат, песню составил.

Песню? — захотел парень.— Брешешь?

Истинный господь!

А ну заиграй. Послушаю, что за песня така.

— Да я петь-то не могу. Так скажу. Слухай:

Как у нас на Дону, во Черкасском городу,
Старики пьют-гуляют, по беседушкам сидят.
По беседушкам сидят, одну речь говорят.
Одну речь го-оворят: «Как бы нам в поход пойти?
Добрых малолетков за собой повести?..
У синя моря вдали стоит город Азов во крепи,
Нельзя к нему ни подъехать, ни подойти...»

— Неужто ты, Гурьяшка, составил, а? — удивился Макарка.— Песня, зальян, хорошая... А ну, я ее зараз спою...— И он ее, с налету запомнив слова, пропел, как пели казаки, с завываниями, с присвистом.— Ну как, а?

Гурейка восторженно смотрел на своего приятеля, даже глаза его повлажнели.

— Ох, и хорошо ж, Макарушка! Вот только конца нет Надо придумать.

— Ну, давай придумаем,— сказал Макарка.

Но Гурейка уже сообразил, как закончить песню:

— Слухай, Макарка:

Но на то мы и казаки, атаманы-молодцы,
Азов штурмом возьмем, басурманов разобъем.
Эх, донцы-удальцы, не тужите, храбрецы...

— А ну, давай вдвоем споем,— предложил Макарка.

— Давай.

Они пропели песню вдвоем, и оба растрогались.

— Ну, вот это песня так песня, зальян! — восторженно хлопнул по плечу Гурейки парень.— Не иначе как все Войско Донское будет петь ее.

— Ну, уж там войско,— посомневался мальчишка.

— А вот поглядишь,— пообещал Макарка.— Ну, так скорей беги. Я обожду. Но ежели долго, не буду ждать. Пойду дотемна добывать себе аргамака.

— Ладно, зараз.

Гурейка стремглав помчался домой. Запыхавшись от быстрого бега, он ворвался в курень. Отец с какими-то незнакомыми казаками сидели вокруг стола, пили бражный мед. Из всех сидевших Гурейка знал только одного — есаула Пазухина.

— Ага! — встретил его отец.— Пришел? Это мой младший сынишка Гурьяшка, Гурьян,— отрекомендовал он его казакам.— Ну, как, Гурьян? Есть новости или нету?

— Есть, батя,— весело ответил Гурейка.

— Видать, добрые, коли весел,— заметил отец.— Рассказывай. Не бойся, это люди все свои.

Гурейка подробно и обстоятельно рассказал, как ему удалось узнать, зачем посольский толмач плавал на

аркасе в Азов. И по мере своего рассказа мальчуган ви-
ли, как темнело лицо отца. Глаза сузились, загорелись
гневом, на скулах выступили багровые пятна.

Сволочи! — хлопнул войсковой атаман кулаком по
лу Ковши подпрыгнули. По доскам скобленого стола
изменились полоски пролитого меда.— Теперь все ясно,—
тихим голосом сказал атаман.— Ладно ж, турский
посол, мы тебе все это припомним. У меня еще ж до это-
сумление было, а может, он не виноват. А теперь все
понятно. Спасибо, Гурьян, за службу Донскому Войску.
Спасибо, родной. А теперь предателю, собаке Фомке Кан-
акузину, собачья смерть! Смерть!

Смерть! — закричали казаки.

И толмачу его Ассану смерть! — прогремел Тата-

— Смерть! — поддержали казаки.

Панька! — обратился атаман к есаулу.

— Слушаю тебя, атаман.

Зараз возьми казаков двадцать — тридцать и огар-
нуй¹ галеру посла турского. Фомку и Ассана закуйте в
кайданы² и покидайте в подвал становой избы. А всех
злых, кто будет там на галере, продадим персам в
исырь³.

Есаул встал, нахлобучил на белую свою голову шап-
ку, покачал головой.

Что машешь головой, как сивый мерин? — грубо
прикрикнул на него Татаринов.— Испугался?

Я посла турского не боюсь,— спокойно сказал
есаул.— И турок не боюсь... А вот царского гнева дюже
боюсь. Это что правда, то правда. Не навлечь бы на себя

Не каркай, пес! — топнул ногой атаман.— Не ты
один будешь, а я... Как войсковой атаман, а хочешь,
походный атаман. Как хочешь величай, я тебе прика-
жу заковать в кайданы Фомку-посла и его толмача.
Гляди, чтоб никто из них не сбежал. Понял?

Есаул мрачно кивнул:

Понял.

И вот что еще, послухайте меня,— выбежал на се-
лищу комнаты войсковой атаман. Он выхватил из но-

¹ О гарнуть — окружить.

² Кайданы — кандалы.

³ Ясырь — невольник, раб.

жен саблю и вскрикнул: — Наступило время, братья, настутило! Объявляю поход на Азов! Объявляю, атаманы молодцы!

— Ура-а! — ликующие гаркинули казаки.— Ура-а! Любо! В поход!..

Татаринов обернулся к переднему углу, где перед закопченными образами святых мерцала граненая лампадка, широко перекрестился.

— Господи благослови! Пошли, господи, удачи.

— Господи благослови! — закрестились старшины.—

Пошли удачи.

Все стали собираться в дорогу. Войсковой атаман сказал жене, кланяясь ей в пояс:

— Ну, Мария, прощевай покель. На то воля господня, может, в последний раз видимся.

Женщина всхлипнула и тоже низко поклонилась мужу:

— Прощевай, Михаил Иванович. Извиняй, ежели в чем виновата была перед тобой.

— Господь тебя простит. И ты меня прости. Матюха то тоже со мной пойдет в поход... А ты, Гурьян,— взглянул атаман на младшего сына,— оставайся дома за холяина, слухайся мать.

— Батя! — умоляюще взглянул на отца Гурейка.— Возьми меня с собой. Возьми! Ты ж обещал... Сказал посмотрим.

— И не пикни,— сурово посмотрел отец на Гурейку.— Все! Будя!

Больше Гурейка не проронил ни звука. Он дождался, когда отец с казаками ушел из дома, глубоко вздыхая, уселся на крыльце и стал думать, что же делать.

Да, это верно, что же теперь делать? Есть ли теперь смысл идти с Макаркой за аргамаками?

Нет, пойти-то, пожалуй, нужно. Добрый конь Гурейка всегда понадобится независимо от того, пойдет ли он поход на Азов или не пойдет.

— Пойду к Макарке,— решает Гурейка.

Он разыскал отцовский аркан, взял лук со стрелами и направился к поджидавшему его Макарке.

Но Макарки не оказалось ни там, где он обещал ожидать Гурейку, ни дома. И никто из домашних не знал куда он девался.

Ну, ясное дело,— сказал сам себе Гурейка,— не лождался он меня. Пошел один добывать себе аргамака. Вот не везет так не везет...

Если б Гурейка ведал, где искать Макарку, или точно где паслись турецкие кони, он сам бы, переправившись через Дон, пошел ловить себе коня. Но он не знал.

Огорченный своей неудачей, Гурейка пошел к своему другу дяде Ивашке. Но курень его оказался пустым, хозяина не было дома.

«Ну, разве ж он усидит теперь дома? — подумал панек.— Он не иначе как в Монастырском, вместе с казаками готовится к походу на Азов».

Горе Гурейки было большое. Все казаки городка — старые и молодые — идут в поход на Азов, а его, как ленъкого мальчишку, оставили дома.

Нет уж, батя, дудки,— угрожающе сказал он.— Едино сбегу под Азов. Сбегу!.. И ничего ты мне не шаешь.

На Азов!

Все было готово к выступлению под Азов. У берега, покачиваясь на волне, стояли на привязи только что осаденные будары и струги, готовые вместить в себя сухопутное войско.

Казачья коница и запорожцы на салах¹ стали переправляться на левый берег Дона. Переправлялись долго,ных два дня. Не обошлось и без беды. Утонуло девять лошадей и два запорожца.

По вот наконец наступил и долгожданный час: атаман указал выступать.

Разношерстно одетые казаки, кто во что горазд, обувчирики, а многие и в лапти, расселись по баркасам другим. Приготовились.

Атаман Татаринов со старшинами сел в передний

Поплыли! — махнул шапкой атаман.
Зом высоко поднялись весла и упали в воду.
Зачинай песню! — крикнул атаман.
мужских голосов дружно запел:

алы — старый казачий прием переправы через реку. Плоты изо камыша и хвороста привязывались к хвостам лошадей, наладывалось снаряжение, одежда и пр.

Как по синему морю
Плывет легонький корабль...
Ай, с Дону, с Дону
Плывет легонький корабль...

И все здесь, в окружности, и в займищах, и в левадах,
и лугах, мощно загрохотало:

Как на этом корабле
Девяносто семь гребцов.

Конница казачья под командованием старшины войскового Потапа Петрова пошла на Азов прямым путем, степью. Веселый шум, озорные выкрики, смех распугивают степных птиц и зверей. Трепещут на ветру белыми хвостами бунчуки, алеют кумачовые хорунки с изображением лика Иисуса Христа. Гудят бубны, трещат листавры.

Лихо заломив старую шапчонку на затылок, едет на добром, лоснящемся от сытости аргамаке Макарка и, приложив к щеке ладонь, на тонкой струне голосисто, по-девичьи выводит:

Как у нас на Дону, во Черкасском городу,
Старики пьют-гуляют, по беседушкам сидят...

Он машет рукой, и хор голосов подхватывает:

По беседушкам сидят, одну речь говорят.
Таку речь гутарят: «Как бы нам в поход пойти,
Добрых малолетков за собой повести...
А у синя моря вдали стоит город Азов во крепи...»

И все здесь, в необъятной степи, расцвеченнай дивными огоньками весенних цветов,— все вокруг поет эту песню.

Эх, послушал бы Гурьяшка, с какими переливами да присвистами распевають его песню казаки, идя на ратный подвиг Где ты, парень? Где?

И никто из поющих эту песню казаков не ведает о том, что эту-то удалую песню, которую они поют так лихо и ловко, сочинил безусый казачонок Гурейка, оставшийся в Черкасском городке.

Знают об этом из всего казачьего войска только два человека: закадычные друзья его Макарка да дядя Ивашка. Оба они сейчас едут рядом, оба на аргамаках,

Не дождавшись в тот раз Гурейки, Макарка позвал с собой старого казака Чекунова. Они перебрались через Дон и изловили себе аргамаков. Рассказал Макарка старику о том, что сочинил Гурейка песню. И вот теперь они ехали рядом. Макарка пел, а дядя Ивашка подыгрывал на дудке.

За донскими казаками под водительством куренного атамана Любомира Щетины следом ехали запорожцы. Под звон медных тарелок они тоже пели:

Гей, був у Сичи старый казак, по прозвищу Чалый;
Выгодував сына Саву казакам на славу...

Сзади войска скрипели тяжелые возы с разным снаряжением и припасами. Под охраной конвойных, гулко лоная длинными кнутами, пастухи-ногайцы гнали стада скота, отбитого казаками у кубанских татар.

Предчувствуя кровь, в небе кружили крылатые хищники.

* * *

Ну, разве ж мог знать Гурейка о том, что его песню поют казаки в походе? Да если б он узнал об этом, то, уверное, несколько дней подряд плясал бы от радости.

Заскучал, загрустил Гурьяшка в опустевшем городке. Остались в нем теперь лишь древние старинки, немногие бабы и еще более немногие малые ребятишки. Семейных казаков в то время было мало в Черкасске.

Одно и развлечение у парня, что пойдет в становую избу к воинскому дьяку, которого атаман оставил в городе для административных дел и для встречи боярина Чирикова.

Да и в становой избе не особенно весело. Воинской избы все время занят какими-то делами, а казаки, что явлены для охраны турецкого посла и его толмача, беспрестанно играют в зернь¹.

Ну, вот и дождались. Прибыли наконец-то сверху дары с боярином Чириковым и его людьми. Вместе с боярином прибыла и легкая станица казаков во главе с ваном Каторжным.

Чирикова на стражементе никто не встречал, кроме писаря Лукьяна Персианова да Гурейки.

¹ Зернь — игра в кости или в зерна.

Сивобородый, крепкий мужчина лет сорока пяти, одетый в парчовый кафтан по случаю прибытия в казачью столицу, Степан Чириков с недоумением смотрел на жирного войскового дьяка.

— А где войсковой атаман? — вдруг, багровея, гаркнул он разгневанно.— А где народ? Где старшины? Почему не встречают?! Ай вам не ведомо, что я царский посол?

— Все нам ведомо, милостивый боярин, все,— низко поклонился Персианов.— Нет народа зараз в Черкасском. Нет и атамана.

— Куда они подевались?

— Все наши атаманы и старшины со всем Войском Донским и с черкасами пошли на приступ — Азов-крепость добывать...

— Вы очумели али нет? — орал боярин.— Ай вам не ведомо, что царь запрет дал вам... Чтоб не трогали турок, мирно б с ними жили. Ванька,— оглянулся он на огромного, чернобородого, красивого казака в новеньком синем бархатном кафтане, отороченном по полю и воротнику золотом,— скажи этому ослу, что царь-батюшки наказывал, а?

Каторжный молчал, опустив насмешливые глаза.

— Ну?

— Запретить-то запретил,— густым басом сказал Каторжный,— но ведь невтерпеж стало донским казакам. Забижают турки. Вот и пошли.

— Своевольством занимаетесь,— гремел боярин Чириков.— Великий государь своевольников накажет. А где турецкий посол Кантакузен?

— Не ведаю,— развел руками Персианов.

— Как — не ведаешь, а это чья галера?

— Не ведаю,— пожимал плечами войсковой дьяк.

— Да ты что, скоморох али кто? — не унимался Чириков.— Ты-то кто таков?

— А войсковой дьяк я, Лукашка Персианов, — пискливо ответил казак.

— Ты батогов когда-нибудь отведывал, дьяк? — спросил Чириков.

— Ты, боярин, меня не пугай,— повышая голос, визгливо заговорил войсковой дьяк.— Мы не пуганые. Я то русским языком говорю, что не ведаю, куда девался тот посол Фомка Кантакузин. Был тут, крутился, вертелся, а потом, как дым, исчез, пропал... Куда девался, умне приложу.

Гурейка про себя смеялся. Ему нравилось, как безбоязненно разговаривал с боярином войсковой дьяк.

«Вот молодчина-то,— думал он.— А я-то называл его блином. Вот какой он блин-то».

Вот что, дьяк,— сказал Чириков, видя, что от него ничего не добьется,— ну-ка пошли гонца за атаманом, чтоб зело быстро прибыл ко мне... Да вот, кстати, прошши ему, что атаман Ванька Каторжный царево жалованье привез.

— Ладно, боярин, зараз кого-нибудь пошлю к атаману,— в раздумье почесал дьяк жирный свой, свисающий на грудь подбородок.— Но кого только послать?

При этих словах у Гурьяна сильно застучало сердце: бы ему поехать под Азов. Он толкнул дьяка под бок.

Я поеду, дядь Лукашка.

Очумел, что ль?.. Куда тебе, мальчишке?

Да ты что, дьяк? — обиделся Гурейка. — Шестнадцать лет ведь мне,— приврал он.

А отец не заругает нас?

Что ты, дядь Лукашка. Да он рад будет, что я приду за ним.

— Что он говорит? — осведомился Чириков.

Да это сынишка войскового атамана. Просится погать за отцом.

— Ну, и пошли, ежели просится.

Ладно ужо,— согласился дьяк.— Пойдем в становую избу, напишу тебе грамоту отцу. Отвезешь ее.

— А на чем повезу?

Переправишься на ту сторону. Там у нас конный двор есть. Сторожевые казаки дадут тебе коня. А тебе, милостивый боярин,— поклонился он Чирикову,— подготовлен курень. — Микишка, — крикнул он казаку, — отведи боярина на постой к Воронихе!

* * *

По тому времени азовская крепость была одной из самых мощных, сильно укрепленных, первоклассных крепостей. Азов был основным форпостом турецкого владычества на берегах Азовского моря. Правительство Турции придавало ему огромное значение.

На стенах крепости было расставлено более двухсот больших и малых пушек. Кругом нее были прорыты глубокие рвы и насыпаны земляные валы с каменными

стенами и одиннадцатью мощными башнями, каждая из которых в отдельности была самостоятельной боевой цитаделью.

Орешек для казаков был довольно крепкий. Все зубы об него поломаешь.

Но, однако, ничего казаков не остановило.

Не остановило их и предостерегающее сообщение лазутчиков, которых, перед тем как подойти к Азову с войском, атаман Татаринов посыпал к крепости разведать. Они донесли атаману о том, что гарнизон азовский подготовлен к обороне: на крепостных стенах стоят янычары плечом к плечу. По беглому подсчету их было до пяти тысяч.

— Собаки! — прорычал Татаринов. — Кафтаны дарили! Предатели! Значит, правда, что Фомка Кантакузин посыпал своего толмача к азовскому паше с упреждением.

Татаринов тщательно обдумывал, как начать осаду крепости. Он посовещался по этому поводу со своими старшинами и полковниками. На совещании все единодушно приняли план Татаринова.

На удобных подступах к крепости атаман расставил полки. Один некрупный отряд конницы он выслал в сторону Крыма, для того чтобы казаки могли своевременно отразить внезапный налет крымчаков в тыл штурмующих войск. Второй же такой отряд послал на Кубань для задержки кубанских татар, если б вдруг они вздумали прийти на помощь азовскому гарнизону.

Все это было проделано предусмотрительно и умно. Такая опасность действительно существовала.

Среди запорожцев был какой-то немец Иоганн. Он стал хвастаться тем, что он-де отлично знает подрывное дело и если б ему поручили, то он в два счета сумел бы прорыть подкоп под крепость и взорвать стену.

— А тогда пожалюста, — размахивал он руками. — Входи в цитадель.

Слух о немце дошел до походного атамана.

— А ну, позвать мие того немца, — распорядился Татаринов.

Немца привел сам куреной атаман Любомир Щетина.

— Здоров бул, атаман, — кивнул Татаринову Любомир.

— Здорово, Щетина.

— Вот цей немец,— с такой силой хлопнул Любомир рукоj по плечу полнотелого, рыхлого, веснушчатого девишу лет тридцати, что тот чуть не свалился с ног.

— Отоман! — скорчился от боли немец.— Зачем так больно делать?

— Ничего, Иоганн, до свадьбы все заживе,— засмеялся Любомир.

Татаринов внимательно оглянулся немца и усмехнулся. Больно уж причудливо был тот одет: плисовые, какого-неопределенного цвета панталоны, зеленая куртка

медными пуговицами. На голове тирольская шляпа с пером. Из-за широкого красного казачьего кушака торчит рукоять пистоля, на боку висит персидская сабля.

— Ну, як вин? — кивая на немца, спросил у Татаринова Любомир.— Добрый хлопец, а?

— Видать, добрый,— добродушно рассмеялся Татаринов.— Лыцарь хоть куда. Где вы подцепили такого красавца, Любомир?

— В Речи Посполитой к нам пристал. А шо? Вин: зак гарный. Тилько чужих жинок любе дуже... Помир: по них.

— Ну, это не беда,— усмехнулся Татаринов.

Моргая светло-голубыми глазами, немец поглядывал на Любомира, то на Татаринова, беспринцильно, казалось ему, смеявшись над чем-то. Плохо зная русский язык, он никак не мог уловить смысл их разговора.

Погасив усмешку, Татаринов сурово взглянул на него:

— Слыхал я, Иоганн, будто ты похваляешься, что учен подрывной премудрости, а?

Немец некоторое время молчал, сосредоточенно обдумывая смысл сказанной фразы, и вдруг, поняв, прошил, заулыбался.

— О, да-да! — закивал он.— Я умель подкоп делаль... Отшень карош подкоп.

— Под азовску крепость смогешь подвести подкоп?

Азов? Азов? Бух!.. Фа-а!.. Да? — пытливо всматривался в Татаринова немец.

Вот-вот, — утвердительно кивнул атаман.— Это ам и нужно... Ежели, Иоганн, взорвешь крепостную стену, то награда тебе будет за это большая. Понял?

— Подкоп умель делаль я,— бил себя в грудь немец, совсем понимая, что ему сказал атаман.— Карош подкоп. Мне надо казак. Один, два, три... — начал он считать по пальцам.

— Подожди, Иоганн,— прервал его Татаринов.— Дадим тебе казаков сколько угодно. Лопаты дадим. Начинай подкоп, мил человек, начинай,— ласково похлопал он его по плечу.

* * *

От Черкасса-городка до Азова рукой подать, каких-нибудь семьдесят — восемьдесят верст. Перебравшись на левый берег Дона, Гурейка взял на конном базу доброго коня и к вечеру уже был под Азовом.

Сердце его затрепетало от восторга, когда он увидел бивачные костры казаков вокруг грозной крепости, зубцы которой четко выделялись на фоне закатного неба.

У костров хлопотливо маячили фигуры кухарей. Они готовили ужин. В ожидании горячей похлебки казаки сидели группами, рассказывали друг другу разные были и небылицы. То там, то тут, как гром, взрывались веселые крики и хохот. Звенели домры и цимбалы, как выстрелы, стучали бубны. Пыль дымилась клубами от каблуков вспотевших плясунов.

Проезжая по биваку, разыскивая отца, Гурьяшка немало дивился невиданному бесшабашному веселью: «Что они, прибыли сюда пировать, что ли? — думал он.— Вот так война».

По лагерю шныряли неведомо откуда взявшиеся цыганки в грязных, но красочных одеяниях, увешанные звенящими ожерельями из натертых до блеска песком монет. Они гадали казакам по руке, предсказывая им судьбу. Суеверные воины верили им, гадали, с сердечным замиранием ожидая ответа. Но цыганки не желали никому плохого и говорили каждому самые утешительные предсказания, чем и приводили наивных казаков в веселое настроение.

Правда, одна цыганка обидевшему ее казаку предсказала смертный исход. Но, на удивление предсказательницы, обреченный ею на смерть так развеселился от этого, что пошел в пляс.

— Ох ты, мати, мати,— барабанил он ладонями по коленям,— мне цыганка нагадала, что скоро мне умирасти... Так да-авайте же спляшем на помин моей души.

Вдруг Гурейка натянул поводья:

— Тпру!

Конь остановился. Гурейка взволнованно прислушался.
Где-то в вечерних сумерках высокой нотой юношеский
голос запел:

Ка·ак у на·ас на Дону, во Черка·асском го·ороду,
Ста·арики пьют·гуляют, по бе·еседу·ушкам сидят...

Извился в поднебесье хор грубых мужских голосов:

По беседушка·ам си·идят, одну·у речь говорят...

Таку речь гу·утарят: «Ка·ак бы нам в поход пойти...

У мальчишки захватило дух от восторга. Ведь это же
песня!..

До·обрых малолетков за со·обой повести·и...»

Да ведь это же запевает его друг Макарка! Гурейка
тдал под шерстистые бока лошади шенкеля, подска-
к костру, вокруг которого сидели казаки и пели. Ну
и вот Макарка, а рядом подыгрывает на дудочке дядя
Ивашка.

Макарка! — радостно вскрикнул Гурейка.

— О! — удивился Макарка. — Никак, ты, Гурьяшка,
— Он вскочил и побежал к приятелю. — Ты тоже,
ло быть, с нами?

Да нет, не совсем,— потускнел парнишка.— Меня
послал войсковой дьяк к отцу. Не знаешь, где его найти?

А вот поедешь прямо,— рассказывал Макарка. —
А потом свернешь влево у вербы. Там увидишь — стоит
большой белый шатер. Вот в нем-то и находится твой отец.

Что ж, Макарка, тогда не подождал-то? — обид-
чиво спросил Гурейка.— Небось обоих аргамаков изло-
л?

— Нет. Одного. Другого поймал дядь Ивашка...
Я тебя ждал, ждал, да так и не дождался, позвал с со-
бой дядь Ивашку.

— О! — протянул Гурейка.— Ну, ежели дядь Ивашка,
это хорошо. Не жалко, что ему достался аргамак.

Да ты не тужи, Гурьяшка, — утешал Макарка. —
Мы тебе у какого-нибудь турка или татарина отобьем...
Подошел старик Чекунов.

— Здорово, Гурейка,— сказал он.

— Слава богу, дядь Ивашка.

Ты чего приехал?

Боярин Чириков прибыл, требует отца. Вот меня
и спарядил войсковой дьяк за отцом.

— А атаман Ванька Каторжный не прибыл?

— Прибыл, дед. Царево жалованье привез.

— Любо! — обрадованно выкрикнул старик.— Ванька Каторжный царево жалованье привез! — крикнул он казакам, сидящим у костра.

Те мгновенно повскакивали, оживленно заговорили, окружили Гурейку:

— Привез, стало быть, а?

Гурейка все обстоятельно рассказал им, потом дядя Ивашка отвел его к отцу

При свете шандал отец с ближайшими своими помощниками обсуждал в деталях план штурма крепости.

— Когда черкасы пойдут на приступ с этой стороны,— горячо говорил он,— то тут нажмут... Кто это? — спросил он, заметив, что кто-то вошел в шатер.

— Я, батя.

— Ты, Гурьяшка? — изумился отец.— За каким лядом? Я ж тебе не велел сюда появляться.

— Войсковой дьяк послал с отпиской.

— Что он, не нашел другого кого послать? Что там нового? Прибыл дворянин Чириков?

— Прибыл.

— А атаман Каторжный?

— Тоже с ним прибыл. Царево жалованье привез.

Атаман Татаринов в грамоте не разбирался. Это было его большое место, хотелось ему слыть за грамотея. И он всегда делал вид, что грамота для него дело пустое.

Вот и сейчас, получив отписку от войскового дьяка, ему не терпелось узнать, о чем ему пишет он, но при посторонних лицах он не мог выказать свою неграмотность. Вертя пакет в руках, он сказал:

— Ну ладно, атаманы-молодцы, давайте поотдохнем. Идите зараз вечерять... Самая пора. А я с сыном погутарю.

Когда все вышли из шатра, атаман поправил в шандалах потрескивавшие свечи.

— Ну-ка прочти, Гурьяшка, что пишет войсковой дьяк.

Взорвав пакет, мальчик прочел письмо. В нем ничего не было нового. Все, о чем писал дьяк атаману, Гурейко было известно лучше, и он обо всем более подробно рассказал отцу.

— Стало быть, дюже ругался боярин Чириков? — спросил атаман у сына.

— Дюже, батя.
— Грозился?
Грозился.
— Ну, и дьявол с ним. Не боюсь я ни его, ни царя.
Гурейка даже испугался таких слов. Как это — не бояться царя? Его все боятся.

Михаил Татаринов долго смотрел на свечу, как она то затухала, то с новой силой, потрескивая, вспыхивала, освещая сосредоточенное, багровое лицо атамана.

— Знаешь что, Гурейка, я надумал? — очнувшись от задумчивости, ласково притянул к себе сына атаман.

— Нет, батя.

— Оставайся-ка ты, видно, со мной тут. Ты грамотей, человек свой, всегда мне надобен будешь. Не надобно будет к писарю обращаться... А то ж они ломаются, дьяволы...

В глазах мальчишки вспыхнула радость.

— О батя! — воскликнул восторженно Гурейка.— Пасет тебя Христос!

— Да ты чему обрадовался-то? Что, думаешь, тут мед?..

Осада

Подкоп немца Иоганна оказался неудачным. Он повел его в сторону от крепости. Сам же немец и обнаружил свою неудачу.

— Ну ничего, пусть роет другой подкоп,— добродушно сказал Татаринов.— Подождем. Нам не к спеху... Всегда ведь первый блин бывает комом.

Но, говоря это, атаман кривил душой. Штурмовать крепость надо было уже давно. Положение складывалось не в пользу казаков. С Кубани к Азову стягивались многочисленные татарские наездники. Они завязывали с казаками ежедневные перестрелки. До рукопашных схваток дело еще не доходило, но они могли начаться каж-

мновение. Высланный Татариновым на Кубань отряд казаков никакой помощи не принес: он где-то затерялся в степи и не подавал о себе никаких сведений.

Осада крепости не давала никаких результатов. Толпа на крепостных стенах, янычары дразнили казаков.
— Эй, рус,— кричал один по-русски,— у тебя башка лурак! Подходи поближе, я тебе просверлю ее картечью, чтоб дурь вышла...

— Эй, казаки! — кричал другой.— Плооколеете у стен Азова, а не увидите его, как собственных ушей.

Казаки нервничали, плевались:

— Тыфу, нечистые духи, басурмане!.. Догрозитесь вы, что мы вам глаза повыколем и языки поотрежем.

— Пойди-ка отрежь! — кричал янычар.— Спробуй.

— Чего мы зря стоим? — орали возмущенные казаки.— На кого глядим? Раз наш походный атаман не ведет на приступ, так мы сами пойдем.

— Пойдем! — подхватывая, вопили недовольные.— Чего зря стоим?

Все чаще и чаще стали роптать казаки.

А тут в довершение ко всему стало не хватать продуктов. Непривычные к лишениям, запорожцы взбунтовались:

— Чего мы стоим?

— Якого биса дожидаемся?

— Пидемо, братови, к персидскому хану. Вин нас гарно приме.

— Гей, пидемо!

— Пидемо!

С грустью прислушивался Татаринов к этим крикам. Что он мог поделать? И в самом деле, в любую минуту можно ждать открытого бунта. Самое страшное — это если запорожцы снимут осаду и уйдут в Персию. Это хуже смерти. Одни донцы не осилият взять крепость. Да если уйдут запорожцы, едва ли останутся у стен азовских одни донские казаки.

И вот однажды ослушники, горячие головушки, увлекли за собой на штурм крепости некоторых нетерпеливых казаков.

С печалью смотрел Татаринов с кургана, как бурливой волной окатили казаки крепостные стены. Под яростным ружейным и пушечным огнем врага они перебрались через ров, подставливая лестницы, карабкались на стены. Но защитники легко отбились от штурмующих. Отступили казаки в тот раз, оставив у стен крепости много трупов своих товарищей.

Неудачи следовали за неудачами.

Из Черкасска прибыл Чириков, стал требовать немедленного освобождения турецкого посла, грозя царским гневом.

А тут среди казаков распространился слух о том, что с часу на час в Азов должен прибыть огромный флот

с отборными войсками, посланными султаном из Царьграда. И этот флот будто вызвал своим колдовством турецкий посол Тома Кантакузен и его толмач Ассан.

Слухи эти производили на казаков и запорожцев удручающее впечатление.

— Давай сюда к нам Фомку проклятого и его толмача! — орали они.— Нехай дадут нам ответ об этом. Давай посла!.. Давай!

Будь на месте походного атамана кто-нибудь другой, тот, видимо, при создавшемся положении растерялся бы, наделал массу непростительных ошибок. Но не таковский был Михаил Татаринов. Все эти невзгоды и неудачи, навалившиеся вдруг на его голову, только больше закаляли его волю. Умный, проницательный, он понимал, что все это временное явление и что надо дать какой-нибудь выход недовольству казаков.

Он вызвал к себе есаула Пазухина.

— Панька,— сказал ему атаман,— что это ты уж больно красен, как рак вареный? Хмельного, должно, дюже зашибаешь, а?

Да не без этого, атаман,— уклончиво произнес Пазухин.— Бывает иной раз, что и хлебнешь малость какую.

— Малость ли? — с сомнением взглянул на своего есаула Татаринов.— Гляди, парень, кабы тебя паралик не ударил.

— Все под богом ходим,— вздохнул есаул.— На то его святая воля.

— Бог-то бог, да сам не будь плох. Береженого, брат, и бог бережет.

— Да это хоть правда,— согласился Пазухин.— Слушаю тебя, атаман, что кликал?

— Слыши, казаки вон орут, требуют, чтобы Фомку Кантакузина им на глаза подать.

— Ну, слыхал, так что? Давай привезем его и толмача Ассанку.

— Так ведь побьют их казаки.

— А тебе что, атаман, жалко их? Да дьявол с ними, хай сгибают.

— Да мне их не жалко. Только, может, невинные? Вот, говорят, грамоты какие-то Фомка Кантакузин султану в Царьград да крымскому хану посыпал. Вроде бы просил немедленно у них помощи. Казаки, мол, подошли к Азову, норовят забрать его... Вот оно какое дело-то.

Только как Фомка мог послать те грамоты, ежели он в кайданах закованный, взаперти в темнице подвальной сидит? — хитрил Татаринов.

— Верно гутаришь, атаман,— оживился Пазухин.— Как он мог те грамоты послать, коль он в темнице сидит? Тут дело, атаман, не иначе как колдовское... По колдовству все это деется... Слыхал небось: султанский-то флот к Азову идет?

— Слыхал.

— Так почему он идет? — пытливо посмотрел есаул на атамана.— Кто его вызвал? Тоже колдовским образом...

— Так что же, стало быть, Фома — колдун, что ли? — спросил Татаринов.

— Нет,— отмахнулся есаул.— Фомка не колдун, а предатель. А колдун — толмач Ассанка. Он, проклятый, всеми колдовскими делами ведает. Он на нас все неудачи и невзгоды наслал.

— Ишь ты,— покачал головой атаман.— Ну ладно, давай привезем Фомку с Ассаном сюда на расправу.

— Беспременно, атаман, надо,— кивнул есаул.— Надобно ублажить казаков. Нехай они сами погутарят с Фомкой и колдуном Ассанкой.

— Ну ладно, так и быть,— сказал задумчиво Татаринов.— Нехай казаки гутарят с ними...— Атаман помолчал, а потом сказал: — Посылай-ка ты, Павел, казаков в Черкасск за Фомкой и его толмачом. Нехай поспешая везут их сюда на разговор с кругом казачьим.

* * *

Послав в Черкасск за Кантакузеном и его толмачом Ассаном усиленный конвой казаков, есаул Пазухин начал возбуждать ярость у казаков против турецкого посла, сваливая все неудачи осады на него.

— Это он, проклятый грек, все беды нам принес,— говорил он.— Ежели б Фомка не писал грамоты султану турскому да хану крымскому, то давно б мы забрали Азов.

— Истинный господь, забрали б,— как эхо, вторили старшины.

— А Ассан, его толмач, колдун,— подзадоривал есаул,— он волшеством своим приносит нам неудачи.

Забурили, заволновались казаки:

А ну, подавай нам сюда растреклятого Фомку!

На кол посадим!

В куль да в воду.

И колдуна его, нечистого духа, Ассанку сожжем!

И когда из Черкасска привезли закованных в кандалы, бледных, трясущихся от страха послы Кантакузена и толмача Ассана, казаки бурной волной окатили их.

— В куль да в воду! — потрясая кулаком, орал высокий старик в грязном атласном кафтане с большой серебряной серьгой в правом ухе.— В воду их, аничлов¹!

— На кол посадить! — надрывался другой казак.— Нуд: предатель!..

Повесить колдуна Ассанку! — тонкоголосо выкрикивал Макарка.

— Сжечь на костре! — предлагал чей-то голос.

Высокий, статный боярин Чириков, побледнев как мел, стал раскорячившись около послы и толмача, расплюстив руки крестом.

— Не озоруй, честная станица! — осипшим голосом кричал он, стараясь перекричать толпу.— Не озоруй!.. Царевым именем прошу... Угомонитесь, атаманы-молодцы! Замолчите! Я прибыл сюда по цареву указу за турецким послом. Слышите или нет?.. Приехал за Кантакузеном. Повезу его к царю. Не входите в ослушание. Не входите! Царь-батюшка гневен будет... Плохо вам будет, плохо...

Некоторые наиболее благоразумные казаки, прислушиваясь к голосу боярина, неуверенно говорили:

— Да ну его к дьяволам, этого Фомку-посла! В сим же царь еще разгневается на нас за своевольство.

На шута он нужен,— отмахивались некоторые.

Нехай увозит его боярин Чириков.

По большинство казаков с яростью набрасывалось на них.

Да вы что, чума вас забери?! Да можно ли отпустить Фомку-злодея!

Через него ведь все муки терпим!

Побить Фомку и Ассана!

Побить!..

Предать смерти!

¹ Аничел — черт.

Пощипывая бороду, атаман Татаринов стоял в стороне и равнодушно смотрел на то, что происходило на его глазах, словно это все его совершенно не касалось и он был простым наблюдателем.

Заметив его, Чириков разъяренно завопил:

— Ты что стоишь как истукан?! Али тебя это не касается? Уйми своих голодранцев! Слышишь, уйми!.. Плохо тебе будет. Царь разгневается.

Толпа на мгновение ошеломленно замолкла. Слышались лишь отдельные выкрики казаков:

— Как? Как он сказал?..

Молчание было зловещим. Никто никогда не осмеливался оскорблять так казачий круг. Такое тяжкое оскорбление смывается только кровью.

— Побить боярина до смерти! — выкрикнул чей-то визгливый голос.

Словно очнулась от оцепенения толпа казаков, забурлила в шуме, в гневе непрощающем.

— Псбить! Побить боярина!..

— На кол посадить!

— В куль да в воду!

Поняв, что совершил большую оплошность, Чириков помертвел от страха. Повытаскав сабли из ножен, к нему с ревом ринулись казаки. Чириков зажмурился, шепча посиневшими губами молитву. Но, видно, не суждено ему было умереть в этот раз.

Выхватив саблю из ножен, атаман Татаринов, как молния, рванулся к Чирикову, загородил его, стал между ним и казаками.

— Как походный атаман ваш, приказую не трогать боярина,— загремел его голос над толпой.— Не трогать, честная станица! Он государев посол. Я за него головой в ответе.

Вертевшийся тут же, около отца, Гурейка потянул Чирикова за рукав в канаву, вырытую для стока воды в буерак.

— Бегим, дяденька, я тебя укрою,— шепнул он боярину.

Чириков сразу все понял. Он спрыгнул в канаву и помчался за Гурейкой.

И пока войсковой атаман переругивался с казаками, утихомиривал толпу, Гурейка с боярином бежали среди кустарников боярышника и бересклета, обильно разросшихся по днищу оврага, к реке, туда, где среди покачи-

ающихся на легкой волне казачьих лодочонок и барка-
сов плескалась будара боярина Чирикова.

Подбежав к бударе, Чириков прохрипел своим работ-
шым людям, сидевшим в бударе:

— Ну, робя, готовься! Поживей!..

Гребцы, хватая весла и опуская их в воду, засуети-
лись.

— Ну, парень,— едва отдышавшись от быстрого бега,
зазал боярин Гурейке,— не ведаю, чей ты и как тебя зо-
вут... Но, брат ты мой, упас ты ныне меня от неминучей
смерти. Вот тебе на память обо мне,— снял он с пальца
золотой перстень с изумрудом.— Возьми. А когда под-
растешь и придется, может, тебе бывать в Москве... Разы-
ши ты тогда боярина Степана Чирикова. Я тебя возна-
ражу за все...

Он поцеловал Гурейку и вскочил в будару. Гребцы
ударили веслами по воде, налегли, и будара, как стрела,
полетела к Черкасскому.

Боярин стоял на корме и благодарил бога за то, что
вовремя дал ему возможность унести свою головушку
млехонькой от сабель буйных казаков.

Плыл теперь боярин Чириков в далекую белокамен-
ную Москву доложить царю Михаилу Федоровичу о муч-
нической смерти Томы Кантакузена от рук рассвире-
шивших казаков. Хотя он и не видел убийства турецкого
посла, но был убежден в этом.

И он был прав.

После того как Гурейка увел боярина канавой в бу-
са, а потом оврагом доставил его до будары, казаки,
гневные и обозленные, страшной пыткой вынудили
посла Кантакузена признание в том, что он просил
султана и крымского хана помочь Азову, осаждае-
мому казаками и черкасами.

Хотя и непонятно было, как турецкий посол смог на-
чать такое письмо, если он был закован в кандалы
спдел в подземелье в становой избе в Черкасске, но
не имело значения. Кантакузена казнили, а заодно
шьим и его толмача Ассана, обвиненного в колдовстве.

Штурм

Иногда ночью Гурейка вскакивал с постели и бежал
лядеть, как казаки под руководством немца Иоганна
форывали подкоп под крепостную стену Азова.

Это была нудная, тяжкая работа. При свете чадных жировиков, наполнявших траншею горьким смрадом, обливаясь потом, копались в земле полуголые молодые парни.

Дымя трубкой, немец похаживал у входа в подкоп, вполголоса отдавал распоряжения, иной раз разражаясь бранью, когда убеждался, что его указания выполняются не так, как нужно.

— Дюрак! — злобно шипел он.— Русска швайн! Не понималь, как надо... Вот как надо делаль,— выхватывал он лопату из рук какого-нибудь сконфуженного казака и сам ловко показывал, как нужно ею действовать.

Казаки сердито, насупленно поглядывали на рыжего немца, взявшего над ними такую власть, но сдерживались, помалкивали. Они понимали, что выполняют большое, важное дело для товарищества казачьего. Поэтому терпели пока издевательства немца, пообещав друг другу, что как только подроют подкоп и над ними закончится власть его, дать ему добрую взбучку.

Между тем к Гурейке Иоганн относился доброжелательно, хорошо. Может быть, это объяснялось тем, что немец знал, чьим сыном был Гурьян. Во всяком случае, между ним и мальчуганом установились дружеские отношения.

Немец рассказывал Гурейке о том, как он служил у баварского курфюрста гусаром и как научился в полку подрывному делу. Гурейка был любопытный мальчишка. Он осаждал немца разными вопросами о его жизни. Немец вначале неохотно отвечал на них, а потом разошелся и признался, что он, боясь отвечать за какую-то провинность, дезертировал от курфюрста баварского. Попал в Польшу. Там он некоторое время служил в кавалерии. А потом, как говорил Иоганн, прельстившись рассказами о романтической, полной рыцарских подвигов и приключений жизни Запорожской Сечи, бежал к ним. И теперь он был вольный казак, запорожец.

Работа по подкопу велась втайне. Об этом из казаков редко кто знал.

Лежа в ленивой истоме под палящими лучами солнца, казаки томились от скуки и безделья, бралились:

— И какого ляда ждем? Когда на приступ пойдем?

— Дьяволы их знают,— судорожно зевая, отвечал второй.— Про то наши старшины войсковые знают... Да походный атаман.

— Ему что, походному-то атаману, плохо, что ли? Живет себе, как царь, в шатре прохладном. Жрет что хочется, мед и вино пьет...

— Жиরует, дьявол...

В такой вот смердящей скуке да тягостном унынии пребывали казаки под Азовом, с лютой ненавистью посматривая на крепостные стены, с которых турки грозили им кулаками, а иной раз и угощали их из пушек и пищалей.

Не унывали, пожалуй, лишь старый казак дядя Ивашка да Макарка. Они служили в одном отряде, вместе ездили в разведку.

Бывало, едут они по жаркой степи, вынет старик дудочку из кармана, мигнет Макарке, дескать, начинай.

И начнет Макарка высоко-высоко:

Эй да как у нас да на Дону, во Черкасском городу...

А дядь Ивашка на дудейке, как соловей, заливается, как бы выговаривая:

Старики ой-да пьют-гуляют, по беседушкам сидят...

Но, несомненно, жизнь Макарки и дяди Ивашки была более интересна, чем у пеших казаков. Часто разъезжая далеко от крепости, они сталкивались с бродячими шайками ногаев или татар. Внезапно всыхивали короткие «хватки...» Враги не выдерживали казачьего напора и удирали, оставляя одного-двух своих убитых товарищей.

Однажды ранним утром Гурейка проснулся в шатре от какого-то разговора. Он прислушался. Разговаривали отец и немец Иоганн.

— Все, герр атаман, все,— говорил немец.— Котов подкоп. Можно пуфф!.. Бах!.. Отшель карошо...

— Погоди хвалиться, немец,— отвечал отец.— Вот спробуем, взорвем, тогда увидим, хорошо получится или нет... Вот тогда-то, Иоганиушка, подарок тебе будет знанный от Войска Донского... В Азове получишь его, там добыча нам будет добрая. Зело добрая.

Вначале немец не понял, что ему обещал атаман, и когда понял — обиделся.

— Зачем давать подарок? Не надо... Я такой же, как и все. Бескорыстие немца понравилось Татаринову.

— Молодчага, Иоганн! — похвалил он его.— Но все-аки отказываться тебе не следует от подарка. Ну, это

тогда посмотрим. Нечего свежевать козла, коли он еще не пойман.

В тот же день Татаринов созвал на совет старшин войсковых и полковников. Долго обсуждали план штурма крепости, а потом, решив все в деталях, назначили начать штурм с рассветом 19 июня.

— Ну, слава богу! — повставав и поскидав шапки, закрестились старшины и полковники. — Дождались светлого денечка. Господи благослови и помоги!

Зажавшись в уголок шатра, Гурейка слушал, что говорили старшины, и у него радостно и трепетно билось сердце, как будто он дождался светлой пасхи.

* * *

Девятнадцатого июня далеко еще до рассвета атаман Михаил Татаринов в сопровождении двух своих ближайших друзей, войсковых старшин Потапа Петрова и Ивана Каторжного, а также есаула Паньки Пазухина взошел на сторожевой курган.

Неяркий месяц, как половинка поджаренного пшеничного хлеба, медлительно плыл в легких облачках по потемневшему небу. Кругом стояла настороженная тишина. Кое-где на казачьем биваке тлели костры.

Татаринов пытливо всматривался в зубчатые стены крепости.

Спит, казалось, мирным сном мрачная громада. Никто не нарушает ее покоя. Предполагает ли кто-либо в Азове, что с первыми проблесками зари вокруг крепости разгорятся страшные, кровопролитные битвы? И в этих битвах судьба города и его жителей будет предрешена?

Татаринов перевел взгляд с крепости на казачий бивак.

Тишина глубокая. Казалось, что все казаки, вверившие ему свои жизни, спят непробудным сном. Но это только так казалось. В самом же деле никто в эту минуту не спал. Татаринов знал, что все его казаки и запорожцы, напряженноглядываясь в темные громады крепости, нетерпеливо ждут его мановения, чтобы ринуться на штурм вражеской цитадели...

Но он не спешил подавать команды.

Запахнувшись в епанчу, Татаринов недвижно стоял на верхушке кургана, как величественный монумент, задумчиво глядя на темневшие стены крепости. Атаман

думал о том, как много его товарищей по походам и битвам сложат свои головушки в это прохладное летнее утро. А быть может, и собственная голова не уцелеет.

Атаман вздохнул.

«Да, все может быть,— подумал он.— На то она и война».

Вздрагивая от возбуждения — ему ведь впервые пришлось испытывать такие переживания,— Гурейка чувствовал необычайную приподнятость. Восторженными глазами смотрел он на все, что открывалось в эту минуту его взору. Временами ему даже не верилось, что все это не сон. Ему казалось, что вот он сейчас проснется — и прекрасное сновидение исчезнет как дым.

Он смотрит на отца. Ему хочется подбежать и обнять его. Какой он сейчас величественный! Настоящий вождь народа. Вот отец так отец!

Атаман Татаринов отдал распоряжение: пользуясь темнотой, начать передвижение войск к стенам крепости. Со стороны моря во главе с куренным атаманом Любомиром Щетиной зашли спешенные запорожцы. Войсковой старшина Потап Петров повел хоперских и медведицких гульяев со стороны Дона. Низовые казаки под командой Ивана Каторжного засели в Кубанской степи. Сам же походный атаман Татаринов с отборной дружиной засел в небольшом овражке под той самой крепостной стеной, под которую был подведен подкоп немцем Иоганном.

На востоке дрогнули первые, едва приметные розатые отблески зари.

Со стороны Азова-моря послышался нестройный гул голосов:

— Ура-а!.. Ура!

— Должно, пошли запорожцы,— шепнул есаул Пазухин атаману.

— Пошли,— кивнул Татаринов.— Зараз откликнутся гульяи.

И действительно, тотчас же с Дона глухо донеслось:

— Ура-а! Ура-а!..

Послышались протяжные голоса и со стороны Кубанской степи.

Какого же дьявола не запаливает Иогани?! — выругался атаман.

Весь этот разговор слышал Гурейка, сидя за кустом шишовника. Отец строго-настрого приказал ему сидеть

в шатре, дожидаться там конца штурма крепости. А чтобы мальчишка не сбежал, атаман приставил к нему надсматривать старика Агеевича. Но Гурейка, как только отец с казаками ушел в засаду, убежал от старика.

...Загрохотал взрыв под крепостной стеной, вздымая в пламени огня и клубах дыма искромсанные, обезображеные трупы защитников крепости, куски камня, обломки оборонных укреплений.

— Братцы, вперед! — высекивая из оврага, закричал Татаринов, выхватывая на бегу саблю из ножен.— За мной! Ура-а!..

Выкарабкиваясь из оврага, за атаманом вслед побежали казаки.

Атаман повел казаков в пролом в стене крепости, вывороченном взрывом от подкопа Иоганна.

Рой пуль и стрел встретил казаков, но это не остановило их. Они ворвались в город.

Зная, что они обречены, турки оборонылись мужественно, с отчаянной решимостью. Каждое здание, каждый дом они превращали в неприступную цитадель, в которой дрались до последнего дыхания. Умирали они гордо, полные презрения к врагу.

Раздавались воинственные выкрики победителей, дикие вопли обезумевших от ужаса женщин, душераздирающий плач детей, предсмертные хрипы и проклятия умирающих.

Как огромные факелы, дымились подожженные казаками башни, в которых забаррикадировались янычары. Ветер разносил по городу облака прогорклого дыма. Хлопья гари садились на багровые, потные лица сражавшихся.

Гурейка уже давно потерял из виду отца и не знал, что делать. Он бродил по узким, мощенным камнем улицам городка, разыскивая отца или кого-нибудь из знакомых казаков. Но казаки метались из дома в дом в поисках добычи и не обращали на него никакого внимания.

В одном месте вдруг из-за угла закоулка на Гурейку с ревом выскочил горбоносый турок в красной феске. Он замахнулся на мальчишку кривой саблей. Но Гурейка не растерялся. Он отбил удар своей саблей и тотчас же молниеносно пырнул острием в живот врага. Турок со стоном повалился на мостовую.

— Ай да Гурьяшка! — крикнул кто-то сзади одобрительно.— Молодчага!

Парень обернулся и увидел своего друга дядю Ивашку.

— О! — обрадовался этой встрече Гурейка.— Дядь Ивашка, а я потерялся от отца.

— Ну ничего,— устало отер потный лоб рукавом старик.— Дюже приутомился я... Давай присядем на крылечко.

Старик отер окровавленный клинок сабли о полу своего зипуна и тяжело присел на ступеньки крыльца какого-то дома.

— Ух! — выдохнул он.— Много греха ныне на себя принял. Много порубал людей. Господи, прости мои прегрешения... Хочь они и басурмане, вроде нечистые, а, как говори, вроде люди... А тебе, сынок, окромя этого, пришлось ныне кого убить, а?

Гурейка покосился на турка, которого он только что зарубил саблей в живот, и покраснел от стыда. Турок этот до того был стар и дряхл, что казалось, ему было лет сто. Он сидел сейчас, прислонившись спиной к стене, харкал кровью. Видимо, ему осталось жить недолго.

Мальчуган тоскливо оглядел улицу. Всюду по ней бугорками лежали трупы турецких солдат. Изредка подались и трупы казаков.

— Зачем, дядь Ивашка, столько народу много убили? — трепетно прошептал Гурейка, схватив руку старого казака.— Зачем?

— Не жалкуй, Гурьяшка,— обнял старик паренька.— Не убивайся. Так уж, видно, богом положено. Ежли мы своих ворогов не побьем, так они придут нас побьют... Женок да ребятенков наших в неволю заберут, в ясырь продадут... Видать, закон такой.

— Нет, дядь Ивашка, я несогласный с таким законом! — вскричал Гурейка.— Не может быть такого закона, чтоб люди ни за что ни про что убивали друг друга, а ребятенков да баб уводили в полон...

— Но, Гурейка,— посмотрел внимательно старик на мальчугана,— это ж исстари так заведено. Куда ж денешься? Люди всегда друг дружку убивали...

— Все это неправильно! Понимаешь, дядь Ивашка, неправильно! Люди — не звери...

Гурейка не договорил. Он увидел, как раненный им старик свалился на землю, поскреб ногами и затих.

Под впечатлением ли смерти старого турка, или, может быть, страшные события сегодняшнего утра так повлияли на паренька, что нервы его не выдержали и он, припав к плечу старого казака, зарыдал.

— Ну, что ты, дурашка? — утешал его старики.— Замолчь. Стыдно казаку плакать. Стыдно. Какой же ты лыцарь? Утри глаза-то, а то вон казаки идут. Засмеют...

* * *

Несколько дней подряд в Азове дымились пожарища, продолжалась перестрелка. Турки укрепились в замке паши-губернатора и некоторых башнях и отчаянно сопротивлялись. Они обрекли себя на смерть, зная, что пощады им не будет, а поэтому дрались до конца своего.

Установив крепостные пушки, казаки разбили последнее укрепление защитников Азова.

Крепость досталась победителям совершенно опустевшая. Все ее защитники были перебиты или разбежались.

Донским казакам и запорожцам досталась богатая добыча. Была взята городская казна, более двухсот пушек, множество пищалей, аркебузов и другого военного имущества.

Было также освобождено несколько сотен русских невольников.

Как только замолк последний выстрел в городе, поп Варлаам на городском майдане отслужил благодарственный молебен всевышнему за то, что тот даровал победу христолюбивому воинству над нечистыми басурманами.

Потом казаки похоронили в братскую могилу убитых в битве казаков донских и запорожских, побросали в Дон трупы неприятелей, а затем уже приступили к дележу захваченной добычи.

Добычу дуванили всем поровну, никто в обиде не остался. Даже Гурейка получил свою долю. Как это и бывало всегда, значительную часть выделили в дар монастырям. У казаков были облюбованные на Руси монастыри, куда многие из них уходили под старость замаливать свои грехи. Выделили часть добычи и в войсковую казну на общие расходы.

На войсковом кругу выбрали легкую станицу в составе пяти казаков во главе со станичным атаманом Пота-

ном Петровым, послали к царю Михаилу Федоровичу сообщить о взятии крепости Азова.

Нахodka

На войсковом кругу казаки объявили Азов христианским вольным градом, освятили старую церковь Святого Иоанна Крестителя и заложили постройку новой во имя чудотворца Николая.

Все — и донские казаки и запорожцы — разместились жить в пустых домах горожан. По постановлению круга войскового атамана Татаринова с сыновьями поселили в замке азовского паши.

Атаман запротивился было идти жить в замок, но казаки потребовали выполнить их решение. Делать нечего, подчиниться надо было. У казаков существовал какой неписанный закон: если войсковой атаман не поддается общему решению войскового круга, то казаки могли лишить атамана власти и даже казнить, если наложили нужным это сделать. Некоторые казаки с дозволения походного атамана перевезли в Азов своих жен и детей и зажили семейной жизнью.

Сам же атаман Татаринов свою жену из Черкасска перевозил в Азов. В Черкасске как-никак у него было хозяйство. За ним нужен был всегда свой глаз.

каждым днем в Азове становилось жить все веселей. Прослыshав о том, что в нем крепко засели казаки,

Руси в город стали прибывать купцы с товарами. Приезди разные заманчивые товары и торговые люди из Кифы, Керчи и Тамани, веря заверениям казаков «не програть чужого добра купеческого».

В городе пооткрывали кабаки и харчевни.

Еще радостнее стало в Азове, когда туда пришло известие о том, что казачий отряд перерезал путь кубанским татарам, возвращавшимся из набега с Украины богатой добычей, и разгромил их, отняв награбленное добро, и отбил захваченных в неволю украинцев. А чуть позже другой отряд казаков разбил большую группу турок и темрокских черкесов на Кагальнике.

* *

Атаман Татаринов отлично знал, что турки не примирятся с захватом крепости Азова казаками. Во что бы

то ни стало, не считаясь ни с какими жертвами, они постараются ее вернуть. Поэтому атаман деятельно начал готовиться к обороне. Он приказал заделать пролом от взрыва в стене крепости, надежно укрепить надолбы, глубже прорыть рвы.

Сам же он за всеми работами и следил. Вставая с рассветом, ложился поздно, хмельного ничего не пил.

Он ввел строгую дисциплину в полках, чем немало вызвал нареканий со стороны казаков, привыкших к свое-вольству.

Чтоб неприятель не мог напасть на крепость внезапно, день и ночь далеко от Азова высылались казачьи конные разъезды, которые в случае появления вражеского войска сейчас же сообщили бы войсковому атаману.

Все было приготовлено к встрече врага, а он все не появлялся, приводя в недоумение и атамана и казаков.

Когда появится враг? — этот вопрос томил всех.

Лето проходило спокойно. Теперь все уже — и донцы и черкасы — стали привыкать к уютной жизни в Азове. Некоторые до того обленились от безделья и каждодневного питья, что обросли жиром, потолстели.

* * *

Но не столько страшила атамана Татаринова осада крепости турками, сколько возвращение легкой станицы, посланной к царю.

Тревожно поджидал атаман вестей из Москвы. Как-то царь потерпит известие о взятии Азова?.. А как он отнесется к убийству турецкого посла Томы Кантакузена? Ой, и крепко же побаивался царского гнева Михаил Татаринов...

Как-то атаману потребовался Гурейка — надо было написать грамоту мирному ногайскому мурзе. Но сколько ни искали парнишку, нигде не могли найти.

А между тем Гурейка в последнее время частенько куда-то исчезал, только никто этого не замечал.

Но куда же это паренек отлучался? Что за тайна такая? А тайна действительно была, и очень большая.

Однажды, вскоре после взятия Азова, когда атаман уже поселился с сыновьями на житие в замке паши, Гурейка из любопытства стал осматривать замок.

В этом громадном здании было комнат пятнадцать, из которых атаман с сыновьями жил только в двух. Остальные пустовали. Гурейка расхаживал по звонким комнатам, любовался. Всюду были развешаны персидские ковры, какие-то восточные картины, стояли шкафы с дорогой посудой.

— Вот, дьяволы, жили так жили! — завистливо сказал он. — Не то что мы — тряпье трясим да вечно в грязи живем.

Войдя в большую комнату, уставленную зеркалами, Гурейка уселся на мягкую табуретку и стал задумчиво рассматривать картину, висевшую на стене, с изображением какого-то эпизода из жизни пророка Магомета, основателя ислама.

Так в молчании он сидел минут пять.

Вдруг в комнате рядом скрипнула половица. Гурейка асторожился. Ему показалось, что там кто-то ходит, но так тихо, едва уловимо. Паренек подкрался к двери и заглянул.

Кто-то в белом, как призрак, скользнул в угол. Гурейка был суеверен. Разных там привидений и духов он страшно боялся. Перекрестившись, он рявкнул:

— С нами бог! Да росточатся врази его.

Какое-то маленькое существо, сжавшись в угол, тоненьким голоском зарыдало.

Гурейка ободрился. Он подумал, что нечистая сила будет плакать.

Вытащив из ножен саблю, он храбро двинулся к углу, где копошилось и так жалобно плакало это непонятное, загадочное существо.

— Кто ты? — по-русски спросил Гурейка, на всякий случай подняв саблю.

В ответ существо зарыдало еще громче, еще жалобнее.

— Говори ж, кто ты? — грозно повторил он по-турецки. — А то так вот саблей и полосну.

— Я Фатима, — ответил сквозь слезы тоненький нежный голосок.

— Что это за Фатима? Откуда ты?

— Я дочь паши... Не убивай меня, казак. Не убивай!

Гурейка сорвал с ее головы кисейный шарф. Девочка закрыла лицо руками:

— Коран запрещает открывать лицо женщинам.

— Нас никто не видит тут,— сказал Гурейка.—

Опусти руки.

Маленькая, хрупкая девочка, как показалось вначале Гурейке, упала перед ним на колени и умоляюще протянула руку.

— Аллахом заклинаю тебя, не убивай!.. Я никому зла не сделала...

Она была очень красивая девочка. Особенно хороши у нее большие голубые выразительные глаза, обрамленные густыми длинными черными ресницами.

— Ты совсем маленькая,— сказал Гурейка.— Не бойся меня, я тебя не Gronу. Встань,— потянул он ее за руку.— Садись вот на стул.

Она перестала плакать и села.

— Расскажи, что ты тут делаешь?

Девочка снова заплакала и рассказала Гурейке свою печальную историю. Она дочь паша. Жила в этом замке. Когда казаки ворвались в крепость, паша с солдатами заперся в замке и оборонялся. А потом... Фатима при воспоминании от ужаса закрыла глаза маленькими руками.

— Потом казаки ворвались в наш дворец,— продолжала рассказ девочка дрожащим голосом.— Они саблями порубили всех янычар... Убили и отца, а мать, сестра и брат, не знаю, куда девались.

— А ты как уцелела?

— Я убежала на чердак... Там я спряталась в хламе... Туда приходили казаки, искали, но не нашли меня.

— Бедная Фатима...— вырвалось у Гурейки.— А чего ж ты ела?

Я иногда спускалась вниз,— призналась девочка,— когда во дворце никого не было. Я воровала хлеб и мясо...

— А сейчас хочешь есть?

— Очень.

— Я тебе сейчас принесу.

— О, я боюсь!

— Не бойся меня, Фатима,— сказал Гурейка.— Я тебе зла не сделаю. Ты мне покажешь, где ты запряталась, я тебе буду туда приносить еду и воду... А постель у тебя есть?

— Есть. Я себе принесла.

Гурейка задумался.

— Вот что я тебе скажу, Фатима, пока я с тобой, ты никого не бойся. Я тебя буду защищать. А потом я при-

думаю, как тебя вызволить отсюда. Может, я тебя ночью выведу из крепости в степь, и ты пойдешь куда хочешь. Может, к кубанским иль крымским татарам попадешь, а они тебя в Турцию отправят.

— Спасет тебя великий аллах, добрый человек,— снова заплакала девочка.

— Вот маленькая ты еще очень,— сокрушенно сказал Гурейка, глядя на нее,— не доберешься одна.

Девочка смущенно порозовела.

— Я не маленькая,— сказала она тихо.— Мне четырнадцать лет.

— Четырнадцать? — удивился Гурейка.— А я думал, тебе лет десять — двенадцать.

Фатима промолчала.

— Меня зовут Гурьянном,— сказал Гурян.— Гурейка.

— Гурэйка? — переспросила она и первый раз за все время улыбнулась сквозь слезы.— Красивое имя.

— Так, значит, ты подожди меня, я сейчас принесу еду. На ее лице отразился испуг. Он заметил это.

— Что ты, глупая, испугалась? — ласково потрепал ее по щеке.— Ты думаешь, я кого-нибудь приведу? Нех, ты,— огорченно проговорил Гурейка.— Значит, ты мне не веришь.

— Верю,— прошептала Фатима.— Верю. Ты хороший человек.

Гурейка принес девочке еды воды, а потом она повела его на чердак к себе.

Там, в темном уголке чердака, Фатима устроила себе гнездышко.

Вот с той-то минуты Гурян и нажил себе заботу, заботу большую, тревожную. Но он не сожалел об этом. Наоборот, это его радовало. У него была теперь тайна,

наполняла все его существо каким-то новым, неподобным для него чувством теплоты и нежности к несчастной молоденькой турчанке. Где бы он теперь ни бывал, что бы ни делал, он всегда думал о ней. Он был горд от сознания, что это хрупкое, нежное существо прониклось к нему доверием и живет теперь на белом свете только благодаря его стараниям и заботам.

Каждый день Гурейка навещал юную турчанку, а иногда и по несколько раз в день, если бывал свободен. Он приносил ей пищу, воду, а иной раз, если удавалось добыть, и какие-нибудь лакомства.

Фатима каждый раз радостно встречала его. Она так привыкла к этому ласковому казацкому пареньку, что казалось, ее жизнь без него невозможна.

Гурейка рассказывал ей новости или разные смешные истории из богатой приключений рыцарской жизни донских казаков. Он умел рассказывать, и девушка, прислушиваясь к его ровному, неторопливому голосу, искренне, от души смеялась над злоключениями какого-нибудь неудачливого героя. Иногда он напевал ей донские казачьи песни. А однажды ему пришло желание научить Фатиму русскому языку. И он принял за это с рвением. И первые же уроки показали, что турчанка оказалась весьма способной, понягливой ученицей.

Так продолжалось с месяц.

Как-то атаман Татаринов послал Гурейку со срочным поручением в Черкасск к воинскому дьяку Персианову. Поездка настолько была неожиданная, что паренек даже не успел предупредить Фатиму.

Все время, пока Гурейка отсутствовал, он был неспокоен. А вдруг что-нибудь случится с девушкой? Ведь могут ее и обнаружить. Да и пищи у нее недостаточно было...

Пробыл он в Черкасске всего два дня, но пережил за это время много.

О Фатиме же и говорить нечего. Не зная, чем объяснить исчезновение своего покровителя, она пролила немало слез.

И какова же была ее радость, когда Гурейка пришел к ней. Она смеялась и плакала от восторга, гладила его руку и все порывалась ее поцеловать.

— Ну-ну, Фатима,— смущенно отдергивал он руку.— Что ты, глупая... Я ж не поп...

— Как хорошо, Гурейка, что ты пришел... Я думала, что умру.

Тут-то парень и пришел к выводу, что в тайну свою нужно кого-то посвятить. Обязательно нужно. А вдруг придется опять отлучиться? Вот тогда-то этот третий, кому бы он доверил свою тайну, и мог бы позаботиться о юной турчанке.

«Но кому можно довериться? — размышлял Гурейка.— Макарке? Слов нет, Макарка славный парень, хороший, но болтун. Сам-то он, может, и ничего плохого не сделает Фатиме, но кому-нибудь сболтнет, и тогда все пропало... Заберут казаки бедную Фатиму. И брату

Матюхе тоже нельзя о ней сказать. Надсмеется над девушкой. Подходящее всего будет дядь Ивашка. Он, как кремень, никому не скажет... Когда ежели отлучусь, так позаботится о турчанке...»

Гурейка разыскал старика Чекунова и поведал ему свою тайну.

Выслушав парня, старик гневно закричал:

— Да ты что, зальян, очумел, чи что?.. Да разве ж можно нехристь поганую укрывать? Зараз же пойдем к отцу скажем.

— А ты сам-то, старый хрен, не сошел с ума? — возмутился Гурейка.— Я тебе поведал о том потайно, как друзьяку своему доброму, а ты... Эх, ты!.. Тож мне друзьяк.

— Погоди, погоди серчать-то,— смягчился старик.— На дьявол она тебе понадобилась, эта туркеня?

— Дядь Ивашка,— горячо стал убеждать парень.— Ты ж не видал, какая она добрая да хорошая... Сам увидишь. Она, бедная, ни в чем не виновата... Надобно, дед, ей помочь. А ежели ей не помочь, так она пропадет... Умрет.

— Ну ладно,— совсем размяк старик.— Пойдем ужо взглянем на твою принчессу иноземную...

Улучив момент, когда в огромном доме никого не было, Гурейка со стариком пробрались на чердак. При виде бородатого казака Фатима пришла в ужас.

— Не бойся, Фатима,— успокоил ее Гурейка.— Это мой друг, дядь Ивашка. Он добрый, зла не причинит.

Девушка не сразу успокоилась. Она боязливо поглядывала на седого старика, который сначала не особенно уж приветливо оглядывал ее. Убедившись, что юная турчанка действительно очень милая, хорошая девушка, старик заулыбался, потрепал ее даже шершавой рукой по щеке.

— Ну ничего, гулюшка, не бойся меня. Я в обиду тебя не дам. Даст бог, все будет хорошо.

Гурейка перевел слова старика девушке. Она заулыбалась.

Итак, эту тайну они знали теперь втроем.

Вылазка

В октябре из Москвы в Азов вернулась легкая станица во главе с атаманом Потапом Петровым. Она при-

взела войску Донскому царскую грамоту и жалованье.

— Ну, как царь, Потап? — упавшим голосом спросил атаман у Петрова.— Гневен, а?

— Ой, и гневен же! — сокрушенно помотал широкой, как помело, сивой бородой Петров.— Дюже гневен. Да вот сам почитай его грамоту.

— Что-то глаза болят,— сказал Татаринов, не желая показать, что он не в состоянии осилить грамоту царскую.— Гурьяшка! Позовите мне Гурьяна.

Прибежал запыхавшийся Гурейка.

— Читай царску грамоту,— приказал отец.— Да шапку-то съими, балбес, небось ведь грамоту царскую держишь в руках.

Гурейка смахнул с головы шапку и начал нараспев читать. В своей грамоте царь укорял атаманов и старшин за то, что они взяли Азов без царского повеления и убили турецкого посла Тому Кантакузена.

— «Ибо то-го не ведется и тог-да, ко-огда госу-да-арии вою-ют,— читал по складам Гурейка.— А я с султаном состою в мире. Разве не знасте, что и во время войны цари пересылаются послами для нужных отношений и переговоров; разве не ведаете, что послов ни в коем случае не казнят и не убивают...»

«Да,— слушая грамоту и почесывая затылок, сокрушился думал Михаил Татаринов.— Ошибку понесли, должно. На дьявол он нужен нам, тот посол турский... А вот что касаемо взятия Азова, то тут уж ты, царь-батюшка, не туда запел. Нет, Азов нам нужен, и туркам мы его никогда не отдадим... Будем ждать осады турской. Будем сражаться до последнего...»

* * *

Как-то Гурейка шел по улице. Навстречу ему попался Макарка. Гурейка не сразу даже его признал. Макарка совсем преобразился. На нем широченные алые шаровары, наверняка стащенные с какого-нибудь янычара, на ногах щегольские сафьяновые сапоги. Лихо сдвинутая набекрень шапка сдва держалась на затылке. На боку, как и полагалось казаку, болталась сабля, за кушак застянут пистоль.

— Макарка! — неуверенно позвал его Гурейка.— Ты?

— Ну? — обернулся парень.— Я.

— Какой ты чудной стал,— сказал Гурейка.— Важный. Уж не именинник ли ты?

- Именинником я был неделю тому назад,— произнес Макарка.
- Сколько ж тебе стукинуло? Семнадцать?
- Семнадцать.
- А мне только пятнадцать вчера сровнялось,— сожалеюще вздохнул Гурейка.
- Ничего,— ободрил его Макарка.— Будет тебе и семнадцать. Дождешься... Чего тебя не видать-то?.. Али отец не пускает никуда?
- Не пускает,— вздохнул снова парень.— Все грамоты ему пишу.
- Добро грамотеем быть,— позавидовал Макарка.— И кому же ты все пишешь, а?
- Да мало ли кому... Царю, мурзам ногайским...
- Да ты что? — опешил от изумления Макарка.— Неужто самому царю? Брешешь, должно.
- Да истинный господь, пишу,— поклялся Гурейка.
- Самому царю?
- Самому.
- Вот это ж да!
- Видя, что этим сообщением он производит большое впечатление на своего друга, Гурейка еще пуще расхвастался.
- Да это что. Я первым и читаю царские грамоты. Макарка не нашелся, что и сказать на это. Он шмыгнул носом, вскудлатил свой рыжий чуб, клоком пламени выбивавшийся из-под шапки.
- А я в разведку езжу,— сказал он наконец.— Вот, альян, и весело ж бывает... Иной раз за нами татары разгонят, а другой — мы за ними.
- Подстрелить пришлось хоть одного?
- Одного? Скажешь тож... Да я десятерых ужо побил...
- Врешь...
- Ну, может, не десятерых, а вот пятерых навер-
- И это врешь.
- Правду сбrehал,— засмеялся Макарка.— Двух я подстрелил, это ей-ей правда.
- Ну, двух-то еще может быть,— согласился Гурейка.— А когда ты еще поедешь в разведку?
- Завтра с утра выезжаем.
- Возьми меня с собой, Макарка,— попросил Гурейка.

— Ну тебя,— отмахнулся парень.— Меня твой отец заругает.

— А ежели я отпрошусь у него?

Ну, это еще другое дело. Сабля у тебя есть, ружье?

— Ружья нет. Пистоль вот есть.

— Вояка тож,— насмешливо посмотрел на своего приятеля Макарка.— Ладно, ежели отец отпустит, приезжай завтра к рассвету к башне Таш-кале... Знаешь, где она?

— Знаю.

— Ну вот, приезжай. Буду ждать.

Вечером, когда в доме не было ни отца, ни брата, Гурейка пробрался на чердак, принес хлеба, еды Фатиме. Турчанка, как и всегда, радостно встретила его.

— Я скучала очень, Гурэйка. Все ждала тебя. Почему так долго не приходил?

— Некогда было, Фатима. Я забежал к тебе на минуту, чтоб сказать, что завтра не приду к тебе.— Заметив на лице девушки беспокойство, он неуверенно договорил: — Отец посыпает опять в Черкасск-городок. Но ты не бойся, я послезавтра опять приду к тебе... А завтра к тебе зайдет дядь Ивашка. Обязательно зайдет. Он обещал. Прощевай пока, Фатима...

Девушка ничего ему не ответила, лишь вздохнула. Грустным взглядом проводила она его, пока он не скрылся в люке. Бледные щеки ее пробороздили прозрачные слезинки. Какое-то смутное предчувствие тревожило ее сердце.

* * *

Когда Гурейка в мутном рассвете утра подъехал к башне, около нее уже толпилось с десяток всадников. Отделившись от них, к нему подъехал Макарка. По плотной, плечистой фигуре Гурейка сразу же узнал его.

— Ты, зальян? — осипшим голосом спросил Макарка.

— Ведомо, я. Что, не узнаешь, что ль?.. Скоро поедем или нет?

— Да еще не все казаки собрались,— сладко зевнул Макарка.— Ох, и спать же охота!.. Да и поспал бы я, ежели б моя воля... Неделю не просыпаясь спал бы. Ей-ей! Люблю, грешным делом, спать... Но что поделать,— сожалеющее закончил он,— дело наше такое, военное... Ага! — воскликнул он.— Вон казаки едут и стар-

шой наш. Зараз, Гурьяшка, поедем. Я о тебе старшому ужо докладывал. Он не супротив, чтоб ты с нами в разъезд поехал. Только ты гляди, не гутарь ему, что ты атаманский сын, а то он вернет тебя, ей-богу, вернет...

— Поеха-али! — протяжно скомандовал старшой, бородатый казак, покосившись на Гурейку.

Гурейка подумал, что он сейчас спросит, что он за человек. Но старшой больше не обращал на него никакого внимания.

С лязгающим скрежетом распахнулись чугунные крепостные ворота, выпуская из города, словно выплевывая из чрева, десятка два всадников с пиками, на маленьких мохнатых лошадках.

Огромнейшее удовольствие получил Гурейка, находясь в кругу этих уже пожилых, огрубевших и закаленных в битвах суровых воинов. Ему казалось, что и он такой же, как и они.

Выпливший из-за пригорка багровый шар солнца залил все здесь, в степи, золотой россыпью огня. В голубом небе голосисто курлыкали вереницы птиц, улетая в теплые края.

Наступала пора поздней осени. Но не все еще птицы улетели отсюда. Гурейка видел, что голубые зеркала озер и болотцев, часто попадавшихся им на пути, переполнены взбалмошными птичьими стаями. С резким свистом то поднимались, то опускались на воду целые гусиные и утиные выводки. В камышах прибрежных, словно монахи в капюшонах, бродили черные аисты, тыча длинными носами в ил.

Куда ни глянь — неоглядная ширь степи, заросшая старыми высокими травами! Царство молчаливое, пустынное. Туманные дали дрожат в заплывающем мареве.

И сколько ни езди по степи за день, всюду она дикая, угрюмая, нелюдимая, загадочная...

По предположению Гурейки, отъехали, наверное, от крепости верст за пятнадцать — двадцать. Захотелось есть. Гурейка вытащил из кармана краюху хлеба, отломил кусок Макарке:

— Хочешь?

— Давай.

Они посолили хлеб и начали есть. И таким он им показался вкусным, что казалось, они никогда и не едали лучше. Глядя на них, повытаскивали ломти хлеба из карманов и казаки, на ходу стали его жевать.

— Давайте, братцы, сделаем отдых,— сказал старший Ануфрий Косолапов, мрачноватого вида казак.— Пополднюем. У той вон речушки посидим, пообмакаем сухари в воду,— показал он плетью.— А вы, ребята,— глянул он на Макарку и Гурейку,— поезжайте на тот курган, постойте на нем, покель мы поедим, понадзирайте по сторонам... На случай чего дайте нам знать — из ружья пальнице. А тож не ровён час — налетят ногай айтатары.

Молча оба парня дали шенкеля под шерстистые теплые бока своих коней, стремительно помчались к кургану, который был в какой-нибудь полуверсте от того места, где расположились казаки полдневать.

Подскакав к кургану, парни взобрались на его верхушку. Отсюда перед их взором на много верст в окрестности необъятно пласталась все еще, несмотря на осень, сочно-изумрудная, позлащенная бурьянном равнина. На ней, словно сурочьи кучи, стоят сторожевые курганы, понасыпанные тысячелетия назад полудикими кочевыми народами на могилах знатных воинов. От солнечного сияния курганы эти сейчас дрожат в белесом, мглистом тумане, и каменные бабы на них белеют ярко и прозрачно.

— Вон наш Черкасск-городок,— указал Макарка север.— Видишь, вон!

Но сколько ни напрягал зрения Гурейка, он ничего видел.

Нет, не вижу я.

— Да вон, гляди!

Гурейка опять присмотрелся до боли в глазах, но ничего опять не увидел.

— А, вижу,— засмеялся он,— конопинь на твоем носу. Ты тоже так же видишь Черкасск, как и я.

— Да ты что, думаешь, я брешу? Вон вербы в нашем займище, а вон и крыша часовни.

— Иди ты к лешему,— обиделся Гурейка.— Что врешь-то? А то как залющу по уху.

Макарка закатился в веселом смехе.

— Чудак ты, Гуряшка,— сказал он наконец.— Да разве ж можно отсель увидать наш городок! Ведь до него небось верст сто будет. Ой, боже мой! — вдруг, побледнев как полотно, вскрикнул Макарка, оглянувшись.— Ведь это же татары, а может, ногай нас охватывают,— указал он на мчавшихся в высокой бурьянной

траве на маленьких гривастых лошадках всадников, рассыпавшихся цепочкой с двух сторон.

Намерение их было ясное: они хотели окружить парней и взять их живыми.

Смахнув из-за плеча ружье, Макарка выстрелил, давая знать казакам об опасности.

— Скачи зараз же к нашим,— приказал Гурейке Макарка.— Упреди их.

— А ты?

— Я останусь тут. Буду заманывать татар.

— Ну, и я останусь с тобой,— решительно заявил Гурейка.

— Я те сказал: езжай, стало быть, езжай, олух царя бесного! — свирепо заорал Макарка, взмахивая приладом ружья.— А то вот как двину. Скачи живо!.. Я их задержу.

Толкнув коня каблуками, Гурейка на своем приземистом масштаке, как шарик, скатился с кургана. За спиной он услышал выстрел: Макарка начал отстреливаться от врагов.

Пригнувшись к гриве, Гурейка мчался, как ветер, биваку казаков. Сердце бешено стучало. Все мысли и желания мальчишки были направлены к тому, чтобы скорей предупредить казаков да выручить бы из беды Макарку, который самоотверженно остался на кургане лишь для того, чтобы спасти других, в том числе и его, Гурейку.

«Ой, скорей! Скорей бы!..— твердил он мысленно.— Может, казаки отгонят татар и вызволят Макарку».

Вот как будто и осталось совсем недалеко до казаков. Вон они пасутся, маленькие лошадки их. А вон и казаки ловят их. Наверное, они услышали Макаркин выстрел.

— Эгей-ге!.. Ге-ге-ге! — закричал казакам Гурейка, взмахивая шапкой.— Эй!..

Над головой парня что-то резко просвистело и ударило его по спине. Гурейка даже и не понял сразу, что это такое. Он оглянулся и похолодел от ужаса. За ним ледом совсем близко, в каких-нибудь шагах пятидцати — двадцати, мчались татары. Они размахивали пучками веревок.

«Заарканить хотят»,— подумал он и еще ниже приспулся, почти касаясь носом гривы масштака.

— Выручи! — шептал он своему коню, хлестая его плетью.— Выручи...

Над головой Гурейки снова просвистел аркан.

«Пронеси, господи!» — взмолился он.

Страшная сила сразу же тugo сдавила его плечи и легко, как перышко, выбросила из седла.

* * *

Что дальше было, Гурейка не помнил. Пришел он в себя лишь на другой день в своей постели в атаманском дворце. Открыв глаза, он увидел отца. Лицо у отца внимательное, ласковое.

— Очнулся, сынок? — спросил он.

Гурейка не ответил. Он даже и не понял вопроса. Он повел взглядом по комнате. Вот стоит брат Матюха... А это кто? Да дядя Ивашка же, его закадычный друг! Что это у них у всех такие странные лица?.. Гурейка хотел подняться, но вдруг застонал от сильной боли. Всё тело его болело — и руки, и ноги, и спина, и голова... В чём дело? Что случилось?

— Слава богу! — перекрестился дядя Ивашка.— Теперь будет жить. Будет! Он стал настоящим степным лыцарем...

Отец подсел к сыну на постель, приложил влажную шершавую руку к его лбу.

— Болит? — спросил он.

— Все болит, батя.

— Вот ведь ты какой,— с укором сказал атаман.— Не велел же я тебе никуда отлучаться. А ты!.. Эх! Ну, да ладно. Хорошо еще, что уцелел, а могло б хуже быть...

Гурейка вспомнил обо всем:

— Батя, меня татары заарканили...

— В том-то и дело, что изловили арканом. Спасибо, казаки отбили, а то б, ежели б не умер, так быть бы тебе в турецкой неволе.

— Батя, а Макарка где?

— Эх, Макарка, Макарка! — проговорил отец.— С ним дело хуже, сынок. Изловили татары его и увезли в неволю...

— Батя! — простонал Гурейка.— Как же так? Ведь он меня спасал... Нарочно остался на кургане, чтоб я

к казакам ускакал. Надо его вызволить, батя... Обязательно надо!

— Ничего, Гурьяшка, не горюй,— сказал сочувственный брат Матюха, коренастый, плечистый юноша лет двадцати, очень похожий на Гурейку.— Мы изловили лесятка два татар. Обменяем их на Макарку.

— Матюха,— прошептал умоляюще Гурейка,— обязательно обменяйте... Батя...

— Нынче же пошлем грамоту об этом татарским мурзам,— пообещал атаман.— Произведем обмен пленниками. Там у них и помимо Макарки много наших в неволе томится... Нынче же все это сделаем, сынок, не беспокойся... Ну, об этом мы еще погутарим с тобой. А ты что мне скажи: у тебя, оказывается, еще друзьяки есть? А ты мне о том и ни гугу...

О ком ты, батя, гутаришь?

— А ну-ка, пойди сюда! — обернувшись, поманил атаман кого-то.

К постели подошла какая-то маленькая фигурка, закутанная в легкую шелковую шаль.

— Не узнаешь? — спросил атаман у Гурейки.

— Нет,— простодушно ответил мальчуган. Потом он, чем-то догадываясь, с беспокойством, пристально посмотрел на маленькую фигурку.— Неужто...— Он не договорил, боясь сказать имя.

— Ну, конешное же дело, она,— засмеялся отец и откинул шаль с головы маленькой девушки.

— Фатима! — воскликнул взволнованный Гурейка и от смущения побагровел.

Улыбаясь, турчанка сквозь слезы смотрела на него радостными глазами. Вся ее маленькая фигурка светилась счастьем.

— Гурейка! — гортанно произнесла она.

— Что ж ты о ней ничего не сказал? — спросил атаман.— Ухоронил на чердаке, а мне о том молчок. Эх, ты!

— Боялся,— проронил Гурейка.

— Боялся? — переспросил отец.— А чего ж зараз боялись? Ведь когда мы приступом Азов брали, тогда мы тые, жестокие были. А зараз другое дело... Когда мы не боимся, мы добрые бываем. Нас не трогают, и мы никого

трогаем. Пусть это дите-то живет у нас, семьянином им будет.

— Как же ты, батя, о Фатиме узнал?

— Да вот твой друсьяк,— кивнул атаман на Чекунова,— поведал мне о ней. Забрали мы ее, бедняжку, отель... Как узнала она, что с тобой приключилось, так чуть слезами не изошла. Дядь Ивашка твой все утешал ее...

Гурейка с укоризной посмотрел на своего старого друга, как бы говоря своим взглядом: «Эх ты, старый, не сдержал тайну, выдал». Дядя Ивашка понял этот взгляд. В ответ он лишь лукаво подмигнул мальчишке: все, дескать, будет по-хорошему.

Вот с той поры и стала Фатима жить снова открыто во дворце своего отца, в семье войскового атамана. Она ухаживала за Гурейкой, просиживая день и ночь у его постели, то что-нибудь рассказывая ему, то напевая ему своим тоненьким, нежным голоском восточные песенки.

И Гурейке так хорошо и приятно было засыпать под них.

Жизнь в крепости

Султан Турции Мурад IV воевал в Персии, когда получил известие о взятии Азова казаками.

— Ну хорошо же! — в сильном раздражении выкрикнул он.— Я сумею этих презренных казаков за их дерзость наказать достойно. Вот только мне покончить бы с персами.

Мурад приказал крымскому хану, темрюкским и таманским татарам, а также и ногаям, вообще всем находившимся в его подчинении народам во что бы то ни стало вернуть Азов Турции.

Но это приказание султана не имело результата, хотя татары, крымчаки и ногаи как будто формально и подчинились приказу султана. Собрав большие силы, они попробовали штурмовать крепость, но делали это без энтузиазма. Их попытка стоила им больших потерь. Войска их отошли от крепости ни с чем...

Да, надо сказать, что на казаков, на их моральный дух, эта попытка крымчаков и татар не повлияла. Они были уверены в себе, в своих силах.

В Азове налаживалась мирная жизнь. Бойко торговали русские и иноземные купцы, подвозя в город на галерах все новые и новые товары.

Казаки стали обживаться на новом месте. Все больше появлялось в городе женщин. Многие казаки привезли жен и детей из своих городков, молодые же парни добывали себе невест в татарских и черкесских аулах, женясь на пленницах. Поп Варлаам сначала крестил мусульманок, вводил их силком в православие, а потом уже венчал их. Новобрачные пленницы вначале в отчаянии рвали на себе волосы, а потом смирялись со своей участью, привыкали к мужьям, да еще ж как любили их. Веселоправляли казаки свадьбы. Дымились бражные меды на пирах, задорные песни взвивались в поднебесье.

И на улицах стало шумно и людно. Народ толпами ходил друг к другу в гости. Ватаги босоногих, белоголовых казачат взапуски бегают по мощеным улочкам, играют в айданчики¹.

Постепенно привыкала к казацкой жизни и Фатима. Благодаря ее заботе и уходу, Гурейка быстро стал поправляться. Теперь он стал уже ходить по комнате.

Во время падения из седла, когда его заарканили атарты, у него были сломаны два ребра и вывихнут плечевой сустав.

Старик Чекунов славился среди казаков как искусственникостоправ. Он вправил на место плечо парню и сломанные ребра.

Гурейка не мог не видеть, как преданно и заботливо ухаживала за ним Фатима. Он не был бесчувственным, не раз высказывал ей свою признательность за это.

— Фатима,— говорил он ей.— Век не забуду, как ты очи не спала, сидела надо мной... У меня нет сестры, вот будь ты мне за нее.

Во время болезни Гурьяна часто навещал его старый друг дядя Ивашка. Он часами просиживал около постели парня, то рассказывал какие-нибудь истории из боевой приключениями жизни своей, то играл на дудочке, арные казачьи песни. Особенно любил он рассказывать про колдовок да упырей...

Фатима теперь настолько уже освоила русский язык, что понимала старика. Она, бывало, заслушивалась его рассказами. И, видя такое внимание с ее стороны, дядя Ивашка еще больше изощрялся в своих выдумках.

Фатима смеялась до слез над выдумками старика. Она полюбила этого старого балагура, весельчака, при-

¹ Айданчики — кости животных.

взаялась к нему. Да и дядя Ивашка привык к тихой, ласковой турчанке.

Однажды он даже принес ей в подарок какой-то сверток. Смущенно сунул ей.

— Это я тебе, жалюшка... Мне это ни к чему, а тебе, глядишь, к делу пригодится. По дувану пришлась мне эта вещь.

Девушка не отказалась от подарка и развернула сверток.

— Ой, великий аллах! — вскрикнула она восторженно.— Какая красивая материя!

В ее руках, как радуга, играла всеми цветами чудесная шелковая ткань.

— Платье себе сшей, душанюшка, — посоветовал старик.

— Спасибо, дедушка,— сказала Фатима.— Обязательно сошью.

Хорошо им было втроем. Забывали они обо всех неизгодах жизни того сурового времени, в котором жили. Забывали о лютом горе, несчастьях, сыпавшихся на их голову.

Видя, что Фатима стала свободно говорить по-русски, Гурейка решил, что при ее способностях турчанка сможет научиться писать и читать по-русски.

— Это вот буква аз,— чертил он мелом по столу.— А это — буки...

Но русская азбука трудно давалась Фатиме. Ей очень хотелось сделать приятное Гурейке, постигнуть премудрость чтения и письма, но для нее это было невозможно. Она знала превосходно арабский язык, читала книги на этом языке, но русскую грамоту постичь не могла.

В свою очередь, Фатима стала ему показывать арабские начертания букв.

Вот так, бывало, склоняются над столом Гурейка и Фатима, занимаются, а старик Чекунов смотрит на две головы — одну кудрявую белокурую, а вторую — темную, как смоль, с длинными косами, и шепчет:

— Вот уж любушки, мои голубушки... Истинный господь, как все едино голубки... Вот бы оженить их, а?

Мысль эта засела старику крепко в голову, и однажды он, не вытерпев, сказал:

— Фатимушка, голубица, ты прям как истая казачка стала... Истинный господь! И по-нашему-то научилась

гутарить. Башковитая ты девка, погляжу я на тебя. Ты знаешь,— начал он исподволь,— у нас, казаков, такой закон: ежели, мол, турячка или черкешенка выйдет замуж за казака, она тогда становится полной свободной казачкой. Истинный господь!.. Вот возьми ты хочь к примеру мать Гурьяшки нашего. Мать-то ведь у него туркеня, самая настоящая туркеня. Захватил ее в полон Гурьяшkin отец. Окрестили мы ее тут и оженили их... И вот, как видишь, живут они хорошо, в любви и согласии, детей воспитали. Я это к тому гутарю, любушка моя, давай-ка мы тебя окрестим, в православие введем, а? Я б тебе и крестным отцом был. Крестную мать подыщем. Вот пойдем к попу Варлааму, он те живо перекрестит. Он зело мастак на такие дела. Ну, так что, любанюшка, пойдем, а?

Фатима розовела от смущения и молчала. Она и так во многом изменила своей религии: вот так свободно разговаривает с мужчинами, держит при них свое лицо открытым. Покарает ее аллах за это. Хорошо еще, что никто из единоверцев не видит ее прегрешений. За все это ее еще можно простить. Но изменить вере своих отцов, перейти в православие?.. Нет, никогда! Лучше умерть.

Видя, что такой разговор не нравится турчанке, Гурьйка сердился:

— Не замай ты ее, дядь Ивашка! Это не так же все просто делается, как ты думаешь... Ты вот про мою мать рассказывал, как ее окрестили. Знаю я, как это было. Не окрестили насильно, а опосля этого она целый месяц как очумелая ходила, хотела наложить руки на себя. Потом-то, конешное дело, попривыкла. Так и Фатима. Не замай ее, дед. Нехай, как хочет. Вот присмотрится нашей жизни. Ежели по нраву станет, сама перейдет православие, а ежели не понравится, то приневолить не станем.

— Так-то оно хочь так,— согласился старик.— Но все же приятственнее было б, ежели б она окрестилась.

Фатима печально вздохала.

Войсковой атаман редко бывал дома. Всюду нужен был его глаз. Кроме военных дел, прибавились еще и административные по управлению городом. Поэтому Михаил Татаринов всеми днями и ночами просиживал со старшинами в становой избе.

Брата Матюху казаки избрали хорунжим, и он тоже редко приходил домой.

Вот так втроем: Гурейка, Фатима и старый воин, рубака дядя Ивашка, и проводили студеную зиму. Правда, была еще и четвертая обитательница замка — совсем обруслевшая, позабывшая свой язык и обычай старая невольница турчанки Зейнаб, прислуживавшая семье атамана. Но она не шла в счет. Она все время проводила на кухне, у теплой лежанки, беседуя с таким же старым, как и она сама, серым полуслепым котом.

По просьбе Гурейки дядя Ивашка перебрался жить в атаманский дворец. Тут в его распоряжение под жилье была отведена одна небольшая уютная комната.

* *

Чтобы отвлечь внимание турок от Азова, совет казачьих старшин решил произвести набег на некоторые прибрежные крымские и татарские городки и селения. К казачьему большому походу готовились скрытно и тщательно.

Но все-таки как ни скрытничали войсковые старшины, а казаки стали догадываться о том, что войсковой атаман Татаринов со своими старшинами что-то замышляют, и они потребовали, чтобы Татаринов собрал войсковой круг и рассказал обо всем начистоту.

— Негоже нас таиться! — орали они.

— Когда это было видано, чтоб атаманы наши таились своих казаков!

Посоветовавшись со старшинами, войсковой атаман решил созвать круг казачий.

Вначале, как и обычно постучав насекой, есаул Павел Пазухин открыл круг словами:

— Послухай, честная станица! Послухай, атаманы-молодцы и все Войско Донское! Атаман трухменку гнёт!

Выступив на середину круга, Татаринов смахнул с головы шапку и бросил ее к своим ногам.

— Атаманы-молодцы и всевеликое Войско Донское! — закричал он громко, поворачиваясь во все стороны, чтобы этим показать свое внимание ко всем собравшимся здесь.— Чую я, казаки, вольные удальцы, что заскучали вы, истомились без дела бранного... Как это говорится: скучен день до вечера, коли делать неч-

го. Так и вам. Покель турки да татары надумают приступом брать нашу крепость, так мы, должно, от беспрерывного сна одуреем, от меда распухнем...

— Ого-го-го! — раскатилось по кругу веселое гоготание.— Правильно сказанул, атаман, можем обоспаться...

— Пора столкнуться с врагами. Пора!

— Отомстим врагу за все обиды!

— Веди нас, атаман! Веди!

Татаринов минут пять молча смотрел на беснующихся, горланящих казаков, потом поднял булаву, призывая к тишине. И когда постепенно затих гул голосов, он снова заговорил:

— Я понимаю ваши думки, атаманы-молодцы! Понимаю. Я сам таких же мыслей, как и вы все. Надобно нам выехать на море погулять. Надо! И погуляем, браты! Погуляем!.. Покажем свою силушку, припомним врагам свои обиды... Не мочно нам того забыть... Разомнем свои костушки. Раз уж на то ваша воля, то будь по вашему, готовьтесь по весне плыть на сине море.

— Любо! Любо! — снова загорланили казаки, подбрасывая шапки вверх.

— Любо! Любо!

— Пойдем на море!

— Погоди, браты! — перекрикивая всех, сказал атаман.— Постой! Идти-то на море мы пойдем. Но на чем? Подумали ли вы об этом? Наши лодчонки, на коих мы сюда приплыли, когда крепость забирали, либо турки драми поразбивали, либо обветшали за это время, постали. Плыть за моря не на чем... На палочках-то верхом не поплыvешь. Надобны добрые посудины. А где их возьмешь? Где, я спрашиваю?

Казаки молчали.

— Вот молчите. А я, ваш атаман, да старшины должны придумывать, где взять лодки, на коих мы пошли бы море гулять. И мы придумали. Придумали, браты!..

— Любо! Любо!

— Погодите шуметь,— поднял булаву атаман.— Мы должны сами приготовить себе посудины, на коих мы пошли бы гулять на море.

— Подготовим! — раздались голоса. — Подготовим!

— Да,— сказал атаман. — Мы должны сами поделать себе струги. Сами! Лес есть. Были б ваша охота

да желание, атаманы-молодцы. А коль желание будет потрудиться, то будут у нас и струги, будет и все. Завтра утром все собирайтесь на стружемент. Зачнем бревна на доски распиливать, струги делать, днища смолить. Пошли нам бог помохи! — перекрестился Татаринов.

Все закрешились.

— Пошли, господи, помохи нам!.. Пошли!

Под ликующие крики: «Любо! Любо!» — казаки стали расходиться по домам, оживленно обсуждая решение круга.

А на следующий день еще далеко до рассвета пристань уже шумела от тысяч голосов. Со всего города с топорами, молотками и пилами сюда собрались казаки мастерить лодки.

Пришел атаман, пришли старшины, и работа зажигалась.

На сине море!

Шум и трудовые крики на берегу Дона не прекращались ни днем, ни ночью. Люди работали с небывалым подъемом. Дробно стучали топоры и молотки, визжали пилы. Одни очищали толстые стволы деревьев от коры, другие их распиливали на доски, третьи выстругивали. На берегу дымились огромные чаны со смолой.

Терпко пахло свежей сосновой и смолой.

Один за другим, как по волшебству, вырастали красавцы струги. Прежде чем спустить на воду, их конопатили, а потом смаочно засмаливали днища горячей смолой.

К началу апреля более двух сотен лодок, как братья-близнецы, выстроившись у берега, покачивались на легкой волне, готовые в путь далекий.

Ранним утром пятого апреля поп Варлаам на городском майдане отслужил молебен, благословил казаков на поход. С благоговейным вниманием прослушали казаки молебствие, преклонив головы в земном поклоне, прося у всевышнего хорошей удачи в походе, и пошли толпами на пристань рассаживаться по стругам.

Атаман Татаринов озабоченно бегал по стружементу, усаживая казаков в лодки. Тяжело переваливая свой живот, за ним вслед со списком ходил войсковой дьяк Пер-

гнанов. Он вызывал казаков по фамилиям. Все казаки были расписаны по определенным стругам, иначе никогда бы не усадить их. На одну лодку желающих оказалось бы полсотни человек, а на другую — два-три. А так, списку, были распределены все поровну, без обид и ареканий.

По официальному списку на гульбу в море отправлялись тысяча семьсот человек, но желающих набралось чуть ли не вдвое больше. Поэтому дело доходило до драк. Каждому, записанному в поход и не записанному, хотелось шмыгнуть в лодку. А поэтому войсковому атаману со старшинами приходилось строго следить за тем, чтобы вместо предназначенных в поход казаков не посадить было не предназначенных.

Казаки были вооружены по тому времени хорошо: них были фитильные ружья, кое у кого даже пищали, сабли турецкой и персидской выделки у каждого: тот казак, у кого нет сабли. У многих, кроме того, имелись бердыши, алебарды, копья или рогатины.

Одевались же в походы казаки в самое что ни на есть рванье.

— А зачем зазря надевать на себя добрую одежду? — говорили они.— А ежели убьют ай в полон заверут? Так что ж, сгибать одежде зря? А так, ежели живе и в добром здравии останемся, так мы худую одежду свою обменим на хорошую, добрую.

Так оно и было: кто возвращался живым и здоровым из набега, щеголял, бывало, в бархате, шелку да золоте.

* * *

Скоро Гурейке должно уже сравняться шестнадцать лет. За это время он вытянулся, повзрослел, на верхней губе появился темноватый пушок.

Как ни отговаривал его отец остаться дома, отдохнуть, окрепнуть после болезни, ничто не подействовало. Категорически парень заявил, что он не маленький, взрослый казак и потому наравне с другими пойдет поход на море.

Мог бы, конечно, атаман настоять на своем. На это он и атаман. Но не хотелось ему обижать парня.

— Ну, уж коли пойдешь в поход,— сдался отец,— то вместе с Матюхой. Он все же старший брат. Будет над тобой надзирать.

— Да ты что, батя! — возмутился Гурьян.— Махонький хлопчик я али что? Никаких нянек мне не надо... Ты меня посади в лодку вместях с дядей Ивашкой и Макаркой...

— Макарку тож не хотел бы брать на море,— сказал атаман.— Он еще не отдохнул от неволи.

— Нет, батя,— потребовал Гурьян.— Кого-нибудь не бери в поход, а Макарку возьми. Он храбрый парень.

Атаман пожал плечами и усмехнулся в бороду. Ничего не мог поделать он, все делал, как хотел младший сын. Слабость имел к нему атаман большую, любил.

Знал атаман Татаринов, что в походе на море много ждет неприятностей, много трудностей, схваток и битв, смерть будет подстерегать на каждом шагу. Но что поделать? Хоть и болит сердце за Гурейку, но надо, чтобы он через все прошел. Иначе какой же из него будет казак?

Старший сын Матюха уже все это испытал. Бывал он на море, бывал и в битвах кровопролитных. Стал цепким, хватким, бесстрашным парнем. Ему даже смерть не страшна. Он и ее за горло схватит. А вот Гурейко суждено все это еще только испытать.

Все шло хорошо. Но вот когда ранним утром пятого апреля, собираясь на пристань, Гурейка на мгновение остался в комнате один, к нему подошла Фатима.

— Гурэйка,— сказала она и зарыдала.

— Фатима, что с тобой? — удивился парень.— Скажи, кто тебя обидел?

— Меня никто не обижал,— покачала она головой,— никто.

— Ну, и что же ты плачешь?

— Я боюсь за тебя. Тебя убьют там... Убьют... Как же я тогда останусь? Ведь, кроме тебя, у меня никого родных нет... Не ходи на море, Гурэйка... Чую я, большо мы с тобой не увидимся. Не ходи!

— Да ты что, Фатима? В уме ли ты? — рассердился Гурьян.— Да казак я али нет? Да меня все засмеют, ежели я не пойду.

Сколько ни упрашивала его Фатима, он был непоколебим.

Как расплавленное серебро, искрится реска в сверкании нежаркого солнца. В светлом весеннем небе абунками мирно плывут облака, и сквозь прогалины их косыми полосами спадают на землю золотистые лучи.

Из какого-то налетевшего облачка сердито крапнули мелкий, как водяная пыль, дождичек и исчез. И после него воздух стал ароматным и чистым.

Все уже расселись в лодках и ждали сигнала атамана Татаринова, который стоял на носу атаманского струга, статный, плечистый, оглядывая казачью флотилию. Рядом с атаманом стоял кудрявый и заросший широкой черной бородой гигант Иван Каторжный и помощник атамана, белобрысый, с козлиной бородкой, первый храбрец в войске Осип Петров, а чуть поодаль — и его брат Потап Петров.

Оглянув еще раз быстрым взглядом казачьи лодки, убедившись, что все ждут его сигнала, Татаринов махнул рукой.

— Отча-али-ивай! — закричал он.— С богом, браты!..

Казаки на лодках закрестились:

— Дай бог удачи!

Атаманский струг, покачиваясь, как лебедь, медленно поплыл по течению. Отталкиваясь веслами от берега, лед за ним потянулись и остальные лодки.

Ой да не на море, не на море, не на синем море,—

издались голоса с переднего струга.

«Э-го-го-го-го!» — загоготало эхо по берегам, далеко разносясь по плавням, густо заросшим бурьями камышами.

На задних стругах подхватили:

Не сизы орлы собирались, да вот крыльями они обнимались...

Огромная толпа казаков, женщин, ребятишек стояла на пристани, размахивала шапками, платками, кричала:

— Счастливого пути-и!

— Доброй вам до-обычи!

— Благополучного возвращения!..

Сидя с Макаркой за веслами, Гурейка поглядывал на Атаманский дворец. Ему чудилась в окне замка хрупкая, щечальная и осиротелая фигурка Фатимы.

Он в последний раз взглянул на заплывавший синей мглой дворец, и ему показалось, что в окне мелькнул белый платок.

— Прощай, Фатима! — прошептал Гурейка и почувствовал, как какой-то ком подкатил к горлу.

* * *

Было тихо, покойно. Море ласковое, приветливое. Казачья флотилия из стругов и множества мелких лодочников за несколько дней прошла Азовское море. В Керченском проливе запаслись водой и, минуя Крым, направились наугад к берегам Анатолии.

Гурейка находился в восторженном состоянии. То, что открывалось его взору, казалось ему сказочным сном.

— Макарка,— толкал он своего друга локтем,— глянь-ка. Душа замирает. Ух, как хорошо!

Но Макарка был сдержан. Он ни перед чем не выказывал своего восторга, ничему не удивлялся. Словно все, что перед ним сейчас открывалось, он видел давно и ему все это успело надоест.

Лишь однажды он проявил некий интерес, когда вокруг их лодки начало резвиться стадо дельфинов.

— Вот, Гурьяшка, обратал бы такого,— засмеялся он,— да поездил на нем верхом по морю.

Гурьян наравне со всеми выполнял матросские обязанности, сменялся на веслах, дежурил, когда другие спали, научился управлять парусом.

Погода все время благоприятствовала казакам. Ни одного порыва ветра, ни единого облачка не омрачало спокойного, чистого неба. Золотистые, веселые дни улыбались донцам.

Но вот и Анатолия. На горизонте замаячила тоненькая серая полоска вражеского берега.

Налет казаков был внезапен, как вихрь. Малочисленные гарнизоны почти не сопротивлялись... Надевав переполоха в далеком тылу врага, казаки, довольные легкой победой, возвращались в Азов.

* * *

Занятый осадой Багдада, турецкий султан Мурад IV, услышав о набеге казаков, приказал начальнику флота Пела-паше срочно снарядить погоню за казаками.

Турецкий флот славился на весь мир своей стремительностью и быстротой.

Несколько кораблей, распустив паруса, бросились в погоню за дерзкими казаками, упльвающими на своих медлительных лодочках домой.

Казаки заметили погоню только тогда, когда турецкие корабли, как нахохлившиеся хищники, с распущенными парусами настигали их у Керченского пролива.

Казаки налегли на весла. Но было поздно. Вражеские корабли, словно стервятники, нагоняя казачьи лодки, таранили их своими длинными носами, опрокидывали,пускали ко дну. Как гром, гремели пушки, осыпая казаков ядрами и картечью...

* * *

Плотно сжав побелевшие губы, Гурьян изо всех сил налегал на весло, загребая и косо поглядывая на море. А на море сейчас происходило что-то невероятное. Грохотали орудия, выплевывая из жерла ядра. Они шлепались по воде, взметывая вокруг себя фонтаны огня и воды. Разъяренными хищными птицами метались вражеские корабли, гоняясь и топя казачьи лодки.

Гурейка видел, как беспомощно баражтались казаки воде. Турки с кораблей пристреливали их...

У парня сжалось сердце от боли. Но что он мог поделать? Его судьба была не лучше других.

Блуждающим взглядом обводил Гурьян море, казачьи лодки, разыскивая брата и отца. Но их нигде не было видно.

Впрочем, вот, кажется, атаманский струг. Да, это он. А вот и отец стоит на носу. Струг, как стрела, летит к далекому берегу.

«Может, уйдут?» — гадает Гурейка.

За стругом, распустив паруса, как злой крылатый коршун, мчался линейный вражеский корабль.

Не сбиваясь с ритма, в такт с другими гребцами, сильно загребает веслом Гурейка, а сам никак не может оторваться от атаманского струга... Вот все ближе и ближе настигает его враг. Вот-вот, кажется, он таранит его. Но струг все мчится и мчится по волнам, ускользая от гибли.

Как завороженный, смотрит на эту захватывающую своим драматизмом картину Гурейка. И, хотя смерть размахивает своими крыльями над стругом, парень видит, как отец его как ни в чем не бывало, гордо и величаво стоит на носу своего струга...

— Молодец, батя! — сквозь слезы восторженно шепчет Гурейка.— Молодец!

Он горд мужественной выдержанкой своего отца.

Вдруг Гурейка содрогнулся и отвернулся. Он видел, как турецкий корабль навалился всей своей махиной на струг...

— Эх! — вздохнул дядя Ивашка.— Царствие небесное рабу божьему Михаилу...

У Гурейки по щекам поползли слезинки.

Исчезновение Фатимы

Поход казаков оказался неудачным. Только половина участников возвратилась из него. Остальные погибли. Не уцелел и сам войсковой атаман Татаринов, утонул в пучине морской. Утонул и его старший сын Матвей. Погибли старшины Иван Каторжный, Потап Петров и многие другие.

Гурейка, хоть и крепился, не подавал виду, что ему тяжело, но нет-нет он смахивал с загорелых своих щек предательски ползущие слезинки. Друзья его, Макарка и дядя Ивашка, не утешали его. Разве можно словами утешить горе?

А когда Гурейка прибыл в Азов, новое горе ждало его в доме — исчезла Фатима.

Гурейка и так был весь переполнен горем, а тут еще это.

— Расскажи, Зейнаб, как же она пропала? — с болью выдавил он, устало садясь на скамью.

Старуха сбивчиво стала рассказывать о том, как с вечера Фатима улеглась спать в своей светелке, а на другой день утром, когда прислужница вошла к ней в комнату, то постель девушки оказалась пустой. Сколько ни искала ее старая турчанка, не могла разыскать. Фатима исчезла бесследно.

Тяжело вздохнул парень, повалился на кровать, да так неподвижно и пролежал весь день.

На войсковом кругу казаки выбрали себе нового войскового и походного атамана. Теперь атаманом стал мужественный, справедливый казак Осип Петров.

По решению казачьего круга новый атаман должен был переселиться жить в атаманский дворец. Хоть и не особенно хотелось атаману переходить на житье туда, но пришлось подчиниться постановлению круга. Он перешел со своей семьей во дворец, а свой домик на окраине города отдал Гурейке и дяде Ивашке.

После несчастливого похода на море, который унес столько жизней, казаки стали более осторожны. Хотя они и выходили по-прежнему на стругах в море, но во время набегов на вражеские города и селения были предусмотрительны, бдительны.

Теперь в городе уже не стало былое бесшабашного разгула и веселья, народ притих, приуныл. Да и казаков-то совсем стало мало, некому гулять...

А тут, в довершение всего, разнесся слух, что будто к Азову надвигается несметное количество турецких полчищ, а по пути к ним присоединяются многочисленные татарские, черкесские и ногайские отряды. В то же время к Азову будто и крымский хан двинул свои войска.

Вот тут-то уж началась в городе настоящая паника, смятение. Устрашась подобных слухов, все купцы — русские и иноземные,— как спугнутые мухи, мгновенно разлетелись во все стороны.

И сразу же запустел, захирел город. Стал ощущаться недостаток хлеба и другого провианта.

А когда атаман проверил, то оказалось, что мало осталось и пороху-свинца. Если в самом деле слух оправдается и подойдут к крепости турки, то и обороняться будет нечем.

Но атаман был энергичный человек, он не предавался унынию, а деятельно стал готовиться к обороне. На Русь он послал казаков покупать порох и свинец. На Цкое же поле, по казачьим городкам, разослав гонцов с призывом к казакам, чтоб шли на выручку Азова.

И это дало результаты. Перед тем как подошла неприятельская армия к стенам Азова, казаки сумели застаситься порохом и продовольствием и много казаков пришло с Дона на призыв атамана.

Гурьяна, как грамотея, атаман забрал к себе в становую избу. Там он, как и прежде, помогал войсковому дьяку составлять разного рода списки да грамоты. А при случае, когда в этом была необходимость, выполнял обязанности толмача, когда атаману приходилось чинить допрос захваченным в плен турецким и татарским лазутчикам.

Теперь Гурьяна не узнать. С каждым днем он взрослел, раздавался в плечах, становился красавцем казаком.

Многие девушки, находившиеся в крепости, глаз с него не спускали, дарили ему улыбки. Да только он-то не замечал ни этих взглядов девичьих, ни улыбок. А может, и замечал, да делал вид, что не замечает. Он страшно тосковал по Фатиме. Теперь-то он уже знал отлично, что любил ее и без нее жить ему было невмоготу.

Заметно постаревший за последнее время дядя Ивашка теперь все больше оставался дома. Днями сидел он на завалинке, грязясь на солнце и играя на дудке. Старая турчанка Зейнаб, возясь у очага, подпевала ему.

Старик понимал состояние своего молодого друга. Но чем он мог помочь ему?

Гурьян никак не мог понять, куда девалась Фатима. Уйти из крепости она не могла: у ворот всегда находилась стража.

«Может, она утопилась? — думал юноша.— Но к чему же ей топиться? Причин будто к этому не было».

Частенько выезжая в рекогносцировку с казаками в окрестности города, Гурейка тщательно все осматривал вокруг, надеясь найти след исчезнувшей Фатимы... Но все было напрасно.

А все произошло просто...

У войскового атамана Татаринова Фатиме была предоставлена полная свобода. Она делала все, что в голову приходило. Жила она в семье как равная.

И после ухода атамана с сыновьями никто не ущемлял ее прав. Фатима могла ходить по городу, куда хотела. Но она не выходила из дома. Она скучала без Гурейки, так тосковала, что жизнь не мила была. Хотя Гурьян ее и обидел при расставании, но она не могла

долго носить обиду в своем сердце. Ведь он так для нее многое сделал, так нежен и ласков с ней был...

Какой пустой и бесцельной кажется ее жизнь без него. Скучная, равнодушная ко всему, бродила Фатима по пустым комнатам дворца, не зная, чем себя занять.

Однажды прислужница Зейнаб сказала ей таинственно:

— Слыхала я, Фатима, будто наши всех казаков перетопили в море.

Девушка побледнела.

— Кто тебе сказал, Зейнаб?

Старуха смущенно хихикнула:

— Ветер шепнул мне.

— Правду скажи.

Видя, что это известие Фатима принимает близко к сердцу, старая турчанка отмахнулась:

— Да так я это... Подумала лишь об этом...

Так в этот раз Фатима и не придала значения страшному слуху. А слух о жестоком разгроме казаков на море все больше разносился по городу.

Время шло. Скоро уже должны вернуться и казаки похода. Скоро должен появиться и Гурейка.

Фатима надумала к его приезду приготовить какой-нибудь подарок. Она видела на некоторых молодых казаках искусно расшитые узорами холстинные рубахи. Почему бы ей не расшить Гурейке такую рубаху? Вышивать она умеет красиво.

Деньги ей оставил на расходы атаман. Она сумеет сэкономить, чтобы купить на базаре холстины и цветные нитки для вышивки...

Базар находился в центре города, близ городского майдана. Место это оживленное, шумное. Народу здесь всегда уйма.

Накинув на лицо кисейный шарф, Фатима пошла на базар. Ее ошеломили хлынувшие ей навстречу шумы рынка.

Взд-вперед по базару толкался народ. Протискиваясь сквозь густую толпу, сновали казаки в цветных зипах, увешанные оружием, казачки в ярких нарядах, ширные калмыки в одеждах из жеребячьей шкуры, ногайцы в полосатых халатах. Мелькали длинноусые запорожцы в своих высоких бараньих папахах с цветными шлыками.

Приглядываясь к товарам, важно расхаживали фрязины, венецианские, греческие и персидские купцы. Между рядов метались вездесущие белоголовые казачата.

Толпы ходили от ларя к ларю, от лавки к лавке, с радостным изумлением разглядывая невиданные, соблазнительные вещи, красочно пестревшие на прилавках купцов.

И чего только не было на этих прилавках! Что только не ласкало глаз степного человека! Тут и, радугой отсвечивая, переливались шелка. Тут и сверкающая серебром парча. Огненной россыпью отсвечивали на солнце яхонты, жемчуг, бисер, яшма. Женщины не могли оторвать завистливых взглядов от разных серебряных и золотых украшений, развешанных над прилавками.

Ворохами лежали разных цветов сафьяновые сапоги и женские чирики, расшитые чудесными азиатскими узорами. Кути восточных сладостей, сухих варений. Горы бочонков с фряжскими винами и водками.

Вправо от ларей и лавок, у врытых столбов, бойко и оживленно проходила торговля ясырю. Десятка два невольников-татар и чеченцев — мужчин и женщин, прикованных к столбам, печально понурив голову, сидело на корточках, ожидая своей участи.

— А ну, налетай! — весело кричал конопатый, небольшого роста казачок.— Деньги вынимай, товар принимай!.. Дешево продается, даром дается...

Персидские и крымские купцы, хозяева галер, стоявших на пристани у причала, не спеша расхаживали вокруг ясыри, внимательно осматривали, ощупывали рабов.

Из харчевни неслись взрывы хохота разгулявшихся казаков. Там под смех толпы пьяный цыган боролся с не менее пьяным медведем.

Под тенью мохнатой вербы, сидя на земле и вызывая на цимбалах, тонкоголосо выводили слепцы:

Не пыль пылит, не туман встает,
То из града Азова, из тяжелой неволи,
Три родных брата бегут-убегают...

Выбрав хорошую, беленую холстину на рубаху Гурейке, Фатима ходила по ларям, подбирала цветные нитки для вышивки. Но таких ниток, какие ей требова-

лись, девушке не попадалось. Толчась в толпе по базару, Фатима вдруг увидела двух мусульман в белых чалмах. В облике одного из них — полнотелом, круглоликом, с пышной крашеной бородой — ей показалось что-то знакомое.

«Да это ж Коземрат Улак-ага!» — обрадовалась Фатима, узнав в мусульманине крымского сановника, прибывавшего в Азов в качестве посла крымского хана. Она видела его во дворце своего отца.

Девушка растерялась, не зная, что делать: окликнуть его или промолчать? Нет, надо окликнуть: Фатима так рада знакомому человеку.

— Да благословит тебя аллах, Коземрат Улак-ага,— сказала она по-турецки, дернув его за рукав.

Татарин остановился в изумлении.

— Кто ты, дочь моя? — спросил он.— Почему знаешь меня?

— Я тебя видела во дворце отца, ага. Я дочь паши — губернатора Азова...

Толстый татарин в еще большем изумлении хлопнул себя руками по бедрам.

— Постой!.. Постой, дочь моя... Ты дочь Какудана-паши, азовского губернатора?

— Да, ага, я его дочь.

— Да простит аллах мои прегрешения,— взглянул крымчак на сияющее небо.— Ничего не пойму,— развел он руками.— Но как же ты попала сюда?

Фатима коротко рассказала ему обо всем, что случилось с ней и с ее семьей в Азове.

— Велик аллах,— покачал головой татарин, выслушав ее.— Ты вечно должна молиться аллаху за свое спасение. Почему же твой спаситель не потребует у султана выкуп за тебя?.. Султан обязательно выкупил бы тебя. Может быть, твой спаситель взял тебя в жены? Тогда понятно его бескорыстие.

Фатима, покраснев, покачала головой:

— Нет. Он не хочет меня в жены брать... Он еще молод. Ему и семнадцати лет нет.

— А где твой покровитель? — поспешил спросил татарин. В его голове уже созрел какой-то план.

— Он ушел с казаками в поход на сине море.

— Слыхал я об этом. Где ты живешь, дочь моя?

— Во дворце.

— У атамана?

— Да.
— Как невольница?
— Нет, скорее как его приемная дочь.
— У тебя есть стражи? Следят за тобой?
— Нет. Я свободна. Что хочу, то и делаю.
— Странно, — пожал плечами крымчак. — Казаки — варвары... Они грубы и невежественны... Жестокие люди.

Фатима не стала с ним спорить. Зачем ему доказывать противоположное? Коземрат Улак-ага все равно ей не поверит.

Хитрый татарин мгновение, приложив палец к выпуклому лбу, раздумывал. Соблазнительный план его созревал все больше. Ведь если увезти отсюда дочь самого азовского паша, вырвать ее из рук свирепых казаков, то ведь тогда, пожалуй, во дворце крымского хана его чуть ли не на руках будут носить. Во всяком случае, выгода от этого огромная будет. Да еще султан турецкий узнает об этом, милость окажет ему свою.

— Вот что, дочь моя, — виляя глазами, зашептал он на ухо Фатиме. — Тебе непременно надо скорее уходить отсюда. Непременно. Иначе ты погибнешь. Я приехал в Азов к Войску Донскому послом от крымского хана с предложением, чтобы казаки сдали крепость нам по-мирному... Но атамана Татаринова нет в городе. Мне сказали, что он поехал на Дон. Но это неправда. Он повел казаков в набеги на турецкие города. Да плохо им пришлось. Побили да потопили их всех турки. Погибли там и атаман и все его казаки...

— Все? — в ужасе вскрикнула Фатима.

Коземрат внимательно посмотрел на нее и понимающе переглянулся со своим спутником. Ему все стало понятно: девушка была влюблена в своего покровителя — молодого казака.

— Да, все, — опустив глаза, кивнул он. — Никто живых не остался.

— Это правда? — с мольбой взглянула она на него.

— Это правда, дочь моя.

Слышал ли что о разгроме казаков татарин или нет, но он сумел убедить Фатиму уехать с ним в Крым.

— А к тому же, — говорил он ей, — я достоверно знаю, что турки идут сюда с огромной армией. Они осаждают крепость. Всех здесь побьют, камня на камне не останется.

оставят... Я хотел упредить казаков, чтобы по-доброму сдали нам крепость. Но не удалось. Пусть пеняют сами на себя...

Тут же, на базаре, Коземрат уговорился обо всем с Фатимой.

Вечером того же дня Фатима, как и всегда пожелав покойной ночи прислужнице Зейнаб, улеглась спать.

В полночь в окошко постучали. Девушка приоткрыла его и вскочила на подоконник. Сильные мужские руки подхватили ее и унесли.

На причале ее ждала готовая к отплытию галера.

Парламентеры

Покорив Багдад, султан Турции Мурад IV заключил мир с Персией на долгие годы.

На радостях, что одержал победу над злейшим своим врагом, он закатил роскошный пир, на который была приглашена вся знать Турции. От чрезмерного употребления алкоголя на этом пиру султан скоропостижно скончался.

Остро возник вопрос о престолонаследии. У умершего султана детей не было. Братьев же он своих умертвил, кроме одного — психически больного Ибрагима, которого из-за его слабоумия пожалел и пощадил. Но султан посадил его на всю жизнь в мрачную темницу.

Великий визирь Мухаммед-паша и престарелая султанша, мать Ибрагима, освободили слабоумного принца из заключения и посадили его на престол.

Возвели они его на престол, конечно, для виду. Всеми же делами страны правили они, старая султанша, а главным образом, великий визирь.

Турция в то время находилась в затруднительном политическом положении. Австрия, Польша и Россия предъявляли Турции ряд требований, которых та не могла выполнить. Венеция же открыто угрожала войной. Несколько была и только что побежденная Мурадом IV долголетней кровопролитной войне Персия. Вызывающее вел себя и находившийся под властью Турции крымский хан.

В такое тяжелое для Турции время казаки в Азове были как бельмо на глазу.

Умный визирь Мухаммед-паша, для того чтобы повысить престиж Турции в глазах других держав и произвести должное впечатление на жаждущих с ней ссоры Австрию, Польшу и Персию, а главным образом, приостановить Россию в ее желании расширить границы, решил начать подготовку к походу своих войск на Азов.

Намерений визиря не приостановили даже мрачные предзнаменования. Например, во время большого пожара в Царьграде визирь, спасая свои богатства, опалил себе бороду и пожег руки. И почти одновременно с этим бедственным событием в Тавриде произошло сильное землетрясение, во время которого полоумного султана Ибрагима, находившегося в это время в городе, от страха разбил паралич.

Визирь не был суеверным человеком, и все эти дурные приметы не повлияли на его решение.

Весной 1641 года турецкие войска, набранные из разных народов, подвластных Турции, направились к Азову.

Армия двинулась грозная, мощная.

В составе ее было шесть тысяч венецианских моряков, сотни немцев, опытных мастеров подкопных и подрывных дел, много шведских, греческих и французских планщиков¹.

Не считая рабочих и землекопов, набранных в Молдавии и Валахии, турецкие войска насчитывали более ста тысяч солдат, в том числе 20 тысяч отборных янычар, более 20 тысяч спагов², 10 тысяч крымских татар, 10 тысяч черкесов и т. д.

Одних лишь проломных больших пушек, ядра от которых весили полтора и два пуда, везли к Азову сто тридцать штук, да мортир зажигательных более сорока. А что касается небольших пушек, стреляющих мелкими снарядами, их насчитывалось до тысячи.

Вот такая сухопутная армия двигалась к Азову.

Да морем еще шло на Азов под командованием храброго, опытного флотоводца Пела-паши сорок пять воен-

¹ Планищики — инженеры.

² Спаги — кавалеристы.

ных галер и множество мелких судов, нагруженных до отказа войсками.

В начале июня турецкие корабли высадили десант на берег верстах в десяти от устья Дона и сорока верстах от Азова, начали выгружать осадную артиллерию, снаряды и другие военные припасы.

А потом подошли и войска, идущие сухим путем. Сединившись, все вместе стали окружать крепость.

Казаки молчаливо наблюдали с крепостных стен за продвижением неприятельских войск и не принимали мер к задержанию их.

В распоряжении войскового атамана Осипа Петрова имелось до шести тысяч казаков да восемьсот казачек, заявивших, что они будут оборонять крепость вместе со своими мужьями и отцами.

Вражеская армия обступила крепость густым кольцом. Теперь в Азов и из него нельзя было ни пройти, ни проехать.

На другой день, после того как вражеские войска со всех сторон обложили крепость, к городским воротам подошли турецкие парламентеры с белым флагом.

Боясь подвоха, казаки им ворот не открыли, а спустили с крепостной стены лестницу. По ней парламентеры и взобрались в крепость.

Чин чином, как это и полагалось по обычаю, казаки оказали парламентерам должный прием. Пригласили их в становую избу, усадили на скамью к одной стене, а сам атаман Петров с войсковыми старшинами сел на скамью у противоположной стены. К той именно стене, в переднем углу которой перед потемневшими образами спасителя Иоанна-Крестителя и Николая-чудотворца слабо мерцала граненая лампада.

Два толмача — один турецкий, небольшого роста, остроглазый, с небольшой бородкой, в чалме, а другой казачий, Гурьян Татаринов,— сели рядом за стол между стариками.

Со скамьи, загремев саблей, поднялся Осип Петров.

— Гутарьте, почтенные, с каким делом пожаловали к нам? — спросил он, глядя с достоинством на сидевших парламентеров.— Я атаман Войска Донского Осип Петров. А это войсковые старшины,— махнул он рукой на сидевших рядом с ним казаков.

Гурьян перевел по-турецки все, что сказал атаман.

Со скамьи поднялся огромного роста, со свирепо сверкающими черными глазами, краснолицый турок в чалме и кольчуге.

— Я Мухаммед-ага,— ткнув себя пальцем в грудь, сказал он сипло,— начальник янычарского войска. Я представляю самого сераскира. А это Курт-ага,— указал гигант на тщедушного старика в феске.— Он представитель канатун-паши. А это,— ткнув пальцем в мрачно наступившегося татарина,— начальник янычар — Чеком-ага, представитель крымского хана.

Мухаммед-ага переждал, пока перевел на русский язык его слова турецкий толмач, а потом продолжал заносчиво:

— Знайте, атаман и войсковые старшины, войска нашего подошло к Азову много. Очень много!.. И еще подойдут. Мы не уйдем отсюда до тех пор, пока не возьмем крепость, пока не уничтожим вас всех до единого. Смерть вам будет неминуема. Помощи вам ждать неоткуда. Русский царь отказался от вас. Помогать он вам не будет. Он не хочет ссориться с нашим султаном... Если вы сдадите нам крепость по-доброму, то наш великий сераскир повелел объявить вам, что тогда он выдаст вам двенадцать тысяч червонных сейчас же, а по выходе из крепости пожалует еще тридцать тысяч. Вот и подумайте теперь над моими словами.

Атаман Петров задумался, ущипнул бороду.

Спасибо, кумушка, на бражке, а с похмелья головушка болит,— буркнул он, усмехаясь.— Гурьян,— сказал он громко,— скажи послам турским, что с бухты-бахромы мы этого вопроса решить не можем... Вот ужо выйду я отсель со старшинами, обсоветуем слова начальника янычарского, а потом и ответ свой обскажем ему... Нехай, коли посидят турчане, подождут нашего ответа... А ты тоже посиди с ними.

Атаман и старшины вышли из комнаты. Турецкие парламентеры о чем-то шумно заспорили между собой. Воспользовавшись этим, турецкий толмач шепнул Гурейке:

— Не бойсь меня, парень. Я, брат, родом-то сам русский. Зовут меня Дроном, а сейчас-то само собой Мустафа. В неволе у турчан долго был... Потом,— виновато сказал он,— по немощи своей в их веру перешел... Не вини, парень, не стерпел тяжелой неволи...

А зараз?

— Да сейчас-то, как перешел в их веру, свободнее стало. Но как ни хорошо на чужбине, а краше родины ничего нет на свете. Тоскую по родному kraю...

— Чего ж не бежишь? Вот и оставайся у нас.

— Э, брат, «оставайся»! — сказал печально толмач.— И рад бы остаться, да грехи непускают, ведь у меня в Царьграде жена, детишки... Жалко... Да не будем о том говорить,— отмахнулся толмач.— Дело сейчас не в этом... Ты мне скажи, парень, не знал ли ты атамана Татаринова сына младшего, Гурьяна, а?

Гурейка вздрогнул от неожиданности и пристально посмотрел на толмача: не смеется ли тот над ним? Но, кажется, толмач не шутит, лицо у него серьезное.

— Гурьян — это я.

— Да ты что? — изумился толмач.— Правду ли ты говоришь? Ведь, как мне ведомо, Гурян тот сгib на море?

— Нет, я живой остался. А чего ты пытаешь меня?

— Вот дела так дела,— покачал головой толмач.— Сам аллах не разберется. Помнишь ли ты Фатиму?

Гурьян живо повернулся к толмачу. Этот толмач, как колдун, все знает.

— Где она, скажи?

Толмач усмехнулся. Покосившись на все еще споривших парламентеров, он прошептал:

— Она ж совсем близко от тебя... Под стенами Азова Фатима, при свите сераскира. Из-за тебя, верно, и приехала сюда. Извелась по тебе она... Вот скажу теперь ей о тебе — обрадуется.

Гурьян затрепетал от счастья. Он хотел сказать что-то толмачу, но разговор их был прерван приходом атамана Петрова и старшин.

Атаман, выйдя на середину комнаты, сказал Гурейке:

— Ну, парень, переведи наш ответ. Обсудили мы, господа послы, ваше предложение о сдаче вам крепости Азова, и наказали мие наши старшины обсказать такой ответ: сами мы по своей воле забрали у вас Азов, сами же его и отстаивать будем. Вы гутарите, что наш-де русский царь не поможет, мол, нам. Ну что ж, на то его воля. Кроме помощи всевышнего бога, мы ни от кого помощи не ожидаем и не просим. Прельщений же ваших слушать не желаем. Хочь мы и не пашем и не сеем, но ак же, подобно птицам небесным, сыты бываем. Ни златом, ни серебром своим не прельщайте нас. Ежели доб-

ром не уйдете от Азова-града, то будем люто драться с вами до последнего нашего издоха. Все головы свой положим, но крепость по-доброму не сдадим. Вот вам, послы, наш ответ. Так и обскажите его своему сераскиру и хану крымскому.

Гурейка подробно и точно пересказал ответ атамана турецким парламентерам.

Те молча поднялись со скамьи и так же молча, с достоинством направились к двери.

Уходя последним из становой избы вслед за парламентерами, турецкий толмач оглянулся на Гурьяна, лукаво подмигнул ему, словно бы говоря этим: не беспокойся, все будет в порядке.

Во вражеском лагере

Началась осада крепости. И, несмотря на грозную опасность, возникшую над городом, Гурьян был радостен. Он знал теперь, что Фатима жива, здоровая и думает о нем, а главное, находится совсем близко.

Встретившись как-то с Гурьяном, Макарка удивился, увидя его сияющее лицо.

— Ты что, Гурьян, не кошель ли с золотыми червонцами нашел?

— Эх, Макарка! — весело хлопнул его по спине рукой Гурьян.— Нашел, парень, еще похлеще золота.

— Ну? Что же это может быть дороже золота?

— Фатиму, брат.

— Фатиму? Здорово. Где же ты ее нашел?

Гурейка рассказал другу, что узнал о Фатиме от турецкого толмача.

— Фьюты! — насмешливо свистнул Макарка.— Я думал, она уже тут, в городе.

— Ничего,— сказал уверенно Гурьян.— Не я буду, ежели я ее не вызволю оттель...

— Хвастаешь,— подзадорил Макарка.

— Вот истинный господь, не хвастаю,— поклялся Гурьян.— Тогда поглядишь.

— Ну ладно ж, посмотрим. Приведешь свою Фатиму, моей женке будет веселее.

— Ну, как она, твоя женка-то? — спросил Гурьян.—

Ничего, пообвыкла?

— Ох же, и любанюшка! — восхищенно заулыбался Макарка.— Хорошая, ласковая, дюже любит меня.

— А по Туретчине не скучает?

— Нет,— сказал хвастливо Макарка.— Я ей заменил и родину и отца с матерью.

Гурьян всерьез затаил в себе мысль пробраться во вражеский стан, разыскать там Фатиму и увести ее с собой в крепость. Он думал, что сделать это не так уж и трудно: сам он полутурок, турецкий язык знал как свой родной. Стоит лишь ему пробраться в лагерь к врагам, а там все пойдет как по маслу. Теперь Гурьян осознал, как дорога ему была Фатима, как он ее сильно любил. За нее он готов и в огонь и в воду.

* * *

Сераскир Гусейн-паша, хотя и был опытным и умным стратегом, но у него был один недостаток. Слишком он был самонадеян, и эта-то самонадеянность иногда подводила его.

Будучи совершенно уверенным в том, что казаков легко одолеть, если только на них как следует пажать, он ранним утром 25 июня во главе тридцатысячного отборного войска сам храбро бросился на приступ крепости.

Но казаки стойко выдержали приступ. С крепостных стен на голову врага посыпались камни, полились горячая смола, кипяток. Тысячи свинцовых пуль и картечнивали с ног турецких солдат.

Вражеские войска отхлынули от Азова, оставив у стен крепости тысячи трупов и тяжелораненых.

В тот же день сераскир послал к казакам снова парламентера с толмачом для переговоров о перемирии на два дня, чтобы унести с поля битвы раненых и предать погребению убитых.

Казаки согласились на перемирие при условии, если сераскир уплатит казакам за каждого раненого и убитого, унесенного с поля боя, по червонцу.

Пока шли эти переговоры, старый знакомый, турецкий толмач, улучив момент, шепнул Гурьяну:

— Фатима знает о тебе. Я сказал ей. Ты вдохнул в нее жизнь, она расцвела, как роза...

У Гурейки от этих слов сладостно закружилась голова.

Больше ему с турецким толмачом не удалось переброситься словом. Только издали Гурьян прижал руку к сердцу, показывая этим толмачу турецкому, что слова его проникли ему глубоко в душу.

За перенесение тяжелораненых турецких солдат с поля брани и за погребние убитых Гусейн-паше пришлось уплатить казакам более шести тысяч червонцев.

Теперь сераскир был более осторожен. Он решил извести казаков длительной осадой. Вокруг крепости молдаване и валахи стали насыпать огромный вал, выше крепостных стен. На нем турки намеревались расставить пушки и обстреливать с него крепость по видимой цели.

Глядя на сооружение этого вала, атаман Петров понимал отлично, какой вред и большой ущерб казакам принесет этот вал, когда с него начнут палить пушки.

Надо во что бы то ни стало воспрепятствовать возведению этого вала.

Собрав почти все имевшиеся в крепости наличные силы, числом до пяти тысяч человек, атаман Петров произвел ночью отчаянную вылазку.

Часть казаков бросилась на ничего не подозревавших, спавших турок, а другая — с лопатами ринулась к сооружаемому валу. Пока первые казаки дрались на биваке с турками, другие раскидывали лопатами вал, а в некоторых местах даже подорвали его порохом, отнятым у турок же в этом бою.

Урон врагу был нанесен значительный: много побито солдат, много уведено в плен и весь сооруженный вал был приведен в негодность.

Но турки не пали духом. Через несколько дней после нападения казаков они, несколько отступя от первого вала, начали сооружать второй, более высокий и мощный. Насыпав вал, они установили на нем более ста больших пушек и начали тяжелыми ядрами засыпать крепость.

Казакам стало тяжко. Турки расстреливали с валов видимую цель. Полуторапудовые и двухпудовые ядра, разрываясь в городе, приносили огромные разрушения

и смерть защитникам. Нельзя было головы высунуть из укрытия.

Атаман Петров ясно себе представлял, что это только начало. А что будет дальше? Дальше будет все хуже и труднее. Чего особенно боялся войсковой атаман, так это подкопов под крепостные стены. Если турки начнут проводить подкопы и подорвут стены, то вряд ли выстоят тогда казаки. Силы врага огромные, в десятки раз больше казачьих. Подорвав в крепостных стенах проломы, они полезут в них, не считаясь ни с какими потерями, ворвутся в крепость, подавят своей многочисленностью казаков.

Надо что-то предпринимать. А что именно предпримешь?

И однажды, наблюдая с крепостной стены за вражеским лагерем, Петров заметил именно то, чего он так особенно боялся. Сердце его беспокойно забилось. Турки направлялись куда-то с лопатами.

«Подкопы роют,— подумал он.— Не иначе как подкапывают под крепость... Надо прознать, где они подрывают, чтобы упредить».

Но как узнать? Шпионов ведь во вражеском стане нет своих.

Атаман начал раздумывать: «Эх, послать бы кого-нибудь из своих к туркам. Они бы там разведали все. Мы тогда бы подорвали их подкопы, и их затея бы провалилась».

Среди казаков было немало выходцев из татар и турок. Они доказали свою преданность казачьему делу, но положиться на них все-таки нельзя: могут изменить и предать. А тогда полный провал, гибель.

К атаману подошел Гурьян.

— Атаман,— сказал он,— гляжу я на турок и думаю, что они что-то замышляют. Глянь, с лопатами пошли...

— Подкопы под крепость ведут,— огорченно сказал Петров.— Не иначе как... Плохо нам придется.

— Надо бы упредить,— сказал Гурьян.— Подорвать их подкопы.

— Правильно,— мотнул бородой атаман.— Толково сказал. Но как узнать, где они подкапывают, чтоб им навстречу прорыть бы подкопы да подорвать их, а?.. Кто бы о том сказал?

— Пошли меня, атаман, к турчанам,— пылко сказал Гурьян.— Я у них обо всем разведаю.

— О! — оживился Петров.— Правду кажешь, тебе послать бы, а? Более нет никого подходящего. Ты ж сам что турчанин, и мать у тебя туркеня. Никто в тебе не опознает русского. Послужи, Гурьянка, нашему делу. Может быть, ты выведаешь все, что нам нужно, и благополучно возврнешься в крепость... Уласешь всех нас от беды... А ежели, к тому...— запнулся атаман.

— Убьют? — мрачно усмехнулся Гурян.— Так я смерти не боюсь.

— Все может быть,— сказал Петров.— Память о тебе в Войске Донском останется тогда большая.

Атаман подробно рассказал юноше, что требовалось от него, если он попадет во вражеский лагерь.

— Для тебя, должно, сподручнее было б пойти к туркам вдвоем? — спросил Петров.— Может, подыскать товарища тебе?

— Нет,— отрицательно покачал головой парень.— Один пойду.

— Ну, господь тебя благослови! — перекрестил его атаман.

В ночь казаки произвели вылазку во вражеский лагерь специально для того, чтобы забросить к туркам Гурьяна.

Как только казаки с криками бросились на спавших турок, Гурян, переодетый в одежду турецкого спаги, юркнул в кусты, разросшиеся у небольшой балки, и за сел там.

До рассвета юноша лежал в кустах, а как только на востоке заиграли первые отблески утренней зарницы, он встал и направился к ближайшему бивачному костру.

Пожилой солдат в чалме, возведя очи к небу, делал утренний намаз¹ у костра.

Гурян не прерывал мусульманина, пока тот молился. Когда тот окончил и взглянул на юношу, Гурян по-восточному приветствовал его:

— Салам алейкум!

— Салам,— подозрительно оглядывая его, ответил солдат.— Откуда ты?

¹ Намáз — молитва.

— Слышал ночью стрельбу? — спросил у турка Гурьян.— Казаки сделали налет. Я стоял на посту, и они чуть не увезли меня в плен. Да убежал я.

— Садись к костру. Отдыхай.

Парень присел.

— В кавалерии служишь? — снова оглядывая Гурьяна, спросил турок.

— В спагах.

Стали просыпаться и другие солдаты. Они умывались, разговаривали между собой, никакого внимания не обращая на Гурьяна.

Потом солдаты стали делать намаз, а старый их товарищ готовил завтрак.

К завтраку пригласили и Гурьяна. Он не отказался. Помолившись аллаху, он принял за похлебку. Хлебая ложкой, Гурян смотрел на вал, с которого уже начала бить турецкая артиллерия по крепости. Вал был широкий, основательно насыпанный и утрамбованный.

— Слушай, спаги,— спросил у Гуряна щербатый, рябой солдат с синим сабельным шрамом через все лицо,— а что, это правда, идет слух, будто спаги отказываются идти на приступ крепости?

Гурян не успел ответить, как второй солдат с узким угреватым лицом, смеясь, сказал:

— Да разве он тебе, Джраф, скажет правду... Схитрит. У меня друг служит в спаги. Так он мне сказал, что спаги решительно отказались штурмовать крепость. Говорят, дескать, что они приучены к конным битвам, а на стены лазить не умеют... Ха-ха-ха!.. Вот хитрецы. Не хотят отведать на макушку горячей смолы.

— Да, я слыхал,— вмешался в разговор третий солдат,— что будто и янычары бунтуют, не хотят идти на приступ...

— Это только мы — овечки послушные,— жуя беззубым ртом, проговорил пожилой солдат.— Нас везде и всюду гоняют. Мы и словечка не можем против вымолтить.

— Попробуй вымолви,— усмехнулся щербатый, покачивая дыру в зубах,— сразу же голову отсекут.

Доеv похлебку, Гурян поблагодарил встал.

— Да благословит вас аллах, добрые люди! — сказал он.— Благодарю вас за хлеб-соль.

— Не за что,— сказал пожилой солдат.— Что ж, пойдешь к своим?

— Пойду.

Попрощавшись с солдатами, Гурьян пошел по лагерю.

Судьба Фатимы

Когда посол Коземрат Улак-ага привез в Бахчисарай во дворец крымского хана Фатиму и рассказал, каким чудом спаслась от смерти эта девушка, судьба Фатимы произвела там большое впечатление. Фатиму все жалели, сочувствовали ей.

Некоторое время Фатима жила в ханском дворце, а потом крымский хан Бегадар-Герай, желая сделать турецкому султану приятный сюрприз, отправил ее в Царьград. Судьба Фатимы и в султанском дворце наделала много шума. Ее там приласкали. По настоянию старой султанши ей выделили в столице красивый дом с садом, дали невольников и невольниц. Сам великий визирь стал ее опекуном.

Султанша полюбила сироту, принимала участие в ее судьбе.

В богатстве и довольстве зажила Фатима. Даже находились именитые женихи, которые были бы не прочь взять ее в жены. Но девушка не спешила выходить замуж. Она думала только о простом казацком пареньке Гурейке, которого с первого же раза, как только увидела, полюбила всем своим сердцем, чистой, целомудренной любовью.

Смерть его Фатима горько оплакивала. До сих пор она не могла забыть его образ, который всюду — в сновидениях и наяву — преследовал ее.

Старая султанша привязалась к Фатиме. Часто она посыпала ей лакомства, призывала к себе, беседовали с ней. Султанша была умная и просвещенная по тому времени женщина. Она была грамотна, читала Коран и другие арабские книги философско-религиозного содержания. Она любила, когда Фатима своим нежным голоском читала ей вслух.

Как-то, беседуя с Фатимой, султанша узнала от нее, что, живя среди казаков, Фатима научилась говорить по русски.

— По-русски? — удивилась старуха.— Вот как.

Этому обстоятельству она почему-то придала большое значение. Она велела позвать одного из толмачей, хорошо знавших русский язык.

Выбрали толмача такого, который не только хорошо говорил по-русски, но и сам по рождению был русским. Он долго был в неволе, а потом, когда принял ислам, был освобожден из неволи, женился на турчанке и совсем отуречился.

Не зная причины вызова в султанский дворец, толмач вначале сильно перепугался, когда предстал перед султаншей. Он кланялся ей земно, елозил по полу, но потом, узнав, что от него требовалось только и всего, что поговорить по-русски с Фатимой, ободрился. Он заговорил с девушкой по-русски и был поражен чистотой ее речи, отчетливым произношением русских слов и фраз. Она говорила на его родном языке, может быть, даже лучше и правильнее, чем он, забывающий его.

И он сказал об этом султанше. Старуха порадовалась счастием своей любимицы и пожелала, чтобы она никогда не говорила на языке неверных с толмачом.

Фатима обрадовалась такому разрешению султанши. Ей хотелось в совершенстве знать язык любимого Гурейки.

При следующей встрече с Фатимой толмач расспросил ее более подробно о пребывании в Азове. Девушка рассказала ему все. И не надо быть толмачу особенно проницательным, чтобы понять, что Фатима была влюблена в атаманского сына Гурьяна.

— Он хороший был, добрый,— печально закончила свой рассказ юная турчанка.— Но вот погиб.

— А может быть, и не погиб, госпожа,— возразил толмач.— Слышал я, что не все казаки в тот раз утонули. Многие вернулись в Азов.

Лицо Фатимы просияло. Она недоверчиво посмотрела на толмача.

— Ты говоришь, что, может быть, он и не погиб?
— Вполне даже возможно.

С той поры Фатима стала неспокойна. Старый толмач зоронил в ее душу сомнение. «А ведь, может быть, и в самом деле он остался жив? — думала она.— Почему я подождала возвращения казаков из похода, поверила слово крымскому послу Коземрат Улак-аге?»

Среди придворной знати разнеслась весть о том, что турецкие войска скоро выступят освобождать Азов от

казаков, засевших в нем. Все говорили о казаках озлобленно, с ненавистью, говорили, что они варвары, жестокие дикари, что казаков щадить нельзя, надо их всех уничтожить.

Фатима слушала такие разговоры со страхом. Что же будет с ее Гурьяном, если он жив? Возьмут турки Азов, убьют Гурейку. И она решила его спасти, во что бы гони стало спасти.

Но Фатима даже не представляла себе, как она может это сделать. Ей казалось, что если бы она попала под Азов и присутствовала при штурме крепости, то сами обстоятельства на месте подсказали бы, что нужно делать.

Но как же попасть под Азов? Если убежать туда, то ее поймают и вернут обратно. А еще хуже, попадет в руки каких-нибудь кочевников и ее продадут в ясырь. Надо что-то придумать другое.

Любовь женщины всесильна. Она ломает каменные стены, ворочает горы. Во имя любви женщина может пожертвовать своим именем, богатством, даже жизнью. Она делает ее хитрой, лукавой, изворотливой.

Любящая женщина, если захочет, может сделать многое. А хрупкая, маленькая Фатима любила, и она хотела спасти любимого человека.

Придя как-то к султанше, Фатима упала перед ней на колени, расплакалась.

— Что с тобой, дочь моя? — изумилась ее слезам султанша и подняла девушку с пола.— Какое горе тебя гнетет?

— Владычица,— сказала Фатима.— Я слышала, что войска великого султана выступают к Азову.

— А тебе что от этого?

— Я знаю, что войска султана многочисленны, они храбры и доблестны. Как только подойдут они к Азову, я уверена, дикие казаки при виде их придут в трепет и сдадут крепость победителю... Во дворце моего отца спрятаны драгоценности. Я знаю, где они находятся. Когда я бежала из Азова, я не могла их с собой взять... А теперь я боюсь, что солдаты султана, ворвавшись в Азов, предадут все огню и мечу. Могут быть разграблены и мои драгоценности.

— Ты сквердна, дочь моя,— недовольно сказала султанша.— Неужели тебе недостаточно того, что тебе да-

ла я? И великий визирь обеспечил тебя всем необходимым?

— О нет, великая владычица! — вскричала Фатима.— Мне этого вполне достаточно для моей жизни. Даже слишком много. Но в азовском дворце запрятаны такие вещи, которые мне дороги как память о моих дорогих родителях, сестре и брате...

Не сразу решилась отпустить Фатиму в Азов султанша Ну, а потом, когда она поговорила об этом с визирем и тот сказал, что ничего плохого в том не видит, если Фатима съездит в Азов за своими вещами, согласилась.

Она пригласила к себе сераскира и попросила его взять под свое покровительство и наблюдение Фатиму.

А вскоре Фатима узнала, что и Мустафа был приписан к ставке сераскира в качестве толмача и тоже направлялся под Азов.

* * *

Через много дней путешествия по морю Фатима наконец попала под Азов. Недалеко от роскошного шатра сераскира ей тоже разбили удобный, просторный шатер. Ее кормили со стола сераскира, присуживали рабы-негры и гречанки-невольницы. Для Фатимы, как для знатной особы, были предоставлены все удовольствия. Если нужно, то она могла позвать к себе сераскирских музыкантов и танцовщиц, которые развлекли бы ее. Но Фатима не пользовалась этим: ей не нужно было веселья.

Часто Фатима выходила из шатра и пристально всматривалась в зубчатые стены Азова. На стенах крепости маячили маленькие фигурки казаков. Девушка пытливоглядела в них, как бы стремясь разглядеть среди них Гурьяна.

«Жив ли он? — думала она.— Может, этот толмач вселил в меня надежду лишь из жалости?»

Но нет, толмач был прав. Однажды он пришел в шатер к Фатиме и сообщил ей, что был с парламентерами в крепости и видел там Гурьяна. Фатима, страшно побледнев, едва не лишилась чувств.

— Правду ли ты говоришь, Мустафа? — схватила она его за руку.

— Клянусь аллахом, госпожа,— сказал он.— Я даже разговаривал с ним.

От сильного волнения девушки долго не могла вымолвить ни слова. Потом, приложив руку к бурно стучавшему сердцу, она спросила:

— Помнит ли он меня?

— О госпожа, еще как помнит! Когда я сказал о том, что ты у стен Азова, он так обрадовался.

У Фатимы лучисто засияли глаза. Она сунула толмачу несколько золотых монет. Тот поцеловал ей руку и прошептал:

— Во мне будь уверена, госпожа. Я всегда помогу тебе.

* * *

Бродя по вражескому лагерю, Гурьян не знал, куда себя девать, куда приспособить.

Везде, куда ни глянь, рябит в глазах от яркости и красочности разноцветных одежд: зеленые, красные, синие куртки и шальвары, белые тюрбаны и чалмы. Всеми цветами радуги на солнце брызжет сверкающее дорогое оружие.

Турки, татары, черкесы, ногайцы, немцы, венецианцы, молдаване, валахи и многие другие представители народностей, подвластных Турции, свободно расхаживали по лагерю, словно по ярмарке.

Хотя опасного для Гурьяна и ничего не было — на него никто не обращал внимания, но все-таки казак чувствовал скованность, смущение оттого, что у него еще не было определенного плана действий... Он надеялся на авось. А вот оно-то сейчас его и подводит.

За турецкими войсками, как и за всеми армиями мира того времени, под Азов притащились на фургонах жадные торгаши. Они раскинули на биваке свои палатки и харчевни, бойко торгуя товарами первой необходимости и хмельными напитками.

Гурьян как раз проходил мимо одной из таких харчевен. Ему захотелось зайти выпить ковш браги. Турецкими и немецкими деньгами его снабдили в крепости.

Присев за грубо сколоченный из досок стол, Гурьян стал пить брагу. Напротив него сидел немец. Гурьян

взглянул на него и оторопел: это был не кто иной, как Иоганн, который несколько лет назад пришел с запорожским отрядом под Монастырский городок, а потом при штурме казаками Азова проводил подкопы под крепостные стены. С его помощью и была взята крепость.

За пять лет, что прошло с того времени, немец обрюзг, ожирел, стал рыхлым.

— Спаги,— сказал охрипшим голосом немец, коверкая турецкие слова.— Поставь ковш вина... Голова с похмелья трещит, а в кармане ни гроша.

Гурьян заказал вина. Немец с жадностью схватил дрожащими руками ковш:

— Спасибо тебе, друг, отвел душу!

Большими глотками он стал поглощать вино и сразу же захмелел, глаза его весело заблестели.

— Ты, спаги, видать, хороший человек,— подмигнул он хитро Гурьяну.— Если поставишь еще ковш вина, я тебе могу рассказать интересные вещи.

Юноша купил ему еще штоф вина, надеясь что-нибудь выведать у него в отношении подкопных работ.

— Я где-то тебя видел, спаги? — болтал пьяный немец.— Лицо что-то твоё мне знакомо...

— Может быть, где и встречались.

— Возможно. Знаешь, спаги, я крепость азовскую как свои пять пальцев знаю,— растопырив руку, показал ее немец Гурьяну.— Вот. Все ходы и выходы знаю. Никто лучше меня не знает ее. Поэтому сам сераскир дорожит мной... Но вот денег мне на руки не дают, говорят, пропьешь. Я, конечно, люблю выпить, но я не пьяница. Честное слово, нет. Не дают в рот капли вина. Разве можно так жить?.. Говорят, когда подкопы подведут под крепость, тогда и деньги и вино будут мне... Сколько душе моей угодно... Хоть залейся. Но это ждать надо, а мне хочется сейчас выпить... Спасибо тебе, спаги. Вовек не забуду. Как тебя зовут?

— Ахмет.

— Так вот, Ахмет, скажу тебе, как другу: им осталось жить три-четыре дня,— махнул он рукой на крепость.— Не больше. Бах! Бах!. И все будет покончено. Взлетят на воздух... А остальных янычары повырежут... Я хороший мастер своего дела. Ты думаешь, как казаки захватили крепость пять лет тому назад? Ну, ничего не буду говорить тебе об этом... Ничего... Попоминт меня атаман Татаринов... Обидел меня: как взяли крепость,

так про меня и забыли,— забормотал он.— Ну, пустыняет на себя... Вот их и жизнь и смерть,— хлопнул немец пачкой бумаг по столу.— Вот!

«Планы подкопов, наверно»,— подумал Гурьян.

— Выпьешь еще? — предложил Гурьян немцу.

— А что, и выпью! —зывающе выкрикнул Иоганин, совсем опьянев.

Гурьян услужливо подставил ему ковш с вином. Немец схватил его и, не отрываясь, стал пить. Выпив ковш до дна, немец, пробормотав что-то, положил голову на руку, в которой держал бумаги, захрапел.

Юноша встал и, как бы поправляя удобнее голову уснувшего немца, ловко выдернул из его руки бумаги, сунул их за пазуху.

Сердце его бешено забилось. Не видел ли кто, как он похитил у немца бумаги? Он осмотрелся. Как будто никто на него не смотрит. Гурьян повернулся и вышел из харчевни.

— Спаги! — окликнул его кто-то за спиной.

Юноша обмер от ужаса. «Попался»,— подумал он и ухватился за рукоять пистоля, намереваясь не даться в руки врага живым.

Перед ним, ухмыляясь, стоял толмач Мустафа.

— Салам алейкум! — приветствовал он Гурьяна.

— Салам! — мрачно ответил юноша, почти уверенный, что сейчас толмач закричит: «Держите шпиона! Хватайте его!»

Толмач из предосторожности оглянулся по сторонам и, убедившись, что поблизости никого нет, тихо сказал:

— Что ты меня так испугался? Я уже тебя предупреждал, чтобы ты меня не боялся. Ведь я хоть и вероотступник, но человек-то русский... Разве я тебя выдам? А притом парень-то ты хороший, полюбился мне. Хочу, брат, услужить родине своей, да и тебе тоже. Ловко ты брат мой, у немца планы-то стащил... Этот немец-то у нас главный подкопный мастер. Бумаги эти вам пригодятся.

Гурьян рассказал толмачу, что немец когда-то служил у казаков и подкопным взрывом помог им овладеть Азовом, но потом не сошлись они с его отцом, атаманом Татариновым.

— Переметная душа,— махнул рукой толмач.— Работает у тех, кто больше платит. Ну, прощай, парень,— сказал он.— Дай бог вам удачи... Только боюсь, что не

оборониться вам. Больно уж войска турецкого много пришло... Ты пробирайся на край лагеря. А как ночь подойдет, беги к своим. А так можешь и попасться. А Фатиме я поклон от тебя передам.

— Нет, Дрон,— решительно замотал головой парень.— Поклон — это мало. Мне надобно ее повидать... Устрой, брат.

— Ну, что ты! — испуганно сказал толмач.— Это никак не можно. И тебя и меня схватят, предадут смерти. Ведь у ее шатра стражи.

— Дрон, ты же русский человек,— промолвил Гурьян.— Должен понять, что без Фатимы мне нет жизни. Не мило ничего на свете.

— Да ведь и она тебя любит,— произнес толмач.— Знаю я. Из-за этого-то она и сюда приехала... Меня обманешь.

— А ежели так, то вот что я тебе скажу, Дрон: приведи ты ночкой темной Фатиму в потайное место, какое я тебе скажу. Приведешь, пятьсот талеров я тебе за это вручу. Понял? Без обману дело будет.

Толмач был алчный человек. При упоминании такой огромной суммы, которую назвал Гурьян, глаза его вспыхнули жадными огоньками.

В этот раз они обо всем договорились подробно.

* * *

По принесенным Гурьяном планам немца Иоганна казаки разгадали те места, где велись турками подкопы под крепость. Они подрыли под них контрподкопы и взорвали их.

Турки поразились такой проницательности казаков и перестали рыть подкопы.

* * *

Темной, ненастной ночью Гурьян с Макаркой спустились по веревочной лестнице с крепостной стены.

В условленном месте, в овражке, близ большого дерева, шумевшего своей вершиной, зябко ежась от холодного ветра, стояли две темные фигуры, закутавшиеся в шерстяные епанчи.

Подходя к дереву, Гурьян слегка присвистнул:
«Фьють!»

Ему ответили дважды таким же свистом.

Держа пистоли наготове на случай обмана, Гурейка и Макарка осторожно подошли к дереву.

— Дрон! — тихо окликнул Гурьян.

— Я,— вышагнул вперед толмач.— Принес?

— Принес,— звякнул сумкой, наполненной монетами, юноша.

— А ты?

Толмач слегка толкнул к юноше маленькую фигурку.

— Душанюшка моя! — прижал Гурейка к себе Фатиму.

Горячие, ласковые руки сбили его шею.

Тяжелые дни

В течение уже долгого времени каждый день, каждую ночь, не считаясь никакими потерями, турки шли и шли на приступ крепости. Кругом грохотало, как в аду: гремели пушки, щелкали и трещали пищали и мушкеты.

Как одержимые, лезли, беспрестанно лезли, карабкались по крепостным стенам несметные полчища врагов. Одних казаки срубали алебардами, бердышами, колотя ими по головам врагов, как по капустным кочанам. Но на смену зарубленным, точно назойливые муравьи, появлялись новые. И так беспрерывно мелькали окровавленные сабли, бердыши казаков, без устали перемалывая человеческое месиво.

Смрадно дымили костры. Жены, матери воинов, их дети малые, старцы помогали защищать крепость. Они кипятили смолу, воду и лили за стены, на головы упрямо лезущего врага.

Каждый защитник крепости, казак, был на счету. А поэтому жены, матери, отцы и дети оказывали воинам неоценимую услугу. Они не только лили на врага горячую смолу и кипяток, но на них был и уход за ранеными. Они носили защитникам крепости еду, воду, тушили пожары, восстанавливали разрушенные ядрами стены крепости.

Когда казалось, что победу одерживает враг и турки вот-вот ворвутся в крепость, тогда с шумом распахивались крепостные ворота и под командой Гурьяна Тата-

ринова из крепости выбегал налегке отборный отряд юношей-казаков, молодец к молодцу, и нападал с тыла на атакующего врага. Завязывалась короткая кровопролитная рукопашная схватка. Турки не выдерживали и в панике разбегались. Захватывая трофеиное оружие, так необходимое защитникам Азова, казаки так же мгновенно исчезали в крепости, как и появлялись. За ними с грохотом захлопывались чугунные ворота.

Большие пушки, установленные турками на валу, причиняли казакам огромный вред. Цель с вала видна была отлично, и враги, бомбардируя день и ночь, разрушили в городе почти все до единого каменные здания. Облака дыма и гарь пожарищ клубились над крепостью.

Но как ни героически сражались с врагом казаки, все же защитники крепости слабели с каждым днем. Велик был урон. Осталось совсем мало в живых казаков, каких-нибудь тысячи полторы, да и то большинство из них было ранено. Но, несмотря на свои раны, они не уходили с крепостных стен.

Трупы убитых валялись без погребения на улицах и развалинах, распространяя повсюду смрад разложения.

Кончилось продовольствие, начался голод. Голодные люди ловили собак, кошек, крыс и с жадностью их поедали. Не гнушались есть и мясо подохших лошадей.

Распространились болезни. Народ стал умирать как мухи...

Враг тоже испытывал затруднения. У него тоже кончилось продовольствие, а взять было неоткуда.

Сераскир послал было крымских татар за провиантом на Украину, но их разгромили донские казаки, бродившие вблизи Азова.

Крымский хан настаивал, чтобы послать свой отряд за продовольствием в окраинные русские города, но сераскир воспротивился этому, не пожелавссориться с русским царем.

Хан осерчал на сераскира, после чего крымские татары совершенно перестали помогать туркам в овладении крепостью.

* * *

Пока маленький домик на окраине города еще сохранялся от разрушения. Но бомбы кругом него взрывались беспрерывно, и не было никакой уверенности, что

какая-нибудь из них не разнесет его в мельчайшие обломки.

Но пока цел был домик, в нем протекала неприхотливая жизнь.

Старый, совсем уже одряхлевший, а поэтому и не пригодный к обороне, дядя Ивашка хозяйствовал в этом домике. На его попечение Гурейка оставил Фатиму. Жила с ними еще и престарелая турчанка Зейнаб.

Так втроем они и мыкали горе.

Гурейка к ним и не появлялся. Дни и ночи он пропадал на крепостной стене, вместе с другими казаками отражая вражеские штурмы. Он и рад бы был навестить свою Фатиму, но не мог.

От взрыва тяжелых ядер маленький дом вздрогивал как живой.

Старуха Зейнаб, трясясь от страха, дико вопила:

— Великий аллах, упаси мою старую голову от страшной погибели! Упаси!

В те редкие минуты, когда становилось потише и воющие ядра не наводили ужаса на Зейнаб, она несколько успокаивалась и в удивлении разводила руками, глядя на Фатиму:

— Ну какой шайтан шепнул тебе добровольно пойти сюда, в этот кромешный ад?.. Жила, ты говоришь, в роскоши, богатстве и довольстве... Сама султанша тебя ласкала и любила. Ну что человеку еще нужно? И ты вот, госпожа, полезла в это пекло! На погибель свою... Теперь ты, конечно, раскаиваешься. Но поздно, поздно, госпожа.

Фатима улыбалась:

— Нет, Зейнаб, я не раскаиваюсь. Нет! А если меня убьет бомба, я буду рада умереть возле любимого человека... Ты, Зейнаб, не понимаешь, верно, что такое любовь...

У запасливого старика Чекунова еще не перевелись кое-какие продовольственные запасы, которые он берег пуще ока своего. Было у него несколько горстей ржаной муки и макитра пшена. Он сам почти не ел, а все потчевал Фатиму то оладьями, то кашицей. Но она не хотела ничего и в рот брать.

Ее прелестное лицо побледнело, под глазами появились синие тени. Она ничуть не боялась оглушающих взрывов ядер. Нисколько! Вот только иногда при воспоминании о том, что Гурейка подвергается ежеминутно

смертельной опасности на стене крепости, в ее прекрасных глазах появлялось смятение.

Она ничего не боялась, смерть ее не страшила. Но она не хотела, чтобы Гурьян умер прежде нее.

А если иногда совсем неожиданно появлялся Гурьян, весь пропахший порохом, смолой и потом, мужественный, какой-то необыкновенный в своем спокойствии и хладнокровии, Фатиме казалось, что весь их домик тогда озарялся счастьем, миром и покоем. На молочно-бледных щеках Фатимы розами выступал румянец. Этот румянец пугал Гурьяна. Он понимал, что это не к добру. Он замечал, что она худела, даже покашливала.

«Зачем я ее привел на страдания сюда? — сокрушенно думал он.— Там она жила в роскоши и довольстве. А здесь смрад, уныние, кровь, смерть... Может, отправить ее обратно?»

Но он понимал, что сделать это уже невозможно.

Гурьян любил эту милую, добрую, хорошую девушку. Она для него была дороже всего на свете. И он придумывал, как бы ее избавить от тех ужасов, которые ей приходится испытывать здесь.

...Теперь Гурьян, несмотря на тяжкие испытания, на голод, настолько возмужал, налился могучим соком молодости, что казался образцом мужской красоты. Во всей его ладной фигуре чувствовалась мужественная мощь и воля, жизненная сила.

И особенно эта сила явственно обозначалась в нем, когда он трогательно склонялся к Фатиме, такой, казалось, маленькой и хрупкой, как стебелек чудесного растения.

Старик Ивашка, как-то поглядев на эту пару, нежно склонившуюся друг к другу, отер от умиления глаза.

— Господи Сузе Христе! — шептал он.— Мать божья, упаси их жизнь. Упаси на радость им и людям.

* * *

По настоянию дяди Ивашки поп Варлаам окрестил Фатиму. Она стала православной, назвали ее Ольгой. Крестным отцом был дядя Ивашка, а крестной — крещенная турчанка Анна, жена Макарки.

А через два дня в единственном из уцелевших от бомбардировок каменных зданий в городе — церкви Святого Иоанна Предтечи — поп повенчал Гурьяна с Ольгой.

Прямо от венца Гурьян пошел на крепостную стену, а новобрачную отвели в погреб, который теперь вырыл старый казак для ухоронки от неприятельских ядер.

* * *

Внезапно казаки почувствовали облегчение. Турки все реже и реже стали ходить на приступ крепости, а потом и совсем оставили в покое казаков. И пушки на валу замолкли.

Никто в крепости не знал, почему враги приостановили свои действия.

А причины были в том, что крымские татары взбунтовались и ушли из-под Азова к себе в Крым. Неспокойно стало и в отрядах кубанских татар и у черкесов.

Продовольствие у турок совсем закончилось, не стало и корма для лошадей.

Среди солдат свирепствовали массовые заболевания. Нечего было и думать, чтобы при таком бедственном состоянии турецкой армии взять у казаков крепость Азов.

Сераскир послал курьера к султану, прося позволить ему отложить взятие Азова до будущей весны. В ожидании султанского ответа он приостановил военные действия против казаков.

Воспользовавшись передышкой, казаки навели порядок в городе, убрали трупы, похоронили их, затушили пожары. А как-то лютской, студеной ночью к причалу пристали будары с мукою и пшеном, посланные из Черкасска в Азов.

То-то уж радости было среди немногих уцелевших изголодавшихся жителей азовских по поводу этого случая.

Быстро разгрузили будары казаки, а в обратный путь атаман Петров велел отправить на них в Черкасск больных и раненых.

В последние дни Фатима так ослабла, что редко и поднималась с постели. Гурьян решил отправить ее тоже в Черкасск к матери.

Когда он сказал ей об этом, она решительно воспротивилась отправиться туда.

— Не поеду! Умру с тобой тут.

— Я еще умирать не собираюсь,— усмехнулся он.— И тебе не советую этого делать... Мы еще с тобой будем жить, да еще как — весело и хорошо. Поезжай к матери. Она тоже турчанка. Она тебя отходит... А то ж ты тут погибнешь.

— Олюшка,— так теперь называл Фатиму дядя Ивашка,— езжай, милушка, обязательно поезжай. Так к лучшему будет. Нынче ночью я видел во сне великое предзнаменование. Кубыть лежу я на траве, а ко мне с неба спускается красивая-раскрасивая женка... Риза на ней багряная, вся сияет, ажно глаза заломило. Опустилась она надо мной, но земли не касается ногами. Гляжу, к ней подходит не дюже старый, но бородатый, волосатый муж, вместо рубахи на нем звериная шкура. И, гляжу, босой он, стало быть разувши, на плече у него навроде kostыль, но с крестом... И подумал я тут, грешным делом, что, должно, мол, это сама мать божья, а к ней подошел Иоанн Креститель, наш помощник и заступник святой. Ну, навострил я тут ухо, прислушался, о чем, мол, они разговор будут вести. Мать божья и гутарит Иоанну Крестителю: «Отведи, говорит, Иване, от казаков, любезных мне, руку супостата... Дай им дыхнуть свободно».— «Ладно,— отвечает Иоанн Креститель,— отведу. Казаки, мол, отдохнут от врагов своих...» А потом обернулся Креститель ко мне да и гутарит: «Ты, грит, мой тезка, скажи казакам, что по моему внушению им из Черкасска будары плывут с едой. Пущай, грит, едят да веселятся. Скоро им всем освобождение будет от врага. А чтоб вам не мешали больные, то отправьте их, мол, с пустыми бударами на Дон...» Вот какое дело, так что ехать неминуче надобно... Скоро мы все опять свидимся и заживем хорошей жизнью. Таково знамение божеское...

Фатиме против таких убедительных, казалось, доводов дяди Ивашки ничего было сказать. Она согласилась ехать, тем более что с ней отправлялась и Анна, жена Макарки, с которой Фатима очень подружилась.

Гурьян и Макарка провожали жен вплоть до турецких сторожевых постов, опасаясь, что посты задержат будары. Но все обошлось благополучно, турок на постах не оказалось. Гурьян и Макарка на каюке вернулись в крепость.

Осада снята

Парализованный, полусумасшедший султан Ибрагим на просьбу сераскира дозволить взятие Азова отложить до весны будущего года лаконично ответил: «Паша! Возьми Азов или отдай свою голову».

Сераскиру голову свою класть на эшафот было жаль, потому, обозленный ответом султана, он решил, не считаясь ни с какими жертвами, забрать наконец у казаков Азов во чтобы то ни стало, хотя крепость эта никакой уже ценности не представляла. Это была груда ни к чему не пригодных развалин.

Но все дело было в престиже Турции. Из-за него-то и велась эта кровопролитная битва за крепость.

Другое дело для казаков. Для них удержание крепости в своих руках имело большое значение. Они кровно были заинтересованы в этом.

Получив из Царьграда подкрепление людьми, продовольствием, порохом и снарядами, Гусейн-паша снова приказал бомбардировать Азов.

И снова над городом загрохотали громы разрывов, запылали пожары, заклубились облака дыма. Люди в страхе забивались в ямы, в погреба.

Одно тяжеловесное ядро угодило в погреб, в котором укрывались старик Чекунов и старая турчанка Зейнаб. Вторым ядром погреб завалило грудой земли. Итак, старики нашли могилу в той яме, которую они рыли для своего спасения.

Узнав о смерти старого друга, дяди Ивашки, Гурьян смахнул с обветренной щеки нечаянно скатившуюся слезинку.

— Царствие небесное ему,— вздохнул он.

Но Гурьяна утешало несколько то обстоятельство, что сумел вовремя отправить в Черкасск жену. Если она не выехала бы туда, то вместе с дядей Ивашкой пришлось бы оплакивать и ее. Ведь ясно, что она, будь здесь, тоже пряталась бы от обстрела неприятеля в погребе.

Несмотря на ураганный артиллерийский огонь врага, казаки мужественно отстаивали крепость, не сходя со стен ее, хотя ряды их теперь поредели значительно.

На крепостных стенах стояла реденькая цепочка защитников вперемежку с женщинами, решившими с оружием в руках умереть вместе со своими мужьями.

И если бы сераскир был более проницателен и догадывался бы об истинном положении казаков, он бы, несомненно, попытался бы крепче нажать штурмующими силами на них. Может быть, тогда и была бы подавлена доблестная оборона Азова, ибо силы казаков иссякали.

По приказанию сераскира лучшие лучники посылали на стрелах казакам в крепость грамоты, в которых писалось, что если казаки добровольно сдадут крепость, то сераскир обещает каждому казаку по тысяче талеров.

Получая такие грамоты, казаки смеялись:

— Что у сераскира болит, о том и говорит.

— Голодной курице просо снится, а сераскиру Азов.

— Помешался на Азове.

И, как бы наконец поняв, что надо усиленнее штурмовать крепость, сераскир отдал приказ увеличить силы штурмующих крепость войск.

Словно морские волны — одна за другой, — накатывались вражеские войска на крепость и каждый раз откатывались с большим уроном.

На каждого оборонявшегося казака приходилось в десять — двадцать раз больше врагов. Казаки и их жены отбивали приступы. Пока они оказывались победителями. Но силы угасали... Защитников становилось все меньше и меньше. Сомнение вкрадывалось в их души...

* * *

Да, сомнение вкрадывалось и в душу войскового атамана Осила Петрова. «Все, подходит конец, — думал он. — Не выдержим более штурма... Некому обороняться».

Ведь он был изранен, войсковой атаман. Но, пошатываясь от головокружения и потери крови, он метался по крепости, отдавая приказания. Он понимал, что если ему слечь в постель, тогда все пропало. Надо поддерживать дух в защитниках, пока еще стоишь на ногах.

В ночь под 30 сентября войсковой атаман, окончательно потерявший надежду на возможность отстоять крепость, подсчитал свои силы. Осталось, не считая женщин, боеспособных воинов совсем мало — несколько сотен.

Петров в уцелевшей от разрушения церкви Святого Иоанна Предтечи созвал совет старших и старых казаков.

— Что будем делать, атаманы-молодцы? — обвел он

скорбным взглядом собравшихся. — Враг люто рвется на

приступ. Как собаки свирепые, бросаются басурмане на крепостные стены, а у нас уже нет силов их отогнать.. Нет,— печально развел он руками.— У нас ни людей нет, ни пороху, ни припасов, ни еды. Гибель подходит неминуемая... Советуйте, что будем делать? Один ум хороши, а два лучше.

Некоторое время все угрюмо молчали.

— А что тут советовать,— хрипло заявил чернобородый, дюжий атаман Монастырского городка Анисимов.— Будем биться до конца. Выхода более никакого нет. Так ли я гутарю, браты?

— Любо! Правильно гутаришь, Фрол,— поддерживали голоса.— Умрем все, но по-доброму крепость не сдадим.

— Любо! Любо!

— Не сдадим!

— Помрем!..

Выслушав крики казаков, атаман Петров сказал:

— Истинно гутарите, атаманы-молодцы. Честно умрем в битве... Сколько годов уже мы бьемся с басурманами, сколько много уже своих товарищей-братьев похоронили, убиенных-то, конешное дело, не бросать нам крепость, не отдавать ее за злато врагу лютому. С честью умрем все, как один, наше казачье дело...— Он помолчал, как бы обдумывая, что ему сказать еще, вздохнул тяжко.— Собирайтесь, браты, завтра до рассвета все вместе откроем ворота и выйдем на врага, сразимся в последнем бою.. А потом нехай ужо вступает в город Азов враг через наши трупы...

— Любо! — закричали казаки в едином порыве.— Любо! В добрый час!..

— Гурьян! — подозвал к себе парня атаман.— Хворает наш войсковой дьяк. А ну-ка, садись вот да пиши, что буду говорить. Пиши царю да патриарху, да простят они нас, непотребных и ослушных рабов своих. Слезно умоляем, мол, их отпустить нам нашу вину и помянуть перед богом наши души грешные... Помираем, мол, мы все до единого...

Написав грамоты царю да патриарху, Гурьян запрятал их в пакеты, приложил к ним сургучи.

Выбрали ловкого да ухватистого казака, поручили ему во что бы то ни стало доставить грамоты царю и патриарху.

— А теперь, братья, давайте помолимся богу за наши души,— предложил атаман.— Пон, зацишай заупокоенную панихиду.

Церковные своды подпер грохочущий, мощный бас попа Варлаама:

— Со святыми упокой...

Всю ночь молились казаки, стоя на коленях перед темными ликами святых, слушая громоподобные песнопения попа и тенорковые припевания дьячка.

Под утро пол, величественно стоя в золотой ризе на амвоне, начал окроплять святой водой казаков, подставляя им целовать крест и Евангелие.

Потом казаки, земно поклонившись друг другу, обнялись, распрошались. Когда подошли к крепостным воротам, восток уже подернулся серой пеленой, начало рассветать.

Вместе с казаками из ворот крепости вышли и все женщины и дети, кроме больных и раненых. Все хотели умереть на поле брани, чтобы избежать варварских истязаний и пыток, когда турки ворвутся в город.

Выбежав из крепостных ворот, казаки рассыпались и так, рассыпным строем, с оружием в руках молчаливо двинулись на врага.

Но, странное дело, их встретила мертвая тишина. Молочный густой туман скрывал от взоров казаков вражеский стан. Казаки недоумевали, почему молчит враг. Нужели турки спят так беспечно, что даже не выставили часовых?

Все объяснилось уже тогда, когда вступили на вражеский бивак. Потухшие костры обо всем рассказали: турки отошли.

Крик радости из сотен уст огласил промозглое, влажное утро. Казаки восторженно стали обниматься.

— Любо, братья! Любо!..

— Братья, в погоню! — возбужденно выкрикнул Гурьян.

— В погоню, любо! — откликнулись казаки.

И все в едином порыве бросились к морскому берегу, где, как знали казаки, стояли турецкие корабли. Не иначе как турецкие солдаты усаживаются теперь на них.

Так оно и было. Турки спокойно расположились на берегу, ожидая своей очереди на посадку.

Как ураган, внезапно врезались казаки в толпы вра-

гов, не ожидавших нападения. Никто даже и не подумал о сопротивлении.

В паническом беспорядке кинулись вражеские солдаты в море, намереваясь доплыть до лодок и галер и вскарабкаться на них. Но страх так был велик, что турки, подплывая к лодкам, опрокидывали их, тонули вместе с ними...

Казаки вернулись в крепость с песнями, с восторженными криками, таща на телегах огромные трофеи.

Так закончилась эта многолетняя осада Азова турками. Казаки оказались победителями.

* * *

А впоследствии казакам стало известно о том, что по пути в Крым хан скончался от ран, полученных под Азовом, а сераскир Гусейн-дели-паша умер на корабле, не доплыv до Царьграда.

Не пришлось султану воспользоваться его головой.

В Москву

Девятого октября 1641 года войсковой казачий круг выбрал легкую станицу для поездки в Москву с сообщением царю Михаилу Федоровичу о том, что казаки с честью выдержали многолетнюю осаду Азова, отстояли от врага крепость.

Атаманом легкой станицы назначили опытного, смышленного казака Наума Васильева, а есаулом к нему приставили Гурьяна Татаринова.

В числе казаков станицы был и Макарка, закадычный друг Гурьяна.

Друзья очень обрадовались поездке. Оба они еще ни разу не бывали в столице, поэтому предвкушали все те удовольствия, которые им доведется испытать.

Огорчались парни лишь тем, что давно они уже не видели своих жен и матерей, соскучились по ним и не так скоро, видимо, и свидятся с ними.

Путь казаков лежал на Москву, далеко минуя Черкасск-городок...

Казакам дали добрых коней, отбитых у турок. Дорога была веселая, но долгая. Только на третьей неделе своего

пути казаки сквозь туманную мглу увидали на горизонте засиявшие маковки золотых глав многочисленных московских церквей.

Атаман Васильев, скинув шапку, перекрестился:

— Ну, слава богу, браты, закончили мы свой путь благополучно. Пошли, господи, чтоб не гневен был на нас царь-батюшка.

Казаки тоже посыдали шапки, закрестились:

— Пошли, господи!

* * *

Болезненный, тщедушного телосложения, царь Михаил Федорович по натуре своей был человек слабохарактерный, нерешительный. Он подпал под влияние корыстолюбивого, гордого боярина Степана Борисовича Морозова, забравшего в свои руки государственную власть.

Как раз ко времени приезда казачьей легкой станицы в Москву туда пожаловал со своей огромной свитой датский принц Вольдемар, который был женихом младшей дочери государя Михаила Федоровича, царевны Ирины Михайловны. Поэтому царю было не до казаков. Он долго их не принимал.

Томясь в ожидании царева вызова, казаки жили на конюшенном дворе. Их там сытно кормили, спали они до одури и от лени просто отупели.

Но любознательный Гурьян мало предавался сну. Он затаскал с собой по Москве любившего поспать Макарку. Где только они не бывали! Вдоль и поперек столицу побошли.

Бродя с Макаркой по московским улицам, Гурьян немало дивовался тому оживлению, шуму и гаму, которые царили здесь повсюду. Народ сновал по улицам взад-вперед.

— Как муравьи,— хохотал Макарка.— И куда это они так спешат?

Выпал первый пушистый снежок, и по заснеженным улицам столицы со звоном бубенцов, с лихими разбойными присвистами бешено носились тройки, впряженные в сани. Проезжали цугом шестерки с гайдуками, таща за собой колымаги и кибитки.

На городских площадях, у балаганов и ларей, шла бойкая торговля разными заманчивыми товарами.

Гурьян с Макаркой купили в подарок своим женам яркие монисты, серьги, кольца и много других женских забав.

Ряженые скоморохи, забавляя народ, пляшут, кривятся, подпевают, сыпля направо и налево смешные прибаутки.

По утрам и вечерам Москва заполнялась грустным благовестом. Бархатно вызывали колокола, ссыкая православных на богослужение в многочисленные столичные церкви и церквушки. Из разных хором и обветшалых рубленых домишек шел народ в нарядных кафтанах, в атласных шубейках в храмы.

Макарке большое удовольствие доставляло бывать в кабаках, где особенно было людно и шумно. Он иногда упрашивал Гурьяна побывать с ним в кабаке, выпить поштофу хмельной браги.

Однажды так вот прогуляли Макарка с Гурьяном вечер в кабаке, возвращались они к себе, в конюшенный двор, навеселе. Макарка шел впереди, подламываясь в коленях и пошатываясь из стороны в сторону, горланил:

— «Ка-ак у на-ас на До-ону, во Черка-асском го-роду...»

Один раз он так покачнулся, что ткнулся носом в забор.

— Что за дьявол! — выругался Макарка, останавливаясь в недоумении, раскорячившись посреди улицы.— Что это тут понастроили такие улицы узкие, а?.. Тож мне, Москва называется.

— Ну-ну, пошли, братуня,— подхватил его под руку не менее пьяный Гурьян.

— «Ста-арики пьют, гу-уляют,— снова затянул Макарка,— по беседушкам сидят...»

Навстречу, смеясь, шла группа каких-то людей в иноzemной кургозой одежде.

— Вы чего ржете? — спросил у них грозно Макарка, останавливаясь.— Это вы надо мной смеетесь?

Те что-то заговорили между собой на своем языке.

— Говори по-русски, олух! — развернувшись, ударил кулаком по уху иностранца Макарка.

Тот, взвыв от ярости, дал сдачу.

— А-а, немец, ты драться? — вступил за товарища Гурьян и, в свою очередь, ударил другого иноzemца.

Остальные разбежались.

Оказалось, что пострадавшие были из свиты принца Вольдемара.

Об этом случае узнал царь. Он осерчал на казаков и приказал одному из бояр расследовать это дело.

Гурьяна и Макарку посадили в темную избу за-перли под замок за буйство.

— Вот попали так попали,— сокрушался Гурьян.— И все через тебя, Макарка. Что ты за буян такой?

— Ничего, Гурьяшка, все обойдется по-хорошему,— сказал Макарка.— Что, царь-то наш дурак, что ли, чтоб наказывать нас за каких-то паршивых ино-земцев?..

— Тише! — шикнул на него Гурьян.— Ты догово-ришься, что на тебя еще за твой подлый язык колодки на ноги набывают.

Через два дня за ними пришел стрелец и повел к боярину.

Их ввели в пустую комнату, в которой стояли лишь один стол и стул.

— Погодьте, шустраки, тут,— добродушно сказал стрелец.— Сейчас придет боярин. Строгий он человек, вот он всыплет вам батогов.

В ответ Гурьян и Макарка лишь вздохнули.

Вскоре в комнату торопливо вошел плечистый, статный боярин в зеленом кафтане.

— Ну, вы, бездельники,— сурово глянул он на казаков.— Что натворили?

Гурьян не сводил радостного взгляда с боярина. Ведь это же был Степан Чириков, тот самый, что пять лет тому назад приезжал в Черкасск за турецким послом Кантакузеном.

— Здравствуй, боярин Чириков! — сказал он.

— Здо-орово,— недоумевающе протянул Чириков, разглядывая статного, нарядного молодого казака.— Знаешь меня?

— Ну, а как же,— осклабился Гурьян, показывая в усмешке свои ровные белые зубы.— Зело знаю.

— Да отколь же ты меня знаешь?

— Да Гурейка ж я! — выпалил юноша.— Помнишь донского войскового атамана Татаринова Михаила Ивановича покойного? Так сын я того атамана. Помнишь, я тебя, боярин, под Азовом от казаков упас, провел тебя буерачком к бударе твоей? Ты же еще подарил мне

тогда перстень с изумрудом. Помнишь? Вот он,— показал Гурейка палец, на котором сверкал камень.

— Ах ты, мил человек! — бурно выскочил из-за стола Чириков и полез обниматься с Гурьяном.— Ты ж тогда от верной смерти упас меня...

Они предались воспоминаниям об этом случае. Макарка, разинув рот от изумления, смотрел на них, как же, сам боярин обнимается с Гурейкой.

— Ну, как же ты, Гурьян, избил датчан-то из свиты датского принца Вольдемара? — захотел Чириков.— Сам царь вступился за них...

Юноша рассказал все подробно, что произошло у них с иноземцами.

— Ха-ха-ха! — заливался в хохote Чириков.— Ну ладно, пострелы, хорошо, что на меня напали, выручу из беды... Все будет шито-крыто. Чего приехали-то, казаки, в Москву? — спросил Чириков.— Должно быть, все об Азове хлопочете, чтоб отстоять его от турок?

— Да, по этому делу прибыли,— сказал Гурьян.— Будем просить царя, чтоб приспал к нам свое войско на вспоможение для удержания крепости.

— Вот что я вам скажу на это, казаки,— задумчиво проговорил Чириков.— Только не обижайтесь за прямоту. Я человек такой — говорю, что думаю. Может, за это некоторые и недолюбливают меня. Я уже давно служу тут, в казенной палате, и примечаю людей, знаю наших бояр зело отменно. Знаю и служилых, начальных людей. Подай им готовенько — они скучают, а так чтоб потрудиться — нет. Они палец о палец не ударят. На рожон не полезут супротив султана турецкого. Ничего у вас не получится из вашей затеи. Ей-богу, не получится! Откажутся они от Азова. Зазря только вы за него столько крови пролили. Ну да ладно, не будем о том говорить... Идите-ка вы сейчас к воротам да ждите меня там. Я сейчас приду, поведу вас, дорогих гостей, к себе, в терем, погощую зело добро...

И в этот день Гурейка с Макаркой допьяна напились у боярина Чирикова.

Возвращаясь от него, они снова повстречались с позавчерашними датчанами. Датчане узнали их и на этот раз избили Гурьяна и Макарку. И надо сказать, что казаки и не оборонялись, не хотели свою вину перед царем увеличивать.

Боярин Чириков доложил царю, что один раз казаки

избили датчан, а другой раз — датчане казаков. Царь посмеялся и махнул рукой на это дело.

Наконец царь, поуправившись с делами, решил принять казаков.

Все семнадцать казаков во главе с атаманом Наумом Васильевым и есаулом Гурьяном Татариновым, чисто вымытые, подстриженные, в новых цветных бархатных и шелковых зипунах, увешанные дорогим оружием, вошли в царскую избу.

У бревенчатой стены, укрытой коврами, на золоченом троне, окруженный боярами, сидел худощавый, бледнолицый царь Руси Михаил Федорович Романов. На голове его, сверкая драгоценными камнями, неловко была нахлобучена отороченная соболем монаршая шапка.

Подойдя к трону, казаки, загремев саблями, повалились в ноги царю.

— Встаньте, атаманы-молодцы! — тихим голосом сказал царь.

Казаки повставали с пола и, выстроившись в очередь, потянулись прикладываться губами к царской руке. Потом чинно стали рядом, полуокружив царя. Бояре в богатых кафтанах и высоких шапках недружелюбно поглядывали на казаков.

— Обскаживайте, атаманы-молодцы,— слабым голосом сказал царь,— ваши дела и нужды.

С детства Гурьян столько много слышал разговоров среди казаков о русском царе Михаиле Федоровиче. Да не только слышал, но и немало под диктовку отца писал грамоты ему от донского казачества. В его представлении царь был каким-то мощным гигантом. А в самом деле оказывается, царь такой слабосильный, немощный, прямо жалость берет на него глядеть, такого хилого, невзрачного.

Атаман Васильев кашлянул, шагнул вперед и, немного волнуясь, стал рассказывать царю о том, как казаки, потеряв много жертв, отстояли все же Азов от турок.

— Просим тебя, государь,— продолжал Васильев,— взять город Азов под свою власть... Мы его отняли от турок своей кровью. Возьми тот город себе в вотчину да пришли к нам свои войска для удержания Азова. Мы одни, казаки, не в силах его удержать, потому как дюже изнурены, переранены, наги и босы, голодны и истощены

Гурьян видел, как царь бросил растерянный взгляд на

дородного, с пышной белой бородой боярина, надменно и горделиво стоявшего впереди бояр.

Это и был сам боярин Морозов, под влиянием которого находился царь.

Не дождавшись ответа от боярина Морозова на свой взгляд, царь неуверенно и скороговоркой сказал:

— Поживите, погостите у нас в белокаменной Москве, атаманы-молодцы... А мы над сим ответом вам подумаем. А для того чтобы вам, казакам, жилось у нас, в столице, не скучно и весело, жалую вам по добруму кафтану, сапогам да по три рубля казакам, десять рублей есаулу, а двадцать атаману.

Казаки поблагодарили царя за милость и ушли. На душе их было скверно. Надо поспешать на Дон, ведь там с таким нетерпением ждали царского ответа. А где уж тут поспешишь! По всему видно, не скоро ответ этот будет дан от царя.

Царь вопрос об Азове передал на обсуждение боярской думы.

Более месяца обсуждали бояре вопрос о том, надо ли взять под власть русского царя Азов или вернуть его туркам. И, не решив ничего, в начале декабря отпустили легкую казачью станицу на Дон с царским письмом, в котором писалось:

«За службу нашему царскому величеству государю Михаилу Федоровичу и наследнику нашему царевичу Алексею Михайловичу вас, атаманов-казаков, честно и мужественно отстоявших Азов, милостиво жалуем и похваляем. А о том, что писали вы к нам об Азове и приказывали сказать нам атаману Васильеву, то посему мы указали послание нашим дворянину Желябужскому и подьячему Башмакову Азов осмотреть, переписать и начертить на плане, а потом дадим вам указ и повеление наше вскоре. Отпустите скорее посланных, стойте за нас крепко, а что вы теперь наги и босы, что у вас нет запасов и пороху, что многие из вас переранены, то в награду за службу вашу нам посылаем вам пять тысяч рублей, а весной с полой водой пришлем вам хлебные, жалованье, съестные припасы, пороху, свинцу и прочее...»

Царский указ

Вернувшись из Азова в Москву, дворянин Желябужский и подьячий Башмаков доложили царю, что Азова

как города вообще не существует. Вместо него стоят развалины, никакой абсолютно ценности не представляющие. Город разрушен до основания, и если туда посыпать войска, то сначала надо заново его отстроить, потому что жить стрельцам будет негде.

Вслед за Желябужским и Башмаковым войсковой круг выслал в Москву новух легкую станицу в составе семнадцати казаков во главе с тем же атаманом Наумом Васильевым при есауле Гурьяне Татаринове.

И снова, не повидавшись с семьей, выехал Гурьян в Москву. Что поделать, дела казачьи важнее личных, семейных.

По своему приезде казаки тотчас же добились приема у царя. И, когда он их принял, они упали перед ним на колени, стали умолять его, чтобы он взял под свою власть Азов.

— Милостивец-государь,— говорил со слезами на глазах атаман Васильев,— пошли как можно скорее свои войска с воеводами под Азов. Мы, казаки, с твоим войском отстоим Азов. Мы умрем, но удержим Азов за собой... Отстоим Азов, и тогда Крым будет под нашей рукой, и никогда крымчаки уже не осмелятся прийти на нашу землю губить и грабить наши русские города и села...

Царь не мог самостоятельно разрешить этот вопрос, запросил мнения бояр.

Но бояре заспорили между собой, разругались, не прияня ни к какому решению. Тогда царь распорядился созвать в Москве по этому вопросу Великий земский собор, на который были приглашены делегации всех сословий страны.

Третьего января 1642 года в царской столовой избе собрался Великий земский собор всея Руси для решения вопроса об Азове.

Царь все больше склонялся к тому, чтобы не ссориться с султаном из-за Азова и отдать его Турции.

Прошел мятежный, снежный январь, подходил к концу и морозный февраль, а московское правительство не пришло еще ни к какому решению.

Дьяки и подьячие подсчитали, что, для того чтобы удержать Азов, потребуется большое войско, численностью не менее десятка тысяч стрельцов, и обойдется это тысяч в триста рублей. А ни войска, ни тем более денег таких в царской казне не было. А тут московские толмачи

Богдан Лыков и Афанасий Букалов, находившиеся в Царьграде, сообщили о том, что этой весной сам великий визирь Турции и крымский хан намереваются с большой силой идти под Азов. И по всей Турции уже разосланы гонцы собирать войско.

В то же время турецкое правительство заверило, что если Азов будет возвращен Турции, то крымский хан никогда больше не будет совершать нападений на русские земли. В случае же отклонения этих условий турки грозили большой войной.

После долгих раздумий русское правительство решило отказаться от Азова. Отказались потому, что внутреннее и международное положение Русского государства было очень тяжелым и сложным.

В результате неудачной войны с Польшей 1632—1634 годов были утеряны Смоленск, Чернигов-Северская земля. В любой момент Польша могла снова вторгнуться в глубь Руси. Напряженные отношения были со Швецией, а Англия и Голландия, пользуясь тяжелым положением Русского государства, добивались установления протектората над частью русских земель.

Создавшееся положение требовало правильного решения от русского правительства. Если бы царь Михаил Федорович и его правительство согласились принять от казаков Азов, то это вовлекло бы Россию в большую, ожесточенную войну с Турцией. Польша, Швеция и другие западные государства воспользовались бы этой войной для захвата русских территорий...

Казачья станица жила в Москве, ждала решения царя. Она надеялась, что их казачье дело будет поддержано Великим собором земли русской.

Живя в Москве, Гурьян совсем изныл, истомился от тоски по жене и матери, которых не видел уже более года...

Как хотелось ему хоть одним глазком бы на мгновение взглянуть на свою семью. Но что поделаешь? Большие, важные дела задерживают его в Москве. Приходится терпеть и ждать.

Но вот наконец атамана Васильева и Гурьяна как его есаула вызвали к царю.

Царь обласкал их, наградил подарками и, дав письмо донским казакам, повелел им вместе с дворянином Засецким немедленно везти его Донскому Войску.

Тридцатого апреля казаки поскакали на Дон, везя

важное царское письмо, не зная еще его содержания.

Ехали кратчайшим путем, через Валуйки. Дорога была крайне опасная, разбойничали кочевники.

И действительно, когда казаки переправились через Донец, их из луков обстреляли татары. Но казаки ускакали, везя как драгоценность царскую грамоту в Азов.

Между тем грамота эта была для казаков горестная.

«Ведомо нам, донские атаманы, что султан Ибрагим, осадя Азов, отправит сильную рать воевать нашу Украину, и всех христиан, находящихся в его владениях, велит побить. Нашей же рати за краткостью времени не успеть прийти под Азов, принять его и вооружить, а как сами вы не однажды писали, что в разоренном Азове держаться невозможно, то дабы напрасно не пролить крови христианской, повелеваем: вам, атаманам-казакам и всевеликому Войску Донскому, Азов оставить, возвратиться по своим куреням или отойти на Дон, кому куда пригодно будет. Будьте добрыми и послушными подданными и на нашу царскую милость и щедрость всегда благонадежны. Если же ослушаешьесь, то ни милости, ни помощи от меня не ожидайте, а себя за напрасное пролитие крови вините».

Эпилог

Узнав о таком решении царя, многие закаленные в битвах казаки рыдали, как дети. Как же было не плакать и не рыдать? В течение ведь пяти лет казаки сидели в Азов-городе, отбиваясь от огромных вражеских полчищ, много друзей и родных потеряли они за это время. Разве же жалко бросить теперь на поругание врага их могилы? А сколько крови казацкой оросило землю азовскую? Сердце разрывалось на части при мысли об этом...

Но ослушаться царского указа казаки не могли, стали готовиться к оставлению крепости.

Под женские унылые причитания начали угрюмые казаки вывозить из Азова все запасы, которые были накоплены, пушки, снаряды.

В память того, что донские казаки сидели в Азове 1637 по 1642 год, вывезли они из Азова в Черкасск

крепостные чугунные ворота и городские базарные весы¹.

Последним из крепости выходил в окружении плачущих баб огромный и лохматый, как столетний дуб, поп Варлаам. Он бережно нес в руках чудотворную икону святого Иоанна Крестителя.

Проследив за выселением казаков, дворянин Засецкий помчался в Москву доложить царю об исполнении его указа.

* * *

Вместе со своими казаками прибыл к себе, в Черкасск, и Гурьян. Теперь он освободился от всех ратных и служебных дел.

Войдя в свой родной курень, он снял шапку, перекрестился на иконы:

— Ну, здорово живете, родные!

Мать взгляделась подслеповатыми глазами в этого статного, дюжего казака. Сердце ее дрогнуло, она узнала сына.

— Гурьяша! — воскликнула она, бросаясь в его объятия.— Ну, какой же ты большой да славный стал! Уходил ты из дома махоньким хлопчиком, а пришел каким казачиной.

— Мамуня, ведь пять лет прошло. Много за это время пережито.

— В том-то и дело, родной мой, что много,— заплакала мать.— И отца за это время потеряли, и Матюху.

— Царствие им небесное, мать! — вздохнул Гурьян. Вдруг лицо его засияло в улыбке: он услышал из горенки плач ребенка.— Зато, мамуня, ежели не ошибаюсь, внук у тебя, никак, голосистый растет, а?..

— Растет,— улыбнулась старуха.— Иди, иди к ним,— слегка подтолкнула она сына в спину.— Ждут тебя.

Распахнув дверь в горенку, Гурьян увидел свою любимую Фатиму, кормившую грудью младенца.

¹ И ворота и весы эти до сих пор находятся на площади Старочеркасской станицы, Ростовской области.

— Гурэйка! — горячо вскрикнула она.— Наконец-
то дождались.

Гурьян прижал жену и сына к груди своей. От радо-
сти у него повлажнели глаза.

* * *

И после стольких страданий зажил Гурейка счастли-
вой жизнью.

Вскоре на войсковом казачьем кругу взамен умершего
в Азове Лукьяна Персианова Гурьяна выбрали войско-
вым дьяком.

